ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

1467 ГОДА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

1467 ГОДА.

Ѳ. УСТРЯЛОВА.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АПОЛЛОНА ФРИДРИХСОНА.

1855.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 февраля, 1855.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Открытіе и изданіе Псковской Судной Грамоты составляютъ весьма замѣчательное явленіе въ области источниковъ древняго Русскаго Права. Отрывокъ ея, напечатанный Карамзинымъ въ его Исторіи Государства Россійскаго (т. V, прим. 404) и извлеченный имъ изъ синодальной лѣтописи, хранящейся въ Москвѣ, подъ № 348, въ первый разъ познакомилъ ученыхъ съ Псковскимъ законодательствомъ, хотя, по своей краткости, могъ дать о немъ весьма неясное понятіе; этотъ-же отрывокъ, переведенный Митрополитомъ Евгеніемъ въ его Исторіи Княжества Псковскаго (ч. I, стр. 44 — 45), помѣщенъ съ небольшими измѣненіями въ Актахъ Археографической Экспедиціи, въ первомъ томѣ, подъ № 103. Въ 1843 г. въ журналѣ «Москвитянинъ» было напечатано письмо Н. Н. Мурзакевича, увѣдомлявшаго пр. Погодина о своей драгоцѣнной находкѣ. — Четыре года спустя послѣ этого объявленія, г. Мурзакевичъ издалъ въ свѣтъ *Псковскую Судную Грамоту*, которая, по справедливости, можетъ быть названа единственнымъ памятникомъ Псковскаго вѣчеваго законоположенія. Изъ предисловія къ ней мы узнаемъ, что она хранилась, вмѣстѣ съ другими Русскими рукописями, въ библіотекѣ кн. М. С. Воронцова, въ Одессѣ, и была отыскана въ «сборникѣ», писанномъ въ листъ на хлопчатой лощеной бумагѣ и

содержащемъ въ себѣ, кромѣ Грамоты, краткую лѣтопись «о началѣ Русской земли и о Литовскомъ Княжествѣ», нѣсколько статей духовнаго содержанія и проч. Въ подлинникѣ Псковская Судная Грамота носитъ слѣдующее названіе: «*Ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, і изъ княжъ Костянтиновы грамоты, і изо всѣхъ приписковъ Псковъскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ Е съборовъ, и священноиноковъ, і діяконовъ и всего Божія священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто* ѕЦЕк». Издатель ея говоритъ, что хотя и видно, изъ какихъ источниковъ она извлечена, кѣмъ и когда всенародно утверждена и въ какомъ году составлена, но невозможно полагаться на древность цифръ, поставленныхъ въ заглавіи. — Основываясь на томъ, что пять соборовъ, упоминаемыхъ въ Грамотѣ, существовали не ранѣе 1462 года, онъ доказываетъ ошибку переписчика, поставившаго 1397 годъ, вмѣсто 1467. Сверхъ того, въ этомъ-же 1467 году былъ присланъ изъ Москвы, отъ В. К. Іоанна Васильевича III, Князь Өедоръ Юрьевичъ Шуйскій намѣстникомъ во Псковъ. По этому можно думать, что въ руководство великокняжескаго намѣстника была составлена Псковская Судная Грамота, какъ изъ «грамотъ» давнихъ князей, такъ «изъ всѣхъ приписковъ Псковскихъ пошлинъ.» Доказательствомъ этого мнѣнія служитъ также отрывокъ ея, напечатанный въ Актахъ Археографической Экспедиціи подъ названіемъ «Новгородской записи о церковномъ судѣ», гдѣ сказано, что отрывокъ писанъ прежде 1477 года, хотя мы и не знаемъ, на какомъ основаніи утверждается это предположеніе. Замѣтимъ здѣсь, что въ 1469 году Псковичи созвали пять соборовъ для ограниченія власти Новгородскаго Архіепископа по дѣламъ его вѣдомства. — По словамъ г. Мурзакевича, упоминаемые въ заглавіи Грамоты Князья: Александръ и Константинъ должны быть, первый — Князь Александръ Михаиловичъ Тверской, который во время гоненія на него Московскаго Князя Іоанна Даніиловича, получивъ защиту и убѣжище у Псковитянъ, правилъ ими дважды, съ 1327 по 1330 годъ и съ 1331 по 1337-й; второй — Князь Константинъ Дмитріевичъ, родной братъ Московскаго

Великаго Князя Василія Дмитріевича, въ началѣ Князь Бѣлозерскій, а потомъ Псковской, правившій Псковомъ, въ 1407 году, только полгода. Желая вполнѣ передать этотъ драгоцѣнный юридическій памятникъ, издатель счелъ долгомъ напечатать Грамоту слово въ слово, предоставя себѣ право : 1) пополнить писцовые недостатки курсивными буквами; 2) раздѣлить по смыслу слова, писанныя переписчикомъ слитно; 3) подраздѣлить текстъ Грамоты на отдѣльные параграфы и 4) разставить знаки препинанія, строго придерживаясь смысла ихъ внутренняго содержанія. Къ концу Грамоты приложены : объяснительный словарь старинныхъ словъ, въ ней встрѣчаемыхъ, и fac simile съ рукописнаго оригинала.

При появленіи въ свѣтъ Псковской Судной Грамоты, Археографическая Коммиссія дала о ней слѣдующій отзывъ : «напечатанная г. М .... «въ Одессѣ Псковская Судная Грамота, по историческому достоинству, «равняется Русской Правдѣ, Новгородской Судной Грамотѣ, Судебни-«камъ Іоанна III и Іоанна IV.» Эти слова достаточно опредѣляютъ то значеніе, которое имѣетъ Псковская Судная Грамота въ исторіи Рускаго Права. Послѣ Русской Правды, до изданія Судебника Іоанна III, мы вовсе не имѣемъ такого законодательнаго памятника, который представилъ бы намъ общую картину юридической жизни древней Руси. Различныя льготныя, жалованныя, губныя и др. грамоты, появившіяся въ XIII — XVI ст., заключаютъ въ себѣ одни частныя узаконенія, разсѣянныя во множествѣ и безъ всякаго порядка, и чрезъ это кажутся всегда чѣмъ-то неполнымъ и неопредѣленнымъ. Кромѣ той высокой степени важности, которую имѣетъ Псковская Судная Грамота для исторіи Пскова, характеръ ея мѣстныхъ законовъ не ограничиваетъ ея значенія въ общей исторіи Русскаго Права. Она отличается не только отъ жалованныхъ, губныхъ и т. п. грамотъ, но даже и отъ Новгородской Судной и Уставныхъ : Двинской, Бѣлозерской, Онежской, съ которыми, по самому существу своему, она, казалось, должна-бы имѣть большое сходство. Въ Новгородской Судной Грамотѣ изложены чисто процессуальныя дѣйствія : въ ней говорится о ходѣ судопроизводства, судебномъ разбира-

тельствѣ, взиманіи пошлинъ и т. п. Псковская Судная Грамота упоминаетъ и объ этомъ, но она не вдается въ подробности, а старается обобщать всякое постановленіе. Въ ней встрѣчаются даже догматическія положенія; казуистическіе законы имѣютъ примѣненіе только въ особенно замѣчательныхъ случаяхъ. Названіе «*судный*» надо принимать здѣсь въ смыслѣ болѣе общемъ, нежели въ примѣненіи этого слова къ Новгородской Судной Грамотѣ. Это видно и изъ того, что Псковская Судная Грамота даетъ весьма много постановленій, относящихся къ Гражданскимъ законамъ опредѣлительнымъ, которые, сами по себѣ, уже носятъ характеръ всеобщности. Въ ней подъ нестройною кажущеюся оболочкою отдѣльныхъ случаевъ, расположенныхъ безъ всякой системы, открывается генетическая связь многихъ узаконеній, дѣлающаяся особенно очевидною при изученіи той массы фактовъ, которую представляютъ намъ древніе юридическіе и историческіе акты. Общее значеніе Псковской Судной Грамоты въ исторіи Русскаго Права зависитъ, сверхъ того, отъ самаго характера тѣхъ источниковъ и юридическихъ началъ, изъ которыхъ она почерпнула свои постановленія. Ея источники могутъ быть раздѣлены на *частные* и *общіе*. Къ первымъ принадлежатъ: вліяніе Новгорода, оказывавшееся, въ слѣдствіе зависимости отъ него Пскова, въ самомъ Псковскомъ Государственномъ управленіи; различныя договорныя грамоты, которыми Новгородъ старался опредѣлить взаимныя отношенія княжеской и вѣчевой власти, по этому и отношенія Псковскаго вѣча къ князьямъ, безъ сомнѣнія, имѣли большое сходство съ существовавшими въ Новгородѣ; наконецъ собственные Псковскіе обычаи, присутствіе которыхъ ясно выражается въ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ постановленіяхъ. Всѣ эти источники были частные, развившіеся въ слѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ и условій; такимъ образомъ и постановленія, изъ нихъ заимствованныя, могли имѣть примѣненіе только въ одной извѣстной области; они не служили въ свою очередь источникомъ для другихъ повсемѣстныхъ узаконеній и должны были исчезнуть вмѣстѣ съ измѣненіемъ прежняго мѣстнаго управленія въ Государственныхъ дѣлахъ. Источники втораго рода оказали совершенно особенное

вліяніе на законы Псковской Судной Грамоты. Хотя Русская Правда Ярослава I имѣла характеръ мѣстнаго законодательства, будучи дана Новгородцамъ, но въ послѣдствіи, при Владимірѣ Мономахѣ, ея постановленія распространились по всей Руси, тѣмъ болѣе, что они встрѣчаются и въ законахъ Западной Россіи и въ Судебникахъ. Вмѣстѣ съ ними вошли въ составъ нашихъ законовъ нѣкоторыя начала Германскаго Права, какъ напр. постановленія о поручительствѣ, самосудѣ и т. д. Съ другой стороны, Христіанская религія, внесшая новые элементы въ государственное устройство древней Руси, породила особенное сословіе — духовенство, права котораго были вездѣ и долго одинаковы, ибо основывались на одномъ уставѣ — Номоканонѣ. Большая часть законовъ Псковской Судной Грамоты заимствована изъ этихъ общихъ источниковъ; понятно, что всѣ эти постановленія должны носить на себѣ характеръ всеобщности, не смотря на то, что были примѣнены только къ одной Псковской области; они послужили такимъ образомъ, въ свой чередъ, началами для будущихъ узаконеній, имѣющихъ цѣлью единство управленія, централизацію. Это явленіе мы видимъ при сравненіи Псковской Судной Грамоты съ Судебникомъ Іоанна III, заимствовавшимъ многія изъ ея постановленій. — Изъ всего нами сказаннаго можно легко усмотрѣть, какимъ богатымъ и разнообразнымъ внутреннимъ содержаніемъ отличается Псковская Судная Грамота. Она пополняетъ тотъ пробѣлъ, который былъ столь ощутителенъ въ исторіи нашего законодательства XIV и XV столѣтій. Еще большій интересъ придаетъ ей и то обстоятельство, что она явилась въ эпоху борьбы обычнаго права съ стремленіемъ законодательства къ формализму. Преобладаніе формы de jure и обычая de facto выразилось необыкновенно ясно не только въ ея постановленіяхъ, но даже и въ самомъ языкѣ. Форма, въ которой изложены ея законы, носитъ на себѣ особый отпечатокъ : съ одной стороны мы видимъ уже установленные закономъ обороты дѣловаго языка, съ другой встрѣчаются слова и выраженія, рѣзко выдѣляющіяся изъ общаго формальнаго характера. Образованіе техническаго языка объясняется самымъ ходомъ развитія законодательства. Когда рѣчи тяжущихся

не стѣснены наложенными заранѣе формами, тогда они передаются просто и свободно; но съ упадкомъ обычнаго права, вмѣсто языка народнаго, живаго, порожденнаго яснымъ и непринужденнымъ сознаніемъ юридическихъ началъ, является языкъ судебный, обязательный, техническій.

Приступая къ изслѣдованію Псковской Судной Грамоты, мы должны прежде всего изложить планъ нашего сочиненія.

Псковская Судная Грамота, будучи яснымъ выраженіемъ обычаевъ и гражданской жизни «господина Пскова», заключаетъ въ себѣ много такихъ постановленій, которыя родились только подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ. Эта особенность отразилась какъ въ самомъ существѣ ея законовъ, такъ и въ формахъ языка, складѣ рѣчи и многихъ словахъ и названіяхъ, нигдѣ не встрѣчаемыхъ въ другихъ историческихъ актахъ. Такимъ образомъ, для полнаго уразумѣнія постановленій Псковской Судной Грамоты, необходимо было изучить ея языкъ и вникнуть въ смыслъ его оборотовъ, весьма замѣчательныхъ по своей краткости и силѣ. Предоставивъ филологическія изысканія ученымъ, спеціально занимающимся этимъ предметомъ, мы тѣмъ не менѣе предприняли намѣреніе объяснить, по возможности, значеніе каждаго, сколько-нибудь темнаго или неизвѣстнаго выраженія, и, для общей полноты и ясности, сочли нужнымъ перевести всю Псковскую Судную Грамоту слово въ слово на современный намъ Русскій языкъ, строго придерживаясь подлинника и отступая отъ него только въ самыхъ неизбѣжныхъ случаяхъ. Многія слова, упомянутыя въ Псковской Судной Грамотѣ, могли быть объяснены по аналогіи съ имъ подобными, встрѣчающимися преимущественно въ Новгородскихъ и Псковскихъ лѣтописяхъ; нѣкоторыя, имѣя значеніе всеобщее, примѣняемое во всей Россіи, частью уже изслѣдованы и объяснены учеными, которыхъ мнѣнія мы привели и сравнили между собою; наконецъ остальныя выраженія мы были принуждены перевести гипотетически, основываясь на однихъ предположеніяхъ, подкрѣпленныхъ, по возможности, доказательствами.

Когда этотъ первый трудъ былъ оконченъ, мы обратились собственно къ систематическому изслѣдованію постановленій Псковской Судной Грамоты, которыя раздѣлили на двѣ части: въ первой изложены *постановленія, относящіяся къ гражданскимъ законамъ опредѣлительнымъ*, во второй — *постановленія, относящіяся къ гражданскому судопроизводству*. Обѣ части состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій; въ первой они расположены въ томъ порядкѣ, который приспособленъ къ распредѣленію нынѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ. Подобная система намъ казалась предпочтительною предъ всѣми прочими по своей ясности и строгому единству. Такимъ образомъ первая часть состоитъ изъ отдѣловъ: *о письменныхъ актахъ, о владѣніи, о поручительствѣ, о продажѣ и куплѣ, о выкупѣ, о займѣ, о ссудѣ и поклажахъ, о личномъ наймѣ, о правахъ на дѣйствія, имѣющихъ свое основаніе въ обидахъ*, и *о наслѣдствѣ*; во второй части находятся статьи: *объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ во Псковѣ, о тяжущихся, о позовахъ, о слѣдствіи и обыскѣ, о свидѣтеляхъ, о присягѣ, о судебномъ поединкѣ* и *о штрафахъ и судебныхъ пошлинахъ*. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ мы разсмотрѣли соотвѣтствующія ему постановленія Псковской Судной Грамоты. Въ первой части мы избрали преимущественно способъ изложенія *сравнительный*, т. е. каждое постановленіе мы сравнивали съ законами предыдущаго и послѣдующаго времени, и если гдѣ замѣчали сходство, то старались объяснить, какіе законы послужили источникомъ извѣстному постановленію и въ составъ какихъ законовъ оно вошло въ свою очередь въ послѣдствіи. При этомъ мы въ особенности обращали вниманіе на узаконенія Русской Правды, Новгородской Судной Грамоты и Судебниковъ, равно какъ на нѣкоторыя уставныя грамоты, Двинскую, Бѣлозерскую, Онежскую и др. Правыя грамоты, закладныя, поручныя и выкупныя записи, напечатанныя въ Актахъ Юридическихъ, послужили намъ также предметомъ сравненія. Этого плана невозможно было придерживаться исключительно во второй части нашего сочиненія, гдѣ мы старались ограничиться преимущественно из-

ложеніемъ постановленій Псковской Судной Грамоты, такъ какъ они относятся большею частью къ извѣстнымъ лицамъ и опредѣляютъ предметы ихъ вѣдомства; разсматривая ихъ сравнительно съ законами, говорившими о томъ же, мы принуждены были бы выписать всевозможныя о нихъ узаконенія и такимъ образомъ явилось бы не изслѣдованіе постановленій Псковской Судной Грамоты объ органахъ судопроизводства и кругѣ ихъ дѣйствій, а исторія этихъ органовъ. Поэтому, ограничиваясь однимъ общимъ систематическимъ изложеніемъ, мы прибѣгали къ сравнительному способу или въ случаѣ объясненія нѣкоторыхъ законоположеній Псковской Судной Грамоты, или въ случаѣ ихъ очевиднаго сходства съ другими юридическими памятниками. Въ слѣдъ за второю частью нашего изслѣдованія, мы присоединили къ нему *приложенія*, состоящія 1) изъ *перевода* Псковской Судной Грамоты; 2) изъ *примѣчаній* на ея переводъ, и 3) изъ *указателя словъ*, встрѣчающихся въ Псковской Судной Грамотѣ и до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ, или не вполнѣ изслѣдованныхъ, или неправильно объясняемыхъ.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о тѣхъ источникахъ и ученыхъ пособіяхъ, которыми мы пользовались при нашемъ изслѣдованіи.

Древніе акты и лѣтописи, служившіе намъ *источниками*, были слѣдующіе:

Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей, изд. Археографическою Коммиссіею. Этотъ лѣтописный источникъ принесъ намъ большую пользу при переводѣ Псковской Судной Грамоты; особенную помощь оказали намъ въ этомъ случаѣ слѣдующія лѣтописи: въ I томѣ *Лаврентьевская*, во II т. *Ипатьевская;* въ III т. *лѣтописи Новгородскія I, II и III;* въ IV т. *лѣтопись Новгородская IV* и *Псковская I;* въ V т. *лѣтопись Псковская II.*

Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго (XIII-го вѣка), изд. К. М. Оболенскимъ, М. 1851.

Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. I, II, III и VI, 1786.

Лѣтопись Нестора по Кенигсбергскому списку, СПБ. 1767.

Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи (нынѣ Министерствѣ) Иностранныхъ Дѣлъ и изд. графомъ Румянцевымъ, 1813—1820, ч. I и II.

Акты Археографической Экспедиціи, 1836, т. I, II, III и IV.

Акты Историческіе, изд. Археографическою Коммиссіею, 1841, т. I и III.

Дополненія къ Актамъ Историческимъ, изд. Археографическою Коммиссіею, СПБ. 1846, т. I.

Акты Юридическіе, изд. Археографическою Коммиссіею, СПБ. 1838.

Софійскій Временникъ, 1820, т. I.

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Русскія Достопамятности, изд. Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ: I ч. 1815, II — 1843; III — 1844.

Русская Правда въ изслѣдованіи г. *Калачова*, М. 1846.

Короткая Русская Правда, по изданію *Татищева*, въ I и II ч. продолженія древней Россійской Вивліоѳики, СПБ. 1786.

Судебникъ В. К. Іоанна Васильевича III, въ I ч. прод. Древней Рос. Вивліоѳики, 1786; съ прим. *Татищева*.

Изъ числа *ученыхъ пособій*, мы считаемъ нужнымъ упомянуть о слѣдующихъ:

Исторія Государства Россійскаго, Н. М. Карамзина, изд. Эйнерлинга, СПБ. 1842.

Древнѣйшее Русское Право, соч. Эверса, переводъ *И. Платонова*, СПБ. 1835.

Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ, соч. *К. Неволина*, СПБ. 1851, 3 тома.

Опытъ исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ законовъ, А. Рейца, переводъ *Ѳ. Морошкина*, М. 1836.

Исторія Княжества Псковскаго, *митр. Евгенія*, Кіевъ, 1831, 2 тома.

Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго, соч. *пр. Неволина*, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1844, № 1, 2, 3.

Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи, А. Куницына, СПБ. 1843.

О судебникѣ Царя Іоанна Васильевича, ст. *Н. Калачова*, въ Юридическихъ Запискахъ, изд. пр. *Рѣдкинымъ*, М. ч. I — 1841, ч. II — 1842.

Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, К. Кавелина, М. 1844.

Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до 1649 г., М. Михайлова, СПБ. 1848.

Уставы и управленіе Новгорода въ средніе вѣки, соч., извлеченное изъ труда *Эверса* и помѣщенное въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1840, № 7.

Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ, С. Соловьева, М. 1845.

При переводѣ Псковской Судной Грамоты, кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, мы обратили особенное вниманіе на слѣдующія:

Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, изд. II отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ, СПБ. 1847, 2 тома.

Повѣствованіе о Россіи, И. Арцыбышева, М. т. I и II — 1838, т. III — 1843.

О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, К. Неволина, въ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. VIII, СПБ. 1853.

Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ, Г. Успенскаго, изд. 2, Харьковъ, 1818.

Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, П. Иванова, М. 1836.

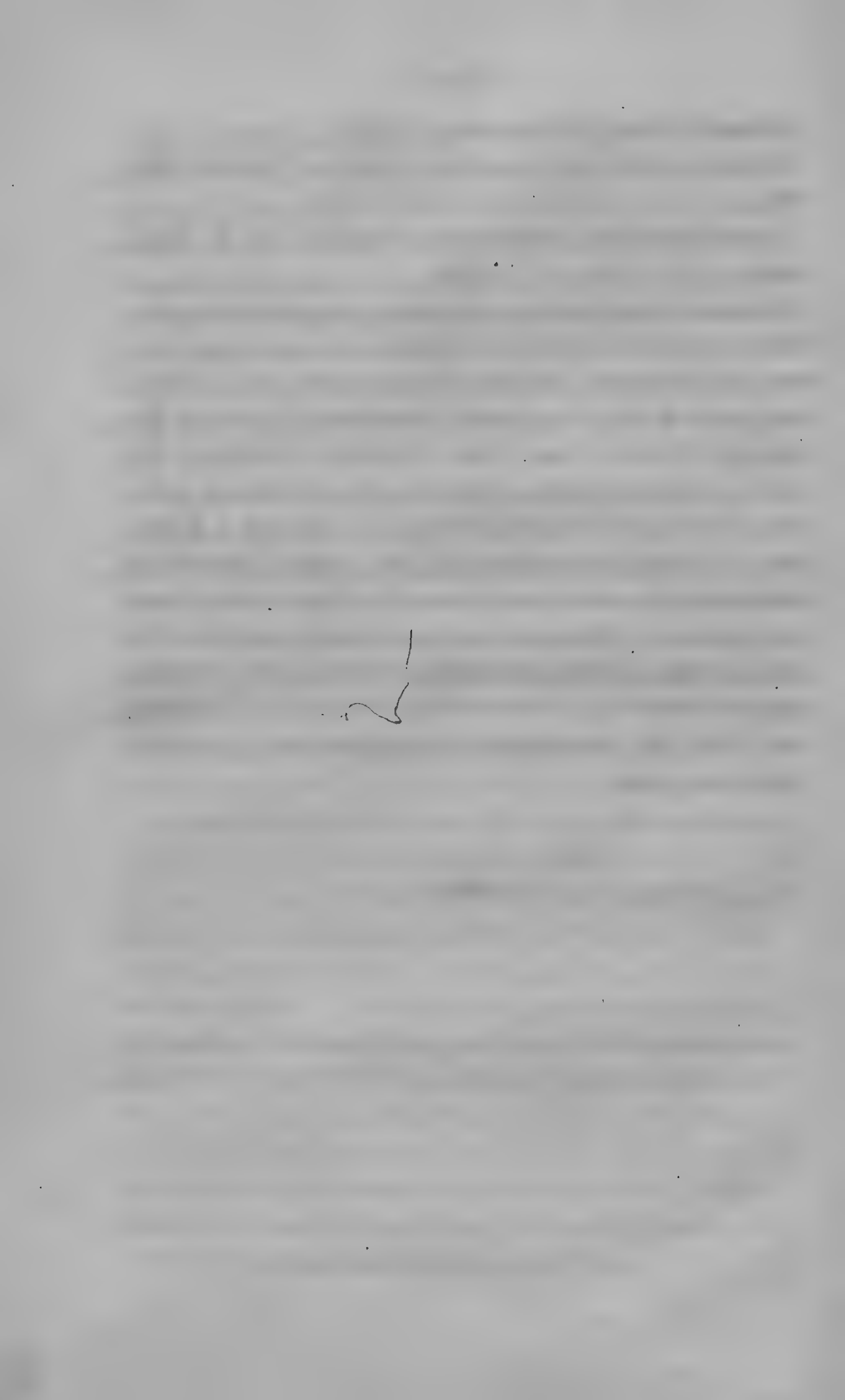
Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи, М. Погодина, т. I, III, IV.

Исторія Россіи, С. Соловьева, т. I, IV.

Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, гр. Толстаго, СПБ. 1848.

Архивъ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, изд. Н. Калачовымъ, т. I — 1850, т. II — 1854.

Псковская Судная Грамота до сихъ поръ не была предметомъ особеннаго изслѣдованія. Ея узаконенія, относящіяся къ гражданскимъ законамъ опредѣлительнымъ, бо̀льшею частью разсмотрѣны *К. А. Неволинымъ* въ его *Исторіи Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ.* Митрополитъ *Евгеній* и проф. *Рейцъ, Куницынъ, Снегиревъ* и *Калачовъ,* по всей вѣроятности, руководствовались исключительно отрывкомъ, находящимся въ Исторіи Карамзина. *Пр. Соловьевъ* и *Михайловъ* и *г. Поповъ* также помѣстили въ свои сочиненія нѣкоторыя изъ постановленій Псковской Судной Грамоты. Въ «Юридическомъ Сборникѣ», изданномъ *Д. Мейеромъ,* она не разъ служитъ предметомъ ученыхъ изысканій. Наконецъ были напечатаны весьма краткіе и неполные разборы въ журналахъ «*Отечественныя Записки*» и «*Современникъ*» 1847 года, разсматривавшіе ее преимущественно съ филологической точки зрѣнія.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ГРАЖДАНСКИМЪ ЗАКОНАМЪ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬНЫМЪ.

—

I.

ОБЪ АКТАХЪ ПРАВЪ НА ИМУЩЕСТВА.

Изъ письменныхъ актовъ, удостовѣряющихъ права на имущества и относящихся или къ праву по обязательствамъ, или къ праву наслѣдства, въ Псковской Судной Грамотѣ упоминаются слѣдующіе : *грамоты, старыя, пошлинныя, купленныя* и *купныя грамоты, доски, подрядняя, рядница, запись, выкупокъ* и *рукописаніе.* Разсмотримъ каждый изъ этихъ актовъ въ отдѣльности.

Слово «*грамоты*» принимается въ смыслѣ общаго названія письменныхъ документовъ всякаго рода. Оно относилось безразлично къ актамъ, утверждавшимъ владѣніе поземельною собственностью [1], и къ заемнымъ письмамъ, дававшимся, вмѣстѣ съ закладомъ, въ обезпеченіе займа [2]. Тоже самое значеніе имѣло названіе «грамота» и въ Греціи, откуда оно перешло къ намъ во время нашихъ первыхъ сношеній съ этимъ государствомъ [3]. Въ Актахъ Юридическихъ «грамотами» называются самые разнородные документы; такъ мы находимъ грамоты : докладныя, оброчныя, льготныя, заповѣдныя, береженныя, храмозданныя, настольныя, благословенныя, патрахильныя, духовныя, и т. д. [4]. Въ Судебникѣ Іоанна III упоминаются грамоты отпускныя и полныя, кромѣ относившихся непосредственно къ судебному дѣлопроизводству [5]. Еще

1. Псковская Судная Грамота, стр. 2, 12.
2. ibid. стр. 5, 6, 13, 16.
3. Лаврент. лѣт., стр. 20.
4. См. Акты Юрид. №№ 31, 168, 175, 358, 359, 378, 381, 389, 391, 410 и др.
5. Акты Ист. I, стр. 153 и 157.

большее разнообразіе въ употребленіи этого названія мы видимъ въ Судебникѣ Іоанна IV [1]. Отъ общаго названія грамотъ должно отличать *старыя* [2] или *пошлинныя* [3] и *купныя* [4] или *купленныя грамоты* [5]. Пошлинная грамота значитъ тоже самое, что старая, древняя грамота, какъ это видно изъ сходства самыхъ названій: въ древнія времена *судъ по пошлинѣ* означалъ *судъ по старинѣ* [6]. Подъ именемъ купныхъ или купленныхъ грамотъ подразумѣвались новыя, происшедшія въ слѣдствіе купли какого либо имущества и утверждавшія владѣніе имъ.

Доски упоминаются весьма часто. Въ XV столѣтіи еще не вывелось изъ употребленія писать акты на доскахъ, какъ на веществѣ прочномъ и дешевомъ. На нихъ сохранялись условія о закладахъ [7], поклажахъ [8], ссудѣ денегъ [9], долгахъ [10], помѣщались договоры, относившіеся къ торговлѣ [11], къ личному найму [12] и т. п. Различіе досокъ отъ грамотъ состояло въ томъ, что послѣднія были писаны преимущественно на бумагѣ. Кромѣ матеріяла, на которомъ излагались различныя условія и постановленія, доски и грамоты, въ своемъ содержаніи, ничѣмъ существенно не отличались другъ отъ друга. Въ Псковской Судной Грамотѣ встрѣчается однажды названіе *закладныхъ досокъ* [13], которое ясно показываетъ, въ чемъ состояло ихъ содержаніе. Неизвѣстно, писались ли въ то время на доскахъ завѣщанія.

Подряднею и *рядницею* именуются вообще условія, заключенныя съ согласія обѣихъ договорившихся сторонъ и изложенныя на бумагѣ [14], или распоряженія и завѣщанія, сдѣланныя однимъ лицемъ въ пользу другаго [15]. Названія эти однозначущи и происходятъ отъ одного корня *рядить* — договариваться, приказывать [16]. Въ древнія времена слово *рядъ* имѣло весьма обширное значеніе; оно употреблялось въ смыслѣ: 1) условія, договора; такъ въ Русской Правдѣ говорится: « найметь

1. Акты Ист. I. стр. 219—251.
2. П. С. Гр., стр. 3, 16.
3. ibid., стр. 16.
4. ibid.
5. ibid.
6. Ср. Акты Арх. Эксп. I, стр. 5 и Новг. Лѣт. I, стр. 73; также въ прилож. прим. I.
7. П. С. Гр., стр. 5, 6.
8. ibid. стр. 3, 4
9. ibid., стр. 5, 6, 14.
10. ibid., стр. 7.
11. ibid.
12. ibid., стр. 12; см. еще стр. 11 и 15.
13. ibid., стр. 15.
14. ibid., стр. 6, 7.
15. ibid., стр. 3.
16. Ср. Русск. Достоп. II, прим. 132; III, прим. 111 и 198. *Приказъ* значилъ завѣщаніе, *приказникъ* — душеприкащикъ (см. въ приложеніи прим. 41 и 119).

рабу безъ ряду» — женится на рабѣ безъ всякаго условія, безъ рядной [1]; 2) завѣщанія: «паки без ряду оумреть [2]; 3) совѣта, сходбища: «поидете къ мнѣ съ сыномъ моимъ Ярославомъ на ряды [3]; 4) суда и расправы, какъ думаетъ Карамзинъ [4]; 5) наконецъ въ смыслѣ общины купцовъ въ Новгородѣ, имѣвшихъ свои лавки рядомъ [5]. Въ Русской Правдѣ изъ письменныхъ актовъ встрѣчается одно это названіе. Въ Псковской Судной Грамотѣ слова «подрядняя» и «рядница» употребляются только въ двухъ первыхъ значеніяхъ; слово же «рядъ» вовсе не упоминается.

Запись давалась преимущественно должникомъ заимодавцу въ принятіи отъ него денегъ или имущества и въ отдачѣ ему заклада [6]; въ ней также обозначались проценты [7]. Личный наемъ и плата за него скрѣплялись записью между хозяиномъ и наемщикомъ [8]. Въ Актахъ Юридическихъ упоминаются записи въ весьма разнообразномъ значеніи: отводныя, разъѣзжія, отдѣльныя, ввозныя, межевыя, порядныя, рядныя, раздѣльныя, мировыя, поручныя, крестоприводныя и др. Въ Псковской Судной Грамотѣ замѣчательно выраженіе *«выкупокъ»* [9], означающее, безъ сомнѣнія, запись на выкупъ проданной или заложенной земли [10]. Въ Юридическихъ Актахъ мы дѣйствительно находимъ указаніе на существованіе выкупной записи въ первой половинѣ XVI-го ст. Она упоминается въ нихъ впрочемъ одинъ только разъ [11]. Г. Калачовъ объясняетъ, что выкупныя записи совершались по случаю выкупа имѣнія его вотчинниками и не отличались отъ купчихъ [12]. Но постановленіе Псковской Судной Грамоты опровергаетъ это опредѣленіе, ибо «выкупокъ» давалъ право на выкупъ, а не совершался въ слѣдствіе выкупа проданной земли.

Названіе *рукописанія* придается единственно завѣщанію [13], хотя оно иногда означало письменное обязательство. Въ Судебной Новгородской

1. Русск. Достоп. II, стр. 113.
2. ibid., II, 104. Г. Дубенскій переводитъ это выраженіе: «умреть безъ завѣщанія». Г. Калачовъ придаетъ въ этомъ случаѣ слову *рядъ* смыслъ не завѣщанія, а *раздѣла*, учиненнаго между сыновьями умершимъ отцомъ (Изслѣд. о Русской Правдѣ, стр. 102).
3. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 31.
4. И. Г. Р. III, прим. 130.
5. Уставы и Управленіе Новгорода въ средніе вѣки, переводъ В. И., стр. 47; ср. въ прил. прим. 45.
6. П. С. Гр. стр. 3, 6, 14, 15.
7. ibid, стр. 12.
8. ibid., стр. 8, 13, 14.
9. ibid., стр. 3.
10. См. въ прилож. пр. 37.
11. Подъ названіемъ: «Выкупная Петру Игумнову на дворъ, пожни и рыбныя ловли, въ Ярепской области» (№ 134, стр. 157).
12. О Суд. Іоан. IV, въ Юридическихъ Запискахъ, П. Рѣдкина, I, стр. 92.
13. П. С. Гр., стр. 3, 14, 15.

Грамотѣ мы не встрѣчаемъ ни рядницы, ни записи, ни рукописаній; въ ней находятся только «грамоты», и то исключительно въ значеніи формъ судебнаго дѣлопроизводства. Въ Судебникѣ Іоанна III названіе грамотъ употребляется по большей части въ томъ же смыслѣ. Слово «выкупокъ» принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ мѣстному Псковскому нарѣчію, ибо нигдѣ не встрѣчается въ древнихъ законодательныхъ памятникахъ.

Съ начала XV-го столѣтія мы замѣчаемъ особенное стремленіе къ письменному дѣлопроизводству, подавшее постепенно поводъ къ исключенію присяги и другихъ нематерьяльныхъ доказательствъ: имѣвшій у себя грамоты на владѣніе имуществомъ иногда освобождался отъ принесенія присяги, въ случаѣ притязаній и спора, и оправдывался судомъ. Письменная форма встрѣчается въ древней Россіи довольно рано, хотя въ Русской Правдѣ договоры совершались большею частью при свидѣтеляхъ, безъ употребленія письма. Въ послѣдствіи словесные договоры удержались при передачѣ движимыхъ и немногоцѣнныхъ имуществъ. Въ періодъ Судебника письменная форма была уже во всеобщемъ употребленіи, она называлась *кабалою*. Въ Судебникѣ она является въ полномъ развитіи. Тѣ же начала дѣйствовали и въ Псковскомъ законоположеніи, но не во всѣхъ, а въ тѣхъ только случаяхъ, въ которыхъ не примѣнялось обычное право; сверхъ того различались самые документы и однимъ придавалось болѣе важности и значенія, другимъ менѣе, смотря по обстоятельствамъ и сущности различныхъ актовъ. Доски пользовались весьма малымъ уваженіемъ: если истецъ или отвѣтчикъ не имѣлъ другаго доказательства, кромѣ досокъ, то тяжущійся долженъ былъ идти къ присягѣ или на судебный поединокъ [1]. Если въ доскахъ спорныя вещи не были написаны поименно, то эти документы вовсе не принимались въ доказательство [2]. Заемъ, обезпеченный закладомъ болѣе рубля и написанный на доскахъ, считался какъ бы не существовавшимъ и заимодавецъ терялъ всякое право на искъ [3]. Заемъ могъ быть написанъ на доскахъ только тогда, когда онъ не превышалъ суммы рубля, если же заимодавецъ давалъ денегъ болѣе, то закладъ и заемъ должны были упоминаться въ записи [4]. Слѣдовательно запись составляла второй, высшій разрядъ письменныхъ актовъ; она разсматривалась какъ необходимое условіе для начатія иска о ссудѣ, закладѣ, поклажѣ и т. п. [5].

1. П. С. Гр., стр. 3, 7, 11.
2. ibid., стр. 4.
3. ibid., стр. 6.
4. ibid.
5. ibid., стр. 3.

Иногда запись даже исключала доказательства присягою, напр. когда у хозяина была запись, въ которой находились условія найма и платы, заключенныя между нимъ и его наемникомъ [1]; когда въ записи были упомянуты срокъ и проценты, слѣдуемые заимодавцу за отданныя въ заемъ деньги [2]; когда наемная плата была выдана впередъ наемнику и подтверждена записью [3], — во всѣхъ этихъ случаяхъ не требовалось принесенія присяги въ знакъ справедливости тяжебнаго дѣла. Но если при договорѣ личнаго найма хозяинъ не имѣлъ записи и велъ искъ противъ своего наемника, то судебное мѣсто довольствовалось одною присягою и искъ не прекращался, не смотря на имѣніе записи [4]. То же самое было постановлено въ отношеніи къ кредиторамъ умершаго, не имѣвшихъ записи на уплату взятыхъ у нихъ денегъ [5]. Если истецъ владѣлъ, сверхъ записи, другими грамотами, относившимися къ тому же самому дѣлу, то съ него не требовалось присяги; напротивъ имѣвшій одну только грамоту долженъ былъ присягать [6]. Вообще грамоты не исключали присяги и относились болѣе къ тѣмъ актамъ, которые удостовѣряли владѣніе поземельною собственностью; для такого рода документовъ въ Псковской Судной Грамотѣ нѣтъ спеціальнаго названія [7]. И такъ грамоты, въ послѣднемъ смыслѣ, хотя и принимались въ доказательство владѣнія землею, но имѣли такое же значеніе, какъ и доски. Выкупная запись (выкупокъ) имѣла менѣе силы, нежели запись вообще, если у отвѣтчика находились старыя грамоты на купленную имъ землю; въ такомъ случаѣ тяжущіеся должны были идти на судебный поединокъ или дать присягу [8]. Подрядная, т. е. завѣщаніе, составленное умершимъ лицомъ, ограждала его душеприкащиковъ и наслѣдниковъ отъ всякихъ споровъ и притязаній, но только въ томъ случаѣ, когда истецъ не имѣлъ у себя заклада и записи на спорныя вещи и когда завѣщаніе, или списокъ съ него, было положено въ архивъ Троицкаго Псковскаго Собора [9]. Вообще если списокъ съ извѣстнаго договора или условія не находился въ этомъ архивѣ, то оригиналъ не входилъ въ число доказательствъ [10]. Въ этомъ случаѣ договоръ имѣлъ значенія даже менѣе досокъ, которыя дозволялось пред-

1. П. С. Гр., стр. 7—8.
2. ibid., стр. 12.
3. ibid., стр. 13.
4. ibid., стр. 7—8.
5. ibid., стр. 14—15.
6. ibid., стр. 15—16.
7. ibid., стр. 2—16.
8. ibid., стр. 3.
9. ibid.
10. ibid., стр. 6.

ставить въ судъ для вчинанія иска [1]. Точно также, чтобы рукописаніе имѣло свое дѣйствіе, необходимо было положить его списокъ въ архивъ Св. Троицы [2]. Изъ послѣдняго обстоятельства видно, какое важное значеніе придавалось тѣмъ актамъ, которые были положены въ церковный архивъ. Документы, въ немъ хранившіеся, считались доказательствами, неподверженными ни какому сомнѣнію. *Ларь* былъ родъ ковчега, въ которомъ сохранялись не только частные акты или различныя грамоты, какъ напр. доски, рядницы, записи и т. п., но и всѣ древнія Псковскія грамоты, вѣчевыя записи и приговоры [3]. Такъ подъ 1485 годомъ въ первой Псковской лѣтописи говорится: «грамоту новую списали и въ ларь вложили [4]». Этотъ ларь имѣлъ особенно значительную силу въ общественномъ мнѣніи. Для храненія бумагъ, въ немъ находившихся, учрежденъ былъ во Псковѣ чинъ *Ларника* [5]. Митрополитъ Евгеній приводитъ изъ Псковской лѣтописи подъ тѣмъ-же годомъ слѣдующее мѣсто: «Игуменъ Евѳимій, иже прежде былъ Ларникомъ во Псковѣ, въ той-же власти много зла народу учини и убѣже и пострижеся» [6]. Можно по этому заключить, что въ чинъ ларника избирались духовные люди и что эта должность, по всей вѣроятности, была весьма значительна. Ея учрежденіе показываетъ намъ, сверхъ того, какъ заботливо старались Псковичи сохранить въ цѣлости свои уставы и приговоры. Изъ другихъ лѣтописей и грамотъ не видно, чтобы чинъ ларника существовалъ гдѣ-либо, кромѣ Пскова [7]. Нахожденіе вѣчевыхъ грамотъ въ ларѣ не обязывало впрочемъ Псковичей поступать по нимъ безпрекословно и неизмѣнно. Въ первой Псковской лѣтописи сказано, что въ 1470 году они «свою крѣпостьную ларную крѣпость грамоту вынемше подрали, мѣсяца генваря въ 5, каа была изъ Намаканона писана; а лежала въ лари тая грамота положена годъ да полъ третья мѣсяца [8].»

1. П. С. Гр., ibid., стр. 7.
2. ibid., стр. 3.
3. Исторія Княжества Псковскаго, митр. Евгенія, 1831, ч. I, стр. 40.
4. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, стр. 266; ср. также стр. 232.
5. Ист. Княж. Псковскаго, I, 40.
6. ibid.
7. Въ соч. «Историческое обозрѣніе Россійскаго Законоположенія», напечатанномъ въ Сѣверномъ Архивѣ 1826 года, часть XIX, стр. 367, говорится по этому поводу слѣдующее: Всенародныя совѣщанія, называвшіяся у Славянъ *Вѣчами*, издревле были вѣроятно только устныя, но въ послѣдовавшія времена были уже и письменные Вѣчевые приговоры, которые хранились въ *Вѣчевомъ Ларѣ*, и хранитель оныхъ назывался *Ларникомъ*, какъ видно въ Псковской Лѣтописи». Замѣчательно, что здѣсь находится ссылка также на *одну* только *Псковскую* лѣтопись. Татищевъ пишетъ, что во времена В. К. Всеволода, договорныя между князьями грамоты хранились въ Кіевскомъ Софійскомъ Соборѣ (Рос. Ист., ч. II, стр. 310). Это замѣчаніе весьма неопредѣленно.
8. Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 233.

Постановленія Псковской Судной Грамоты упоминаютъ вообще о письменныхъ актахъ съ гораздо большею подробностью, нежели другія судебныя грамоты того времени, какъ напр. Новгородская, Двинская и др., и даютъ довольно определенное значеніе каждому изъ упомянутыхъ нами документовъ. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ очень мало положительныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ составлялись эти акты, въ присутствіи какихъ лицъ они совершались и въ какое именно судебное мѣсто они были представляемы для засвидѣтельствованія. Въ XV столѣтіи хотя письменная форма для совершенія договоровъ и не была еще опредѣлена закономъ, но уже существовалъ установленный обычаемъ, особенный дѣловой языкъ, изъ котораго многія выраженія сохранились доселѣ въ нашемъ законодательствѣ. Изъ Судебника Іоанна IV видно, что необходимую принадлежность купчихъ грамотъ или записей составляли : 1) означеніе договаривающихся лицъ — *продавца* и *купца* [1]; 2) означеніе продаваемаго предмета; 3) цѣна; 4) объявленіе, что продаваемый предметъ дѣйствительно принадлежитъ продавцу и свободенъ отъ всякихъ споровъ и притязаній; 5) обязательство со стороны продавца въ томъ, что онъ будетъ *очищать* продашную вещь отъ чужой купчей или кабалы и не введетъ покупщика въ убытокъ. Подобная форма составленія грамотъ, безъ сомнѣнія, употреблялась и во Псковѣ. Болѣе положительные выводы мы можемъ заключить изъ узаконеній Псковской Судной Грамоты, относящихся въ частности къ записямъ, рукописанію и рядницамъ. Эти узаконенія намъ показываютъ, что въ заемныхъ записяхъ означались : 1) лица заимодавца и заемщика; 2) занимаемый предметъ; 3) проценты и 4) срокъ уплаты займа. Въ договорныхъ записяхъ упоминались : 1) предметъ договора; 2) условія его; 3) плата за исполненіе договорныхъ условій; 4) плата, выдаваемая наемнику впередъ и называемая *покрутой* [2]. Рукописаніе и рядницы сохранялись, преимущественно предъ прочими родами актовъ, въ церковномъ ларѣ. Для дѣйствительности изъявленія послѣдней воли умирающаго необходимо было рукописаніе; иначе она не имѣла ни какого юридическаго значенія и наслѣдство переходило *по закону*. Исключеніе составлялъ тотъ случай, когда умирающій, при своей жизни, давалъ кому-либо грамоты на владѣніе имуществомъ предъ своимъ духовнымъ отцомъ и посторонними людьми, — свидѣтелями [3]. Изъ другихъ узаконеній извѣстно, что для соста-

1. Ср. Суд. Іоанна IV, ст. 95.
2. См. въ прил. прим. 101.
3. О формахъ составленія завѣщаній см. Акты Юрид. №№ 418, 419, 420, 421 и пр.

вленія завѣщаній необходимы были свидѣтели, что между ними находился обыкновенно духовный отецъ умершаго и что завѣщанія являлись Митрополиту. Отецъ духовный и свидѣтели подтверждали, что *та духовная писана передъ ними, при животѣ* завѣщателя, и руки у духовной ихъ. Митрополитъ, *выслушавъ духовную,* прикладывалъ къ ней руку и печать, и сверхъ того завѣщаніе подписывалъ его Дьякъ [1]. Такимъ образомъ всѣ постановленія Псковской Судной Грамоты о письменныхъ актахъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ строго требовало законодательство совершенія письменнымъ образомъ большей части договоровъ и распоряженій [2]. Неисполненіе этаго условія уничтожало всю силу договора. Между тѣмъ письменные документы не считались главнѣйшимъ судебнымъ доказательствомъ : такое-же значеніе имѣла и присяга, требуемая даже при ихъ существованіи Это странное противорѣчіе объясняется съ одной стороны начинавшимся стремленіемъ законовъ къ формализму, съ другой дѣйствіемъ стариннаго обычнаго права : присяга пользовалась попрежнему важнымъ значеніемъ въ общественномъ мнѣніи и, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, исключалась весьма рѣдко изъ числа другихъ судебныхъ доказательствъ.

II.

О ВЛАДѢНІИ.

Въ этомъ отдѣлѣ мы разсмотримъ только тѣ постановленія Псковской Судной Грамоты, которыя относятся къ владѣнію недвижимымъ имуществомъ. Случаи владѣнія движимымъ имуществомъ будутъ нами изслѣдованы въ статьяхъ о продажѣ и куплѣ и о правахъ на дѣйствія, имѣющихъ свое основаніе въ обидахъ, гдѣ владѣніе является въ видѣ незаконнаго присвоенія чужой собственности.

Владѣніе поземельною собственностью простиралось на все, что находилось въ ея предѣлахъ; оно было неразлучно съ правомъ пользоваться лѣсами и водами, охотиться и ловить рыбу [3]. Псковское законодательство ясно различаетъ землю пахатную, подъ лѣсомъ, воздѣланныя пашни, рѣки, строенія, бортныя ухожья и т. п. Владѣлецъ былъ полнымъ хозяиномъ на своей межѣ, пользуясь всѣмъ неограниченно и уступая это

1. О Суд. Іоан. IV, Калачова, въ Юр. Зап. I, стр. 101.
2. На стр. 5—6 П. С. Гр. есть постановленіе, изложенное въ видѣ исключенія изъ общаго правила.
3. П. С. Гр., стр. 2.

право другимъ [1]. Право собственности, въ особенности движимой, извѣстно всякому народу, въ какомъ-бы младенческомъ состояніи онъ ни находился. Недвижимая собственность хотя и существовала у древнихъ Славянскихъ племенъ, но первоначально была, кажется, фамильною собственностью родовъ, отдѣленныхъ границами отъ сосѣдственныхъ семействъ и отъ владѣній Князя. Не ранѣе времени Ярослава Великаго и его наслѣдниковъ появляется собственность въ смыслѣ частнаго имущества, и прежде всего открывается собственность *поземельная* [2]. Съ тѣхъ поръ оказалась возможною продажа и купля недвижимыхъ имуществъ; слѣдствіемъ этого были различныя тяжебныя дѣла, относившіяся сначала къ праву владѣнія. Именно касательно исковъ подобнаго рода существовало древнее правило, что хозяинъ беретъ вещь гдѣ найдетъ, но что несправедливо ее присвоившій платитъ Князю виру. Пользованіе собственностью было большею частью неограничено, и при передачѣ ея мало соблюдалось законныхъ формъ; вмѣсто судебныхъ укрѣпленій, давалась только *грамота* на владѣніе. Такое незначительное юридическое развитіе права владѣнія замѣтно и въ XV столѣтіи. Въ Псковской Судной Грамотѣ доказательствами права собственности считались вообще *грамоты* [3], между которыми различаются *старыя* и *купныя*; другихъ названій вовсе не встрѣчается. Но и эти грамоты имѣли мало силы : тяжущіеся должны были выходить на судебный поединокъ или присягать, хотя и являлись предварительно на сводъ въ присутствіи межевщиковъ [4]. Слѣдовательно и здѣсь мы видимъ преимущество обычнаго права предъ письменными доказательствами : судъ Божій и присяга рѣшали окончательно спорное дѣло.

Давность владѣнія въ Псковской Судной Грамотѣ опредѣлена весьма точно : кто владѣлъ землею въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ, тотъ получалъ на нее право собственности, но только въ томъ случаѣ, когда его противникъ, т. е. настоящій владѣлецъ, не изъявлялъ притязаній на спорную землю во все это время и когда отвѣтчикъ могъ представить въ судебное мѣсто свидѣтелей, которые подтвердили-бы, сколько лѣтъ онъ владѣетъ безспорно своею землею [5]. Этотъ срокъ давности и защита вещныхъ правъ относятся не только къ одной землѣ, въ соб-

1. Опытъ исторіи Россійск. Госуд. и Гражд. Законовъ, А. Рейца, стр. 209, 210. Авторъ прибавляетъ, что существованіе регалій въ это время сомнительно.
2. ibid., стр. 68 и далѣе; также стр. 213, прим. 3.
3. Стр. 2, 12 и 16.
4. ibid., стр. 2 и 16.
5. ibid., стр. 2.

ственномъ смыслѣ, но и къ водѣ, строеніямъ, пашнямъ и пр., вообще ко всему тому, что входитъ въ область недвижимой собственности. Исключеніе, кажется, составляетъ земля подъ лѣсомъ, по отношенію къ которой Псковская Судная Грамота не принимаетъ давности, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда для рѣшенія спора представлены отъ тяжущихся сторонъ грамоты [1]. Къ числу судебныхъ разбирательствъ принадлежало сличеніе поземельныхъ грамотъ какъ истца, такъ и отвѣтчика; замѣчательно, что однѣ изъ нихъ велѣно было читать въ судѣ княжескому дьяку, а другія дьяку городскому [2]. Это постановленіе проистекаетъ изъ особеннаго устройства судовъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ находилось вѣче [3]. Земли и принадлежащія къ нимъ строенія отдавались въ залогъ; заимодавцы имѣли на нихъ записи и грамоты, которыя вѣроятно объясняли, почему именно они владѣли извѣстною землею; здѣсь поэтому является новое право—право пользованія поземельною собственностью [4]. Если земля и бортныя ухожья защищались нѣсколькими тяжущимися, то имѣвшій вновь купленныя грамоты долженъ былъ отводить себѣ участки у старыхъ владѣльцевъ съ помощью межевщиковъ, взятыхъ имъ изъ судебнаго мѣста; онъ обязанъ былъ давать присягу въ справедливости владѣнія своимъ участкомъ въ присутствіи всѣхъ совладѣльцевъ [5]. Этими немногими постановленіями, относящимися къ праву собственности, ограничивается Псковское законодательство. Въ немъ, какъ видно, нѣтъ прямыхъ указаній на владѣніе недвижимымъ имуществомъ; точнѣе всего оно опредѣляетъ давность владѣнія и право на судебную защиту. Разсматривая въ этомъ отношеніи узаконенія Русской Правды, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на поземельное право, состоящее въ позволеніи обработывать землю тому, кто ею владѣетъ, и упоминаютъ при томъ о закупѣ, который нанимается съ такою цѣлью. Въ этомъ случаѣ какъ земля, такъ и закупъ, называются *ролейными* [6]. Эти указанія впрочемъ весьма неясны и неопредѣленны; поэтому пр. Рейцъ говоритъ, что «Русская Правда содержитъ постановленія только касательно движимаго имѣнія, напр. при опекѣ, при наслѣдованіи, ибо «остатокъ, задница» исключаетъ понятіе недвижимаго имѣнія, которое прибавлено уже въ одномъ изъ позднѣйшихъ законовъ сего періода (вто-

1. См. Ист. Рос. Гражд. Зак., К. Неволина, II, стр. 182, 183.
2. П. С. Гр., стр. 12.
3. См. часть II, статью «Объ устройствѣ судебной власти во Псковѣ».
4. П. С. Гр., стр. 16.
5. ibid. Кажется, въ этомъ случаѣ подразумѣваются имущества *родовыя* и *благопріобрѣтенныя*, которымъ соотвѣтствуютъ грамоты *старыя* и *купленныя*.
6. Русская Правда, въ соч. г. Калачова, стр. 81.

раго) и названо «земля [1]». Въ Уставной Двинской Грамотѣ, данной В. К. Василіемъ Дмитріевичемъ Двинскимъ жителямъ въ 1398 году, о правѣ поземельной собственности ничего не упоминается [2]. Въ Судной Новгородской Грамотѣ находятся слѣдующія немногія постановленія, относящіяся къ этому предмету; «А кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ или о двѣ, или болши или менши, ино ему до суда на землю не поѣзщать, ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ суду; а утяжетъ въ землѣ, ино взять ему грамота у судьи въ землѣ и въ убыткѣ на истцѣ; а отъ земли судьѣ купъ не взяти [3]». Изъ этого видно, что тяжущійся не могъ владѣть спорною землею до окончанія судебнаго разбирательства, ни насылать въ нее своихъ людей. Далѣе Судная Новгородская Грамота косвенно указываетъ на то, что владѣніе доставляетъ владѣльцу право на защиту отъ правительства: «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ судъ» производился отдѣльно отъ суда «о земли» (именно прежде), «развѣ истецъ похочетъ искать наѣзда или грабежа и земли вдругъ, ино другому истцу ему отвѣчать» [4]. Наконецъ упоминается послѣдній случай: «А кто съ кѣмъ растяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы или на *шабъры*, [5] ино ему дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли, а далѣ и ближе а то по числу [6]» и пр. Постановленія Псковской Судной Грамоты о давности владѣнія перешли въ Судебники, но въ измѣненномъ видѣ [7]. Какъ въ Судебникѣ В. К. Іоанна III, такъ и въ Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича, статьи «о земляхъ судъ» почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга въ отношеніи къ давности. Эта давность, по Судебникамъ, была трехлѣтняя для поземельной собственности Бояръ, монастырей, крестьянъ (черносельскіе) и помѣщиковъ; для Царской же земли владѣніе переходило въ право полной собственности по прошествіи шести лѣтъ [8]. Впрочемъ г. Морошкинъ полагаетъ, что практика не слѣдовала въ отношеніи къ давности исковъ о земляхъ правиламъ, изложеннымъ въ Судебникахъ [9]. Такимъ образомъ изъ сравненія опредѣленій Псковской Судной Грамоты, относящихся къ праву собственности, съ другими предъидущаго и послѣдующаго времени, видно, что несмотря на

1. Опытъ и пр., стр. 209, 210.
2. Акты Арх. Экс. I, № 13, стр. 8.
3. ibid., № 92, стр. 69.
4. ibid., стр. 70; ср. соч. г. Калачова: «О Суд. Іоанна IV», Юрид. Зап., I, стр. 85.
5. Ср. въ прил. прим. 166.
6. Акты Арх. Экс., I, № 92, стр. 70.
7. Ср. Ист. Рос. Гр. Зак., К. Неволина, II, стр. 183 и 184.
8. Акты Ист. т. I, стр. 155; Судебникъ Іоанна IV, ст. 84.
9. О владѣніи, по началамъ Рос. законодательства, 1837, стр. 106 — 107. Ср. также «Судный списокъ о правѣ владѣнія землями Московскихъ Митрополитовъ, въ Ликуржской волости» (Акты Юрид., № 8, стр. 14).

всю неопредѣленность и ограниченность своихъ постановленій, Псковское законодательство послужило даже источникомъ для позднѣйшихъ узаконеній по отношенію къ давности владѣнія. Эта неопредѣленность происходила отъ неполнаго и неяснаго понятія о правѣ собственности, которое могло развиться не иначе, какъ только съ правильнымъ понятіемъ о раздѣленіи имуществъ; мы же видѣли, что древніе источники, касательно различія собственности движимой и недвижимой, представляютъ весьма мало положительныхъ свѣдѣній.

III.

О ПОРУЧИТЕЛЬСТВѢ.

Одним изъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ обезпеченія обязательствъ представляется поручительство. Въ древнія времена оно имѣло весьма обширный кругъ дѣйствій и сопровождалось непрерывнымъ употребленіемъ извѣстнаго обряда «*подачи руки*» [1]. Поручители носили наименованіе «*поручниковъ*» и «*порукъ*» [2]. Поручительство имѣло двоякое значеніе: оно существовало для обезпеченія обязательствъ всякаго рода, и въ этомъ отношеніи пользовалось небольшимъ примѣненіемъ, и вовторыхъ оно служило для ручательства за обвиненнаго предъ судомъ въ томъ, что онъ, будучи «отданъ на поруки» [3], не укроется отъ судебнаго преслѣдованія и явится къ суду. Въ настоящее время поручительство значительно утратило свой судебный характеръ; но до XVIII столѣтія юридическіе памятники упоминаютъ преимущественно о его судебной сторонѣ, оставляя первую сторону почти безъ всякаго вниманія. Въ Псковской Судной Грамотѣ, касательно поручительства, въ смыслѣ обезпеченія договоровъ, находятся слѣдующія постановленія: поручитель въ случаѣ неуплаты долга тѣмъ, за кого онъ поручился, долженъ былъ удовлетворять истца своимъ имуществомъ [4]. Истецъ обязанъ былъ лично знать того, кто поручался въ уплатѣ слѣдуемаго ему долга; при этомъ поручительство могло простираться до одного рубля, но не свыше [5]. Оно вносилось въ тѣ же рядницы и грамоты, въ которыхъ нахо-

1. См. Ист. Рос. Гр. Зак., К. Неволина, II, стр. 25 и слѣд.; ср. нѣм. Handschlag.
2. Ср. Суд. Іоан. III, ст. «о полевыхъ пошлинахъ»; Суд. Іоан. IV, ст. 13; Опытъ Рейца стр. 224 и 322.
3. Ср. Акты Арх. Экс. I, № 13, стр. 9; Суд. Іоан. III, «о недѣльщикахъ указъ» и мн. др.
4. П. С. Гр., стр. 6.
5. ibid.

дились условія, относившіяся къ договорамъ вообще. Не видно, чтобы на этотъ случай давались особенныя записи; хотя и существовали такъ называемыя «поручныя записи», но онѣ въ Псковской Судной Грамотѣ не упоминаются вовсе; въ другихъ же юридическихъ документахъ онѣ употребляются едва ли не исключительно при существованіи поручительства втораго рода, какъ мы ниже увидимъ. Поэтому можно думать, что въ XV столѣтіи во Псковѣ существовалъ, какъ и прежде, обычай «подачи руки», принадлежавшій къ самой глубокой древности [1]. Далѣе постановлено, что въ грамотѣ необходимо было упомянуть поименно тѣ предметы, за которые кто-либо ручался; въ противномъ случаѣ истецъ терялъ право на искъ [2]. Это правило подтверждено два раза [3]. Сверхъ того, если вчинялся искъ поименно о поручительствѣ, то тяжущіеся должны были идти на судебный поединокъ или дать присягу [4]. Такъ какъ это правило есть общее въ отношеніи къ поручительству, то можно еще болѣе утвердиться въ томъ мнѣніи, что для поручительства, въ значеніи обезпеченія какого-либо обязательства, вовсе не существовало такихъ записей, которыя входили бы въ составъ судебныхъ доказательствъ. Несмотря на то, что пр. Рейцъ предполагаетъ частое употребленіе поручительства при многихъ дѣлахъ [5], оно рѣдко упоминается въ древнихъ актахъ, въ смыслѣ обезпеченія. Такъ напр. въ этомъ значеніи о немъ вовсе не говорится ни въ Уставной Двинской Грамотѣ В. К. Василія Димитріевича, ни въ Новгородской Судной Грамотѣ. Только въ Уставной Бѣлозерской Грамотѣ изложено весьма кратко поручительство по дѣламъ торговымъ [6]. Постановленія Судебника Іоанна III о поручительствѣ относятся исключительно къ явкѣ отвѣтчика въ судебное мѣсто; тоже самое находимъ и въ Судебникѣ Іоанна IV, съ тою только разницею, что въ немъ предписано поручительство при куплѣ, для обезпеченія покупщика: «А кто купитъ на торгу, что поношено, у носящаго или съ лавки, и тому купити съ порукою съ рядовою; а кто купитъ безъ поруки, и тому тѣмъ быти и виновату [7]». Это правило впрочемъ имѣетъ также основаніе въ взаимномъ поручительствѣ. Вообще поручительство мало изъяснено въ законахъ; оно предоставлялось договаривающимся, и поэтому было различно. Въ Актахъ Юридическихъ мы встрѣчаемъ множество поруч-

1. См. въ прилож. прим. 82, 89 и 118.
2. П. С. Гр., стр. 8.
3. ibid., стр. 15.
4. ibid.
5. Опытъ и пр., 224.
6. Акты Арх. Экс. I, № 123, стр. 93.
7. Акты Ист. I, Суд. Іоан. IV, ст. 93, стр. 248.

ныхъ записей; но ни одна изъ нихъ не содержитъ договора о поручительствѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно преимущественно принимается въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ [1]. Обращаясь ко второму значенію поручительства, мы видимъ, что подъ этимъ именемъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ въ особенности разумѣется обезпеченіе явки отвѣтчика къ суду [2]. Въ Псковской Судной Грамотѣ оно упоминается только одинъ разъ : «А штобы и по суду, или у креста поставить своего истца у кого купилъ, ино судъ съ тѣмъ человѣкомъ, кто снялъ, а тотъ прорука (порука), кто изводъ поставилъ [3]», т. е. если купившій вещь представитъ продавшаго ея въ судебное мѣсто или у креста, то продавецъ долженъ идти на судъ съ тѣмъ, кто началъ вести искъ и вступилъ въ споръ, а тотъ, кто поставилъ на сводъ, обязанъ поручиться въ явкѣ отвѣтчика къ суду. Эти немногія слова имѣютъ для насъ весьма важное значеніе : они свидѣтельствуютъ съ одной стороны, что постановленіе Судебника о поручительствѣ при куплѣ и продажѣ не можетъ считаться самостоятельнымъ и появившимся не ранѣе XIV столѣтія, но, по всей вѣроятности, заимствовано изъ Псковскаго законоположенія; съ другой стороны мы видимъ, что во Псковѣ употреблялось поручительство, какъ средство для обезпеченія явки отвѣтчика въ судебное мѣсто. Здѣсь представляется вопросъ : какой смыслъ имѣютъ слова «тотъ прорука, кто изводъ поставилъ» ? Эта статья подразумѣваетъ, безъ сомнѣнія, тотъ случай, когда продавецъ шелъ съ истцомъ на сводъ къ тому человѣку, отъ котораго онъ самъ получилъ проданную вещь, отъ кого она досталась ему изъ первыхъ рукъ; вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ былъ поручиться, что виновный не скроется и явится по вызову судебнаго мѣста. Для яснаго уразумѣнія поручительства втораго рода, мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть, какъ оно произошло, въ чемъ именно оно состояло и какія были главнѣйшія условія его существованія.

У народовъ Германскаго племени, для охраненія общаго мира и частной безопасности каждаго по лицу и имуществу, введено было взаимное поручительство, Gesammtbürgschaft [4]. Свидѣтельство объ этомъ мы находимъ у Тацита [5]. Круговая порука существовала во всѣхъ классахъ и состояніяхъ : не только родственники были обязаны отвѣчать за родствен-

1. Ср. №№ 289—332.
2. См. Судебники и Уложеніе, гл. X.
3. Стр. 9.
4. Ср. законы Имп. Оттона II и Саксонское земское право; см. также Ист. изображеніе древн судопроизводства въ Россіи, А. Куницына, СПБ. 1843 г. стр. 5—11; Русскіе въ своихъ пословицахъ, И Снегирева, М. 1832, кн. III, 143, 144.
5. Tacitus Germ. 21.

ника, но хозяева за своихъ слугъ, господа за своихъ рабовъ. Г. Куницынъ справедливо утверждаетъ, что несомнѣнные слѣды таковыхъ сообществъ находятся въ законахъ Новгородскихъ [1]. По его мнѣнію, *виры*, опредѣленныя въ Русской Правдѣ за разныя нарушенія съ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ они учинены или гдѣ нарушители имѣли мѣсто жительства, должно разсматривать въ смыслѣ простыхъ полицейскихъ мѣръ, бывшихъ слѣдствіемъ взаимнаго поручительства и имѣвшихъ свое основаніе въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя были внесены къ намъ вмѣстѣ съ Германскимъ элементомъ : самосудъ дозволяется первою статьею Русской Правды [2]. Г. Михайловъ, хотя и признаетъ справедливость замѣчанія г. Куницына, но не вполнѣ его раздѣляетъ, говоря, что начало учрежденія виръ должно искать въ обычаяхъ, предшествовавшихъ времени появленія Варяжскихъ князей, что Князья застали уже у насъ это учрежденіе, но только въ большомъ ослабленіи, и поэтому снова возстановили его; сущность учрежденія осталась таже; но количество, мѣра, пространство взысканія и лица, подлежавшія ему, конечно, были опредѣлены Князьями тождественно съ германскими обычаями и законами [3]. Устраняя дальнѣйшее развитіе этихъ мнѣній, какъ не относящихся прямо къ предмету нашего сочиненія, мы во всякомъ случаѣ можемъ справедливо полагать, что взаимное поручительство, встрѣчаемое въ Русской Правдѣ, имѣетъ своимъ началомъ постановленія германскаго законодательства. Уже по договору Олега съ Греками родственники обязывались платить штрафъ за учиненное преступленіе [4]. Въ статьѣ о закупѣ, Русская Правда налагаетъ отвѣтственность за слугу и раба на хозяина и господина [5]. Далѣе изложены тѣ правила, на которыхъ основывалось взаимное ручательство въ системѣ Новгородскаго правосудія. Каждый вступалъ въ сообщество по добровольному согласію, а не по предписанію закона [6]. Наконецъ говорится прямо о поручительствѣ слѣдующее : « Аще познаетъ кто, не емлетъ его; но не рци ему : поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ. Или не поидетъ : то поручника за пять дней [7] ». Германскій элементъ, находящійся отчасти въ опредѣленіяхъ Русской Правды, получилъ въ Новгородѣ, а слѣдовательно и въ Псковѣ, большее развитіе, нежели въ дру-

1. См. выше.
2. См. Лѣт. Нест. по Кенигсб. сп., стр. 28, ст. 4; ср. Русскую Правду въ соч. г. Калачова, стр. 117 и 118.
3. Исторія образованія и развитія системы Рус. гражд. судопроизводства, и пр. СПБ., 1848, стр. 21.
4. Соч. Куницына, стр. 7; ср. лѣт. Нест. по Кенигсб. сп., стр. 28, ст. 4.
5. Русская Правда въ соч. г. Калачова, стр. 87, 90 и 94.
6. Русская Правда, ст. о вирахъ.
7. Короткая Русск. Правда, ст. 13 (по раздѣленію Татищева).

гихъ частяхъ Руси, по причинѣ мѣстной и исключительной, въ слѣдствіе Ганзейскихъ торговыхъ сношеній. Если постановленія Русской Правды, служа источникомъ дальнѣйшихъ узаконеній, относились и ко всей Русской землѣ, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, то тѣмъ не менѣе статьи о взаимномъ поручительствѣ должны были имѣть значительное примѣненіе въ Новгородѣ и Псковѣ даже и въ то время, когда въ остальной части Руси германскій элементъ уступилъ мѣсто чисто славянскому. Отсюда происходитъ то явленіе, что во весь періодъ времени отъ Русской Правды до XV столѣтія, о поручительствѣ, въ смыслѣ обезпеченія явки отвѣтчика къ суду, говорится болѣе въ Новгородскихъ и Псковскихъ грамотахъ [1], нежели въ другихъ древнихъ актахъ. Уставная Двинская Грамота, хотя и упоминаетъ, что поручительство существовало въ Устюгѣ, Вологдѣ и Костромѣ, но говоритъ о немъ весьма кратко и неопредѣленно [2]. Изъ всего нами сказаннаго очевидно, что Псковская Судная Грамота, почерпнувъ постановленія о взаимномъ поручительствѣ изъ Русской Правды и соединивъ въ своемъ содержаніи обычное право Новгородское, перешедшее къ Псковичамъ, и собственные обычаи послѣднихъ, послужило однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ позднѣйшихъ узаконеній, именно: Уставной Бѣлозерской Грамоты 1488 года, Судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV и наконецъ Уложенія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчаются статьи о судебномъ поручительствѣ, которое есть не что иное, какъ древній обычай круговой поруки, но только развившійся и принявшій законную форму.

Въ послѣдующихъ законахъ, въ Уставной Бѣлозерской Грамотѣ, постановлено новое правило, состоявшее въ томъ, что приставъ отъ поручителя не долженъ былъ брать никакой платы [3]. Тоже самое подтверждено Судебникомъ Іоанна III [4], въ которомъ далѣе говорится: «А ѣздити недѣльщикомъ и на поруку давати самимъ съ приставными, или своихъ племянниковъ и людей посылати съ приставными [5]». Недѣльщикъ не могъ отдавать вора «на поруку безъ докладу» [6]; если же поручительство имѣло мѣсто, то недѣльщикъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ представлять истца и отвѣтчика въ судъ безъ замедленія [7]. Въ заключеніе

1. См. Собр. Госуд. Гр. и Дог. I, №№ 4, 5, 6, 13, 16, 17; также Дог. Грамоту В. К. Василія Димитріевича (около 1398 г). въ Актахъ Арх. Экс. I, № 14.
2. Акты Арх. Экси. I, № 13, стр. 9.
3. ibid., № 123, стр. 93.
4. Акты Ист. I, № 5, стр. 151, «о приставныхъ»
5. ibid., стр. 152, «о недѣльщикахъ указъ».
6. ibid.
7. ibid.

опредѣлено, что недѣльщикъ «въ ѣзду своемъ дастъ на поруку, до обыску, доколѣ дѣло скончается и ему взяти ѣздъ на виноватомъ». Еще большее развитіе получили эти правила съ изданіемъ Судебника Царя Іоанна Васильевича. Прежнія постановленія изложены въ немъ почти буквально, безъ всякихъ измѣненій [1]; но кромѣ того, прибавлено много новыхъ. Если отвѣтчикъ не могъ представить за себя «крѣпкой поруки,» то онъ отводился въ тюрьму и содержался въ ней до тѣхъ поръ, пока не являлся поручитель [2]. Въ 1561 году октября 15 вышелъ дополнительный указъ къ Судебнику, гдѣ повелѣно выдавать истцу виновныхъ головою, если они не представятъ за себя поручительства [3]. Замѣтимъ здѣсь, что г. Калачовъ разсматриваетъ судебное поручительство только въ смыслѣ обезпеченія отвѣтчика отъ выдачи истцу головою, на основаніи этого указа [4], и пропускаетъ безъ вниманія всѣ предъидущія узаконенія. — Въ случаѣ неисполненія обязательства со стороны главнаго обязаннаго лица, ручавшійся отвѣчалъ своимъ имуществомъ [5], что въ особенности видно изъ указа 1559 года Ноября 30 [6]. Въ Судебникѣ Іоанна IV въ первый разъ встрѣчается названіе *поручной записи* [7]. До половины XVI столѣтія она еще не усвоила силу закона и потому, вѣроятно, вовсе не употреблялась [8]; но послѣ изданія Судебника появилось множество поручныхъ записей, замѣчательныхъ въ особенности своею однообразною формою и одинакими оборотами письменнаго, дѣловаго языка. Въ записяхъ означались: предметъ поручительства, условія его, срокъ и обязующіяся лица. Онѣ обыкновенно начинались словами: «Се язъ» такой то,» «да язъ» и т. д. «поручилисъ въ томъ», —затѣмъ слѣдовала сущность дѣла: обыкновенно явка отвѣтчика въ извѣстный срокъ къ судебному мѣсту; далѣе писалась цѣна иска и поручительства, и наконецъ подписывались свидѣтели: «А на то послуси»... Все это скрѣплялось площадными подъячими и дьячками [9].

Дальнѣйшее развитіе и примѣненіе законовъ о судебномъ поручительствѣ ясно обнаружилось въ половинѣ XVII столѣтія [10]. Уложеніе Царя

1. А. А. Э. I, № 153, стр. 230—234; ст. 45, 47, 49, 54.
2. ibid., стр. 234, 235; ст. 55, 56, 58.
3. Суд. Іоан. IV, ст. XVI (Указъ 15 октября 7069 г.).
4. О Суд. Іоан. IV, въ Юрид. Зап. I, стр. 156 и слѣд.
5. См. Акты Юрид. № 289, 290 и др.
6. Суд., ст. XIV, стр. 265 (въ Актахъ Ист. I).
7. Стр. 69.
8. Первая поручная запись, напечатанная въ Актахъ Юрид. подъ № 289, принадлежитъ къ 1568 году.
9. См. Акты Юрид. № 299, стр. 310. «Поручная по дворовомъ человѣкѣ Томилѣ Никитинѣ, о явкѣ его къ присягѣ по денежному иску». Ср. также №№ 289—332.
10. Ср. Улож., гл. X, ст. 111—115.

Алексѣя Михайловича, придавъ новый видъ прежнимъ постановленіямъ, не ограничилось тѣми началами, которыя были приняты нашимъ древнимъ законодательствомъ. Уложеніе, будучи развитіемъ Судебниковъ, помѣстило въ себѣ всѣ установленія, служившія имъ источниками; такимъ образомъ и судебное поручительство, въ періодъ Уложенія, получило болѣе правильный ходъ и большій кругъ дѣйствій, нежели въ предшествовавшее время.

IV.

О ПРОДАЖѢ И КУПЛѢ.

Въ статьѣ о владѣніи мы разсмотрѣли пріобрѣтеніе правъ собственности недвижимой, на основаніи Псковскаго законодательства и сравнительно съ нѣкоторыми другими узаконеніями. Относительно продажи и купли, Псковская Судная Грамота опредѣляетъ дѣйствія, касающіяся почти исключительно вещей движимыхъ, и въ одномъ только мѣстѣ говоритъ о продажѣ земли или исада. Поэтому мы займемся преимущественно изслѣдованіемъ тѣхъ законоположеній, которыя относятся къ пріобрѣтенію правъ на движимую собственность.

Въ отношеніи къ составленію договора продажи и покупки, въ Псковской Судной Грамотѣ изложены слѣдующія условія :

I. Свободная воля со стороны договаривающихся была необходимою принадлежностью сдѣлокъ всякаго рода. Обязавшійся имѣлъ право на уничтоженіе обязательства въ томъ случаѣ, «если кто съ кѣмъ напьяни помѣнится» чѣмъ либо или что купитъ, и потомъ «проспятся, и одному истцу не любо будетъ»; тогда другой обязанъ былъ размѣняться, при чемъ вовсе не требовалось присяги [1]. Пр. Рейцъ говоритъ по этому поводу, что «никакой договоръ не имѣетъ силы безъ свободной воли и полнаго сознанія, или когда онъ заключенъ о чужой собственности; обманъ и подлогъ разрушаютъ его,» и въ доказательство своихъ словъ ссылается на вышеприведенное нами мѣсто изъ Псковской Судной Грамоты [2]. Но обманъ и подлогъ гораздо яснѣе выражены въ другой статьѣ. — Въ Русской Правдѣ вовсе не упомянуто о свободной волѣ договаривающихся лицъ. Въ послѣдующихъ законахъ объ этомъ условіи мы также не встрѣчаемъ прямо никакихъ указаній. Только въ

1. Псков. Судн. Гр., стр. 17, см. также о Суд. Іоан. IV, Калачова, въ Юрид. Зап. I., стр. 89.
2. Опытъ и пр., стр. 221, 222.

Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича опредѣлены съ нѣкоторою подробностью понятіе и послѣдствія принужденія [1].

II. Хорошія качества продаваемой вещи: если въ проданной коровѣ оказывались существенные пороки, то покупщикъ имѣлъ право возвратить ее продавцу и получить обратно отданныя за нее деньги; при этомъ сказано, что если отъ проданной коровы, по совершеніи договора продажи, произойдутъ телята, то продавецъ не можетъ требовать отъ покупщика ихъ возвращенія [2]. Это правило выражено и въ Русской Правдѣ, въ статьѣ «о конѣ»: «А кто конь купить княжь бояринъ или купечь или сирота а будеть въ конѣ червь или проѣсть а то поидеть къ осподарю у кого будеть купилъ а тому свое серебро взяти опять взадъ (за три года)» [3].

III. Полное право собственности продавца на продаваемую имъ вещь. Въ случаѣ иска о купленной вещи, необходимо было сослаться въ оправданіе на присутствіе при торгѣ четырехъ или пяти свидѣтелей; иначе купившій вещь терялъ на нее право собственности [4]. Если кто находилъ потерянную имъ вещь у другаго, купившаго ее на рынкѣ, но не знавшаго, у кого купилъ, то послѣдній долженъ былъ присягнуть, что дѣйствительно купилъ эту вещь, а не подѣлился съ воромъ; тоже самое относилось къ вещи, купленной или найденной въ чужой землѣ или чужомъ городѣ [5]. Эти постановленія имѣютъ своимъ прямымъ началомъ законы Русской Правды, гдѣ большею частью требовалось присутствіе двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника; условіе это едва ли не было необходимымъ при договорахъ подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что они совершались словесно, а не письменно. Отвѣтственность покупщика хозяину вещи не простиралась на то, что вмѣстѣ съ нею пропало, если имъ было исполнено послѣднее изъ означенныхъ условій. Сюда относится слѣдующая статья Русской Правды, которая впрочемъ имѣетъ въ виду только куплю краденой вещи: «Аще что будетъ татебно купилъ въ торгу конь или портъ или скотину то выведетъ свободно мужа два или мытника аще начнетъ не знати у кого купилъ то ити по немъ тѣмъ видокомъ на роту а истцу свое лицемъ взяти [6]». Развитіе разсмотрѣнныхъ нами постановленій мы находимъ только въ концѣ XV столѣтія; именно въ Судебникѣ

1. Улож., гл. X, ст. 251, 252.
2. Н. С. Гр., стр. 17.
3. Русская Правда въ соч. Калачова, стр. 84, ст. X; см. еще Русскія Достоп. II, стр. 64; И. Г. Р. II, пр. 406.
4. Н. С. Гр., стр. 9, 10.
5. ibid., стр. 8.
6. Русская Правда въ соч. Калачова, ст. VIII, стр. 83.

Іоанна III выражено тоже самое узаконеніе, заимствованное изъ Псковской Судной Грамоты почти слово въ слово; приводимъ его для сравненія: «А кто купитъ на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купитъ не зная его, а будетъ людемъ добрымъ двѣма или тремъ вѣдомо, и поимаются у него, и тѣ люди добрые скажутъ по праву, что передъ ними купилъ въ торгу, ино тотъ правъ, у кого поимались, и цѣлованіа ему нѣтъ». Подобнымъ же образомъ опредѣлены условія относительно вещи, найденной или купленной въ чужой землѣ [1].

Въ 1506 году Уставною Грамотою Маринінской трети Артемоновскаго стана крестьянамъ постановлено новое правило: «кто въ той волости купитъ лошадь или продастъ или мѣнитъ, и они являютъ волостелю или его пятенщику, а онъ у нихъ кони пятнитъ, а отъ пятна емлетъ съ лошади съ купца денгу Московскую, а съ продавца денгу же Московскую [2]». Это правило является и въ Судебникѣ Іоанна IV; при покупкѣ лошадей договоръ записывался въ книги Земскимъ Дьякомъ, въ Москвѣ у Пятнальщиковъ, по городамъ и волостямъ у Цѣловальниковъ. Кромѣ того Пятенщикъ прикладывалъ къ покупаемой лошади *пятно* или *пятналъ*. Образецъ пятна также записывали въ книги [3]. Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича подтверждено это постановленіе [4]. Правильное составленіе договора продажи и покупки при Іоаннѣ IV соблюдалось весьма строго; письменная форма была введена не только для всѣхъ договоровъ касательно недвижимыхъ имуществъ, но и для движимыхъ болѣе цѣнныхъ. Совершеніе договоровъ вообще сопровождалось присутствіемъ свидѣтелей; *рядовая порука* примѣнялась даже при куплѣ на рынкѣ у посящаго или въ лавкѣ [5].

IV. Запрещалось продавать имущество въ томъ случаѣ, когда кто либо владѣлъ имѣніемъ, доставшимся отъ умершаго супруга по завѣщанію, и имѣлъ на него грамоты. Обличенный въ продажѣ такого имѣнія присуждался къ его выкупу и лишался впредь права на пользованіе выкупленнымъ имуществомъ [6]. Одинъ только этотъ законъ Псковской Судной Грамоты относится къ продажѣ и покупкѣ недвижимой собственности; подтвержденіе ему мы встрѣчаемъ не ранѣе XVII столѣтія [7].

1. Акты Ист. I, стр. 154, Суд. Іоан. III, ст. «о торговцѣхъ».
2. А. А. Э. I, № 144, стр. 117.
3. Акты Ист. I, стр. 248, 249; Суд. Іоан. IV, ст. 94—96; ср. О Суд. Іоан. IV, Калачова, въ Юрид. Зап. I, стр. 9; Опытъ Рейца, стр. 316.
4. Гл. 21, ст. 52 и 53. Подтвержд. 1669. Генв. 22 (441), стр. 73 и 74.
5. Акты Ист. I, стр. 248, Суд. Іоан. IV, ст. 93; ср. Опытъ Рейца, стр. 316.
6. П. С. Гр., стр. 11—12.
7. Указъ 1632 г. Февр. 5 и др. о непродажѣ вдовами выслуженныхъ мужей ихъ вотчинъ, данныхъ имъ на прожитокъ; см. П. Рос. Граж. Зак., III, стр. 42, прим. 191.

Постановленія Псковской Судной Грамоты не упоминаютъ ни о покупкѣ холоповъ, встрѣчающейся въ другихъ древнихъ памятникахъ [1], ни о возрастѣ, опредѣленномъ для договаривающихся лицъ, ни о различныхъ частныхъ условіяхъ продажи и купли, тогда какъ напр. въ Русской Правдѣ необходимымъ условіемъ при составленіи договоровъ подобнаго рода считалось то обстоятельство, чтобъ вещь была пріобрѣтена за деньги отъ того, кто имѣлъ на нее право собственности [2]. Тѣмъ не менѣе Псковское законодательство представляетъ намъ гораздо болѣе разнообразныхъ свѣдѣній относительно разсмотрѣннаго нами вида правъ по обязательствамъ, нежели другія узаконенія, вышедшія до Судебника Іоанна IV. Ни Судная Новгородская, ни Уставная Двинская, ни Уставная Бѣлозерская Грамоты не говорятъ ни слова о продажѣ и куплѣ. Дѣйствительно, право обязательствъ не могло получить надлежащаго развитія въ то время, когда законодательство не установилось въ опредѣленныя границы. Такъ какъ это право предполагаетъ внутреннія побужденія человѣка, то оно и не могло подлежать вѣдѣнію законодательной власти, тѣмъ болѣе, что даже внѣшнія условія и формы договоровъ были весьма неопредѣленны и разнообразны.

V.

О ВЫКУПѢ.

Ясныя и достовѣрныя свидѣтельства о выкупѣ родственниками родовыхъ имуществъ, перешедшихъ къ чужеродцамъ, не восходятъ далѣе первой половины XVI столѣтія [3]. Впрочемъ пр. Рейцъ говоритъ, что и ранѣе этого времени, при запрещеніи Князей пріобрѣтать земли въ чужихъ владѣніяхъ, было постановленіе, что продавецъ или его наслѣдники должны были выкупить проданное имѣніе, въ противномъ случаѣ его покупала казна [4]. Это правило, нѣсколько измѣненное, вошло въ составъ Псковской Судной Грамоты; именно тамъ сказано, что незаконно продавшій имѣніе, доставшееся ему отъ умершаго супруга, долженъ былъ его выкупить, но затѣмъ лишиться права собственности въ отношеніи къ невыкупленному имуществу [5]. Право на выкупъ упоминалось въ осо-

1. Ср. Русскую Правду въ соч. Калачова, стр. 84, ст. IX.
2. ibid., стр. 83.
3. Ист. Рос. Гражд. Зак., III, 63, 64.
4. Опытъ и пр., стр. 214, прим. 3.
5. Стр. 11—12, см. предъидущую статью о продажѣ и куплѣ.

бенной записи, называвшейся *выкупкомъ* [1], и служившей доказательствомъ того, что извѣстное лицо имѣло право на выкупъ проданной или заложенной земли. Имѣвшій подобную запись могъ объявлять притязанія на выкупъ своего имѣнія, но предварительно долженъ былъ дать присягу о дѣйствительности и неподложности выкупка или идти на судебный поединокъ съ отвѣтчикомъ, т. е. съ лицомъ, владѣвшимъ спорнымъ имуществомъ и не хотѣвшимъ уступить его за деньги прежнему владѣльцу [2]. Отсюда мы приходимъ къ тому заключенію, что при существованіи права выкупа, въ Псковскомъ законодательствѣ необходимо долженъ былъ существовать извѣстный, закономъ опредѣленный срокъ, далѣе котораго онъ не могъ простираться; но какъ великъ былъ этотъ срокъ, изъ постановленій Псковской Судной Грамоты не видно. Наконецъ въ ней сказано, что если ближайшіе родственники умершаго хотѣли выкупить заложенную землю, то присяга не требовалась съ того, кто владѣлъ имуществомъ умершаго въ видѣ заклада (т. е. залога) и, сверхъ того, имѣлъ на него записи [3]. Этими немногими постановленіями ограничивается Псковская Судная Грамота въ отношеніи къ выкупу проданныхъ и заложенныхъ имуществъ. Изъ нихъ мы не узнаемъ ничего опредѣленнаго касательно срока выкупа, лицъ, имѣвшихъ и неимѣвшихъ это право, имуществъ, подлежащихъ выкупу, разныхъ случаевъ и цѣны выкупа. Всѣ эти особенности развились уже въ послѣдствіи и приняли нѣсколько опредѣленную форму только въ періодъ Судебника Іоанна IV. Разнообразіе и неточность предъидущихъ узаконеній, относящихся къ праву выкупа, представляютъ намъ значительныя трудности, если бы мы захотѣли указать, изъ какихъ именно источниковъ почерпнула Псковская Судная Грамота свои постановленія о выкупѣ. Въ древнія времена слова «продажа» и «покупка» имѣли многостороннее значеніе и распространялись безразлично на передачу имуществъ въ временное и въ вѣчное и потомственное владѣніе. Но по рѣдкости вѣчнаго отчужденія недвижимыхъ имуществъ, обыкновенно предполагалось, что если въ актѣ продажи не были употреблены извѣстныя выраженія, означавшія передачу имущества новому пріобрѣтателю въ вѣчное и потомственное владѣніе, то оно считалось уступленнымъ во временное владѣніе, впредь до выкупа его или самимъ прежнимъ владѣльцемъ, или его наслѣдниками [4].

1. П. С. Гр., стр. 3; ср. статью о письменныхъ актахъ.
2. П. С. Гр., стр. 3.
3. ibid., стр. 16.
4. См. Ист. Рос. Гр. Зак., III, 60, 61.

Для означенія того, что имущество продано извѣстному лицу въ прокъ, т. е. въ вѣкъ, навсегда, въ купчихъ записяхъ и грамотахъ даже XVI столѣтія весьма часто встрѣчаются выраженія: «А купилъ есмь собѣ и своимъ дѣтямъ, впрокъ, безъ выкупа»; «а купили есмя въ домъ Пречистыя и Чудотворьчу Савѣ впрокъ, безъ выкупа, въ вотчину» и т. п. [1]. Отсюда происходитъ то замѣчательное явленіе, что условія и срокъ выкупа были въ одно и то же время разсѣяны въ грамотахъ и записяхъ всякаго рода, въ чрезвычайномъ множествѣ, и нигдѣ не находились въ опредѣленномъ видѣ. Каждый обязующійся могъ принимать и назначать въ этомъ отношеніи совершенно произвольныя условія, которыя зависѣли сколько отъ свободной воли договаривающихся, столько же и отъ личнаго усмотрѣнія судьи. Очевидно, что при такомъ неразвитомъ состояніи права выкупа, Псковское законодательство должно было ограничиться одними общими положеніями, основываясь на тѣхъ случаяхъ выкупа, которые происходили въ области Пскова, и предоставляя частныя условія на волю и выборъ договаривающихся лицъ. Эти постановленія не могли имѣть дальнѣйшаго примѣненія ни въ Судной Новгородской Грамотѣ, ни въ другихъ грамотахъ, ни въ Судебникѣ Іоанна III, обращающихъ почти исключительное вниманіе на тѣ права, которыя выражаются болѣе внѣшнимъ, болѣе матеріяльнымъ и слѣдовательно болѣе опредѣленнымъ образомъ. Не ранѣе, какъ въ половинѣ XVI столѣтія, разнообразнымъ законамъ о выкупѣ была придана въ нѣкоторой степени систематическая форма; Судебникъ Іоанна IV заключаетъ въ себѣ довольно подробныя правила относительно выкупа родовыхъ имуществъ. Вотчины, проданныя, заложенныя или отданныя по душѣ владѣльцемъ при жизни, не могли быть выкупаемы его дѣтьми и внуками, но подлежали выкупу со стороны братьевъ и племянниковъ, если они не были свидѣтелями при продажѣ вотчины. Право выкупа продолжалось сорокъ лѣтъ со времени продажи вотчины, и имѣло силу въ томъ только случаѣ, когда покупщикъ вотчины продавалъ ее добровольно и полюбовно пользовавшемуся этимъ правомъ. На куплю же право выкупа распространялось только тогда, когда она переходила къ наслѣдникамъ пріобрѣтшаго ее владѣльца, и слѣдовательно становилась ихъ вотчиннымъ владѣніемъ [2].

1. Акты Юрид., №№ 75, 80 и мн. др.
2. О Суд. Іоанна IV, Калачова, въ Юридич. Запиок., I стр. 99. См. Акты Арх. Экс. I, № 153, стр. 245 и 246; Суд. Іоан. IV, ст. «о вотчинахъ судъ».

VI.

О ЗАЙМѢ.

Лица, дающія въ заемъ деньги, не означены въ Псковской Судной Грамотѣ никакимъ характеристическимъ названіемъ; только однажды упоминается въ ней *скотникъ* [1], соотвѣтствующій значенію заимодавца, кредитора, который во всѣхъ прочихъ случаяхъ носитъ общее наименованіе истца [2]. Псковское законодательство представляетъ слѣдующія постановленія относительно заемныхъ обязательствъ между частными лицами.

I. Предметомъ займа были преимущественно деньги [3], хотя онѣ и не исключали другихъ движимыхъ вещей [4]. По Русской Правдѣ могли отдаваться въ заемъ деньги, медъ, жито [5]; только послѣ изданія Уложенія, законодательство стало говорить объ одномъ денежномъ займѣ, не упоминая о займѣ хлѣба и другихъ вещей [6]. Въ Судебникѣ Іоанна III о предметѣ займа мы не встрѣчаемъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣдѣній; въ Судебникѣ Іоанна IV и особенно въ дополнительныхъ статьяхъ упоминается о немъ нѣсколько подробнѣе, хотя и находится въ этомъ отношеніи весьма немного замѣчательныхъ узаконеній [7].

II. Заемъ простой, т. е. необезпеченный никакимъ имуществомъ, могъ простираться не болѣе одного рубля; тогда не требовалось даже внесенія его въ запись [8]; при возниканіи же спора, дѣло, вѣроятно, рѣшалось присягою [9]; впрочемъ объ этомъ въ Псковской Судной Грамотѣ ничего не говорится, равно какъ о необходимомъ присутствіи свидѣтелей при заключеніи заемнаго обязательства. Въ Русской Правдѣ постановлено, что свидѣтели не требовались въ случаѣ займа не свыше трехъ гривенъ, а также въ случаѣ займовъ между купцами [10].

III. Не смотря на то, что законодательство, требуя внесенія въ запись займа свыше рубля, какъ-бы придавало ей силу доказательности, заемъ считался не дѣйствительнымъ, если въ тоже время, вмѣстѣ съ

1. Стр. 4.
2. ibid., стр. 5, 7, 14, 15.
3. ibid., стр. 5, 6, 12, 14; на стр. 7 упомянуты *торговыя деньги*.
4. На стр. 14 сказано: «а кто на комъ учнетъ искать сѣбренаго серебра, или *иного чего*» и т. д.
5. Рус. Дост. I, 39; ср. Русскую правду въ соч. Калачова, стр. 85, ст. XIII; стр. 86, ст. XIV, XV; стр. 87, ст. XVI.
6. См. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 133.
7. Акты Ист. I, стр. 266, 267; ст. XVI.
8. П. С. Гр., стр 6.
9. Какъ напр. въ Русской Правдѣ; см. соч. Калачова, стр. 84.
10. Рус. Дост. I, 38, 39; ср. соч. Калачова, стр. 84, ст. XI.

записью, истецъ не представлялъ въ судебное мѣсто заклада [1]. И такъ одна запись сама по-себѣ ничего не значила : для дѣйствительности займа свыше рубля необходимо было совмѣстное существованіе заклада. Тоже самое относилось, безъ сомнѣнія, и къ предъявленію въ судъ одного заклада, не подтвержденнаго записью, хотя Псковское законодательство прямо на это и не указываетъ.—Псковская Судная Грамота представляетъ, кажется, одно весьма замѣчательное исключеніе изъ этого общаго правила : если давшій закладъ своему заимодавцу неожиданно наносилъ ему ущербъ или клеветалъ на него предъ вѣчевою властью, то кредиторъ, даже не имѣя записи, пріобрѣталъ право вчинять искъ по своему обязательству; при этомъ ему предоставлялось на выборъ или присягнуть о своихъ деньгахъ, или положить у креста закладъ, чтобы отвѣтчикъ взялъ его самъ, въ случаѣ совершенія присяги [2]. Впрочемъ это постановленіе выражено до такой степени темно и неопредѣленно, что мы можемъ дѣлать только предположенія, не имѣя возможности представить совершенно положительныхъ доказательствъ справедливости нашего мнѣнія. Если же мы не ошибаемся, то этотъ законъ, принимая во вниманіе отвлеченныя, внутреннія дѣйствія человѣка, являетъ характеръ чисто-догматическій, и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ въ то время ясномъ и сознательномъ воззрѣніи на философскую сторону права.

IV. Поручительство служило средствомъ къ обезпеченію заемныхъ обязательствъ, простиравшихся до рубля, но не свыше. Поручитель, въ случаѣ требованія съ него денегъ заимодавцемъ, могъ оправдываться тѣмъ, что у того, за кого онъ поручился, находится письменный договоръ, въ которомъ означена уплата денегъ отвѣтчикомъ заимодавцу; впрочемъ этотъ договоръ считался справедливымъ только тогда, когда списокъ съ него былъ положенъ въ архивъ Св. Троицы [3]. Мы находимъ весьма мало древнихъ актовъ, упоминающихъ о займѣ, обезпеченномъ поручительствомъ; въ Актахъ Юридическихъ, въ одной только записи встрѣчается обезпеченіе поручительствомъ, въ соединеніи съ залогомъ недвижимаго имущества [4]. Существованіе обезпеченія поручительствомъ маловажныхъ займовъ, безъ сомнѣнія, замѣнило присутствіе свидѣтелей, о которыхъ упоминается въ Русской Правдѣ.

1. Ср. стр. 6 П. С. Грамоты.
2. ibid. Ср. въ прилож. прим. 73, 74, 75, 76.
3. П. С. Гр., стр. 6.
4. Акты Юрид. № 249; эта запись относится впрочемъ къ 1579 году. См. также Дополн. къ А. И., т. I, стр. 77, гр. XII, г. 1535.

V. Заемъ свыше рубля обезпечивался, какъ мы уже упомянули, закладомъ. Предметомъ заклада были, изъ вещей движимыхъ: лошади, домашній скотъ, можетъ быть платье; изъ недвижимыхъ: строенія [1] и, вѣроятно, земли [2]. Если отдавалось въ закладъ недвижимое имущество, то заимодавецъ получалъ грамоты, удостовѣрявшія владѣніе имъ [3]. Въ Русской Правдѣ обезпеченіе займа залогомъ или закладомъ имущества вовсе не упоминается [4]. Первыя извѣстія о залогѣ недвижимыхъ имуществъ мы получаемъ изъ закладныхъ на такія имущества, напечатанныхъ въ Актахъ Юридическихъ [5]. Свѣдѣнія о закладѣ движимыхъ имуществъ встрѣчаются также не ранѣе XV столѣтія [6]. Пр. Рейцъ говоритъ, что если закладный контрактъ не содержалъ въ себѣ никакихъ произвольныхъ условій, то отданную вещь можно было выкупить во всякое время [7]. Вообще Псковское законодательство считаетъ закладъ самымъ обыкновеннымъ способомъ обезпеченія заемныхъ обязательствъ.

VI. Письменный актъ употреблялся въ случаѣ обезпеченія займа закладомъ. Въ Псковской Судной Грамотѣ упоминаются: *запись* [8], *доски* [9] и *закладныя доски* [10]. Всѣ эти названія, безъ сомнѣнія, совершенно однозначущи, кромѣ различія въ матеріалѣ, какъ мы уже выше объяснили [11]. Въ Русской Правдѣ, по причинѣ рѣдкаго употребленія письменныхъ документовъ, ничего не упоминается о томъ, чтобы договоръ займа вносился въ запись или другіе, ей подобные акты. Не ранѣе первой половины XV столѣтія мы находимъ точныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи письменныхъ договоровъ, относящихся къ займу. Всѣ они отличаются весьма однообразною формою и вообще въ своихъ оборотахъ и изложеніи имѣютъ большое сходство съ поручными записями [12].

VII. При займѣ позволялось условіе о *ростѣ*. Ростъ въ Псковской Судной Грамотѣ носитъ характеристическое названіе *гостинца* [13]; въ ней также упоминается «*вершь*»; но она, кажется, имѣла болѣе общее

1. П. С. Гр., стр. 6.
2. ibid., стр. 15—16.
3. ibid., стр. 6, 15, 16.
4. Ср. Опытъ Рейца, стр. 223.
5. А. Ю. № 232 и слѣд.
6. Ср. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 168
7. Опытъ и пр., стр. 223, 224.
8. П. С. Гр., стр. 6, 12, 14.
9. ibid., стр. 5, 6, 7, 11.
10. ibid., стр. 5.
11. См. статью «О письменныхъ актахъ».
12. См. Акты Юрид. № 232. заемная и закладная Ивана Кабачина, въ полтинѣ и тридцати бѣлкахъ»; она относится къ 1428—1434 г. Ср. еще №№ 233—257.
13. Стр. 12.

значеніе [1]. Гостинецъ выдавался или натурою [2], или деньгами; о послѣднемъ, впрочемъ, въ Псковской Судной Грамотѣ прямо ничего не говорится; но какъ предметомъ займа были деньги, такъ точно онѣ могли быть предметомъ процентовъ. Проценты упоминались въ закладной записи [3]. Отвѣтчикъ, не хотѣвшій уплатить ихъ, долженъ былъ присягать, или идти съ истцомъ на судебный поединокъ, или положить у креста предметъ спора [4]. Проценты взимались по означенный въ записи срокъ, по прошествіи котораго должно было представлять запись въ судебное мѣсто. Въ противномъ случаѣ, истецъ лишался права на взятіе процентовъ. Ведущій искъ о процентахъ до истеченія условленнаго срока терялъ на нихъ право. Должникъ, отдавшій своему заимодавцу деньги, взятыя въ заемъ, прежде истеченія срока, долженъ былъ платить проценты по разсчету [5]. Должникъ, не явившійся въ срокъ къ заимодавцу, присуждался къ уплатѣ происшедшихъ отъ того убытковъ и пошлинъ: приставной, желѣзной и заповѣди [6]. Въ Русской Правдѣ, изъ процентовъ, раздѣлявшихся на мѣсячные и третные, исчислены: *рѣзъ*, *наставъ* и *присопъ*, которые соотвѣтствовали займамъ денегъ, меда и жита [7]. Проценты, впрочемъ, не составляли, по ея узаконеніямъ, необходимой принадлежности займа; въ другихъ же статьяхъ, за несоблюденіе правилъ касательно процентовъ, заимодавецъ лишался отданныхъ для приращенія денегъ [8]. Количество роста при займѣ меда и жита зависѣло отъ добровольнаго соглашенія между заимодавцемъ и заемщикомъ [9]. Послѣ Русской Правды до половины XV столѣтія выходило весьма мало узаконеній о договорѣ займа. Ростъ уплачивался деньгами, хлѣбомъ, работою, личными услугами или назначеніемъ количества земли для пользованія [10]. Положенный ростъ измѣнялся въ различныя времена. Иногда должникъ, для большаго обезпеченія своего заимодавца, назначалъ вмѣсто роста доходы съ земли, или обязывалъ себя работою и услугами, можетъ быть нерѣдко пожизненною службою [11]. Въ Судебникѣ Іоанна IV постановлено, что можно было служить за проценты по займу; но для этого необходимо

1. Стр. 4.
2. ibid.
3. ibid., стр. 12.
4. ibid., стр. 4.
5. ibid., стр. 12.
6. ibid., стр. 14.
7. Рус. Правда въ соч. Калачова, стр. 83, ст. XIII; стр. 86, ст. XIV, XV; стр. 87, ст. XVI. Довольно трудно опредѣлить съ достовѣрностью, имѣетъ ли *присопъ* Руской Правды такое же точно значеніе, какъ *варъ* Псковской Судной Грамоты
8. ibid., стр. 84, ст. XI; стр. 85, ст. XII.
9. Рус. Дост. I, 39.
10. См. Опытъ Рейца, стр. 221, 223.
11. См. Дух. Грам. 1486 г.; также Ник. Лѣт. III, 41

было право располагать собою, поэтому дворянину и рабу подобная служба не дозволялась. Ростъ въ періодѣ Судебника взимался «на пять шестой» [1].

VIII. Мы видѣли, что постановленія Псковской Судной Грамоты относительно срока уплаты займа и процентовъ были весьма строги. Около времени изданія Судебника Іоанна III появились такъ называемыя *полѣтныя грамоты*, которыми князья отсрочивали заимодавцамъ платежъ вообще всего долга, а не однихъ процентовъ [2]. Въ Судебникѣ Іоанна III, въ статьѣ «*о займахъ*», упоминается только о случаяхъ выдачи полѣтной грамоты; именно она выдавалась, по приказанію боярина, Великокняжескимъ дьякомъ за печатію Великаго Князя, съ разсрочкою платежа долговъ безъ процентовъ, купцу, который, отправляясь для торговли, взялъ у кого-нибудь деньги или товаръ въ долгъ, и въ дорогѣ, по несчастному приключенію, лишился товара отъ воды, огня, рати. Купецъ, погубившій товаръ по собственной винѣ, выдавался истцу головою на продажу [3]. Послѣднее правило находится и въ Судебникѣ Іоанна IV [4]. Въ немъ сказано, что въ случаѣ неплатежа заимодавцу денегъ или хлѣба въ срокъ [5], заемщикъ долженъ былъ или платить проценты, или, какъ видно изъ позднѣйшихъ узаконеній, послѣ понудительныхъ мѣръ къ уплатѣ долга, онъ выдавался заимодавцу головою, если только не находился на государственной службѣ [6].

IX. Относительно исполненія договора займа, простиравшагося свыше рубля, изъ постановленій Псковской Судной Грамоты видно, что искъ, даже подтвержденный записью и закладомъ, представленными въ судъ, не считался совершенно справедливымъ, если истецъ не прибѣгалъ къ болѣе важнымъ удостовѣреніямъ. Эти окончательныя и несомнѣнныя доказательства были: судебный поединокъ, положеніе у креста спорныхъ вещей и присяга. Замѣтимъ здѣсь, что поединокъ употреблялся въ видѣ судебнаго доказательства только тогда, когда истецъ не представилъ въ судъ заклада, а имѣлъ одну запись [7]. Всѣ три способа доказательствъ предоставлялись иногда на выборъ тяжущихся, избиравшихъ одно и рѣшавшихъ имъ свое дѣло; это правило примѣнялось въ случаѣ иска о про-

1. Суд. Іоан. IV, ст. 70 и 82; ср. Опытъ Рейца, стр. 319; О Суд. Іоан. IV, Калачова, въ Юрид. Зап. I, 92.
2. См. Акты Арх. Экс. I, стр. 33; также Дополн. къ А. И., т. I, стр. 25.
3. Акты Ист. I, стр. 155.
4. Акты Ист. I, стр. 266, 267; ст. XVI.
5. ibid., ст. «а полягутъ деньги по сроцѣ», см. О Суд. Іоан. IV, Калачова, въ Юрид. Зап. I, стр. 92.
6. Акты Ист. I, ст. 131, см. соч. Калачова о Суд. Іоан. IV, стр. 92. Ср. статьи Суд. 82, VII, IX.
7. П. С. Гр., стр. 5.

центахъ [1], иска о займѣ, вчиняемаго женщиною, дитятею, старикомъ, больнымъ, увѣчнымъ, монахомъ и монахинею, которымъ дозволялось нанимать за себя наемника для судебнаго поединка, точно также какъ и отвѣтчику [2], въ случаѣ иска о деньгахъ, принадлежащихъ соучастнику, за исключеніемъ купеческихъ и торговыхъ дѣлъ [3], и иска о возвращеніи заклада отъ заимодавца, запирающагося въ пріемѣ его [4]. Если истецъ владѣлъ и записью, и закладомъ, то удостовѣреніемъ въ справедливости иска служила присяга или положеніе у креста спорныхъ вещей [5]. Этотъ законъ имѣлъ силу въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ до начала иска причинялъ ущербъ заимодавцу или клеветалъ на него предъ вѣчевою властью [6]. Что касается до другихъ видовъ исполненія договора займа и рѣшенія спорныхъ дѣлъ, относящихся къ заемнымъ обязательствамъ, то въ Псковской Судной Грамотѣ постановлено, что истецъ, взявшій, съ согласія отвѣтчика, часть предмета иска, положеннаго у креста, по судебному опредѣленію, не платилъ пени, точно также, еслибъ онъ отпустилъ отвѣтчика безъ присяги [7]. Нахлѣбникъ, жившій у хозяина и вчинявшій искъ противъ него о ссудѣ денегъ, представивъ въ судебное мѣсто закладъ и запись, подвергался суду по Псковскому обычаю [8]. Если отвѣтчикъ не признавалъ своимъ заклада, представленнаго въ судъ истцомъ, то закладъ обращался въ собственность истца [9]. Такъ какъ при этомъ натуральнымъ слѣдствіемъ окончанія спора было обращеніе предмета иска въ собственность отвѣтчика, то можно думать, что здѣсь дѣло какъ-бы принимало видъ продажи, при совершеніи которой истецъ, пріобрѣтая закладъ, т. е. вещь, игралъ роль покупщика, а отвѣтчикъ, мѣняя вещь и получая за нее деньги, соотвѣтствовалъ продавцу. — Кажется, что послѣ уплаты займа, простаго или съ процентами, заимодавецъ давалъ бывшему заемщику рядницу, или письменный договоръ, въ которомъ онъ свидѣтельствовалъ о сдѣланной уплатѣ слѣдуемыхъ ему денегъ, и снимокъ съ котораго отдавался въ архивъ Св. Троицы [10]. Это письменное условіе совершалось, безъ сомнѣнія, для того, чтобъ въ случаѣ несправедливаго иска заимодавца о мнимой неуплатѣ его денегъ, оно могло служить явнымъ опроверженіемъ его словъ.

1. П. С. Гр., стр. 4.
2. ibid., стр. 7.
3. ibid., стр. 14.
4. ibid., стр. 16.
5. ibid., стр. 5.
6. ibid.
7. ibid., стр. 11.
8. ibid., стр. 15.
9. ibid., стр. 6.
10. ibid., стр. 6, 7.

X. Наконецъ слово *закупенъ*, упоминаемое въ Псковской Судной Грамотѣ [1], указываетъ намъ на существованіе займа, обезпеченнаго личною свободою должника, хотя законодательство и относило условія между закупномъ и хозяиномъ къ договорамъ по найму. Такъ какъ этотъ видъ заемнаго обязательства весьма трудно разграничить отъ личнаго найма, въ которомъ наемникъ, иногда получая извѣстную плату впередъ отъ хозяина, также запродавалъ себя ему, то мы и ограничимся здѣсь однимъ указаніемъ на это обстоятельство и разсмотримъ отношенія *закупа* къ *государю* въ статьѣ о личномъ наймѣ, тѣмъ болѣе, что названіе закупа относится скорѣе къ наемнику, нежели къ должнику.

Сравнивая постановленія Псковской Судной Грамоты объ исполненіи договора займа съ другими узаконеніями, мы находимъ, что Псковское законодательство дѣйствовало въ этомъ отношеніи совершенно независимо и самостоятельно. Оно не заимствовало своихъ узаконеній изъ Русской Правды, представляющей намъ весьма немного узаконеній, касающихся до судебнаго разбора въ случаѣ неисполненія заемныхъ обязательствъ: уличеніе виновныхъ со стороны свидѣтелей [2] и взысканіе съ купца, погубившаго по своей винѣ взятый имъ въ долгъ товаръ [3], вовсе не вошли въ составъ опредѣленій Псковской Судной Грамоты. Ея постановленія имѣютъ для насъ тѣмъ большую важность, что они заключаютъ въ себѣ почти единственныя подробныя свѣдѣнія о договорахъ по займу, за исключеніемъ Судебника Іоанна IV и дополнительныхъ къ нему статей, до изданія Уложенія: Судебникъ Іоанна III упоминаетъ объ одной полѣтной грамотѣ; изъ него можно только догадываться, что въ случаѣ иска о займѣ, дѣло рѣшалось судебнымъ поединкомъ, присягою или положеніемъ у креста спорныхъ вещей; при этомъ свидѣтельство также допускалось [4]. Всѣ эти постановленія изложены такъ кратко, что по нимъ можно дѣлать весьма неопредѣленныя и неполныя заключенія. Въ Судебникѣ Іоанна IV хотя заемныя обязательства разсмотрѣны довольно подробно, но законы о нихъ не имѣютъ никакой связи съ постановленіями Псковской Судной Грамоты. Какъ тѣ, такъ и другіе развились подъ вліяніемъ особенныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Заемныя и закладныя записи содержатъ одни частныя условія между договаривающимися лицами и представляютъ совершенно случайныя указанія, хотя и дающія

1. П. С. Гр., стр. 4. Ср. въ прилож. прим. 40.
2. Рус. Дост. I, стр. 36—39.
3. ibid., стр. 46—47. Этотъ законъ вошелъ въ послѣдствіи въ составъ Судебника Іоанна III; см. статью «о займахъ».
4. См. статьи: «о полевыхъ пошлинахъ», «указъ намѣстникомъ о судѣ городскимъ» и «о послушествѣ».

возможность подразумѣвать существованіе закона, но невыраженныя въ формѣ его. Наконецъ ни въ Уставной Двинской Грамотѣ, ни въ Новгородской Судной, ни въ Уставной Бѣлозерской вовсе не изложены правила о заемныхъ обязательствахъ [1]. Во весь промежутокъ времени отъ изданія Русской Правды до Псковской Судной Грамоты законодательство почти забыло ихъ существованіе; изрѣдка церковная власть, слѣдуя каноническимъ постановленіямъ, возставала противъ роста и особенно запрещала взиманіе его лицамъ духовнаго званія [2]. Такую же малочисленность фактовъ мы видимъ почти до появленія Уложенія. Но и Уложеніе не могло имѣть своимъ прямымъ источникомъ постановленія Псковской Судной Грамоты: изъ всѣхъ заемныхъ записей и всѣхъ законовъ, говорившихъ о займѣ какъ-бы мимоходомъ, въ періодъ Уложенія составилось до нѣкоторой степени одно систематическое цѣлое, въ которомъ слились и исчезли всѣ частныя отличія. Поэтому большая часть опредѣленій Псковской Судной Грамоты о договорахъ займа во многихъ, если не во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ рѣдкое явленіе совершенно самостоятельныхъ мѣстныхъ законоположеній.

VII.

О ССУДѢ И ПОКЛАЖАХЪ.

Псковское законодательство, излагая свои постановленія о займѣ, во многихъ случаяхъ относитъ ихъ безразлично къ ссудѣ имуществъ на подержаніе и къ *поклажамъ*, т. е. къ отдачѣ и пріему имуществъ на сохраненіе. Ссуда должна была вноситься въ запись и обезпечиваться закладомъ [3]; истецъ, у котораго предметъ ссуды не былъ упомянутъ въ записи поименно, терялъ право на искъ [4]; судебное разбирательство по искамъ о ссудѣ происходило *по Псковской пошлинѣ* [5], т. е по древнему Псковскому обычаю, подробностей котораго мы не знаемъ. Эти немногія постановленія о ссудѣ равно относились и къ поклажамъ. Касательно несправедливости иска о поклажѣ, предметъ которой не упомянутъ поименно въ доскахъ, Псковская Судная Грамота даетъ дважды свое

1. Въ Уставной Грамотѣ, Марининской треги, Артемоновскаго стана крестьянамъ, только однажды упоминается «о запмѣхъ». См. А. А. Э. I, № 144, стр. 117. Ср. Суд. Іоан. III, ст. «о послушествѣ».
2. См. Ист. Рос. Гр. Зак. III, стр. 127, пр. 485.
3. П. С. Гр., стр. 3.
4. ibid., стр. 8.
5. ibid., стр. 15.

опредѣленіе [1]. Кромѣ того въ ней сказано, что если кто-нибудь во время пожара или семейнаго междоусобія отдастъ свое имущество на сбереженіе другому лицу и въ послѣдствіи начнетъ требовать возвращенія отданнаго, а принявшій поклажу станетъ запираться въ ея пріемѣ, то предоставляется на выборъ истца: присягнуть, идти на судебный поединокъ съ отвѣтчикомъ или положить у креста спорныя вещи [2]. Это же правило примѣнялось (но только къ отвѣтчику) и въ томъ случаѣ, когда искъ о поклажѣ велъ въ волостяхъ *закупенъ* или обязанный наемникъ [3].

Источникомъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ узаконеній послужила Русская Правда; именно изъ ея постановленій видно, что договоръ поклажи совершался словесно и, при своемъ заключеніи, не требовалъ присутствія свидѣтелей; если бы отдавшій другому свои вещи на сохраненіе сталъ требовать большаго, то хранившій вещи имѣлъ право очистить себя присягой [4].

Мы видѣли, что въ этомъ случаѣ, кромѣ присяги, Псковская Судная Грамота дозволяла также судебный поединокъ и положеніе у креста предмета иска. По Стоглаву, для возможности вчиненія иска о поклажѣ, необходимо было ея внесеніе въ особенную отпись [5]. Въ Судебникахъ, относительно отдачи и пріема имуществъ на сохраненіе, равно какъ и о ссудѣ, мы не встрѣчаемъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣдѣній [6].

§ VIII.

О личномъ наймѣ.

Древніе памятники Русскаго законодательства заключаютъ въ себѣ разнообразныя постановленія, относящіяся къ договорамъ найма личнаго и по имуществамъ. Несмотря на ихъ многочисленность, Псковская Судная Грамота едва ли не превосходитъ всѣ подобныя узаконенія, вышедшія до Уложенія, какъ подробностью своихъ опредѣленій, касающихся преимущественно возстановленія нарушенныхъ правъ по найму, такъ въ особенности своими самостоятельными законами о различныхъ видахъ и

1. ibid., стр. 4 и 8.
2. ibid., стр. 3 — 4.
3. ibid., стр. 4.
4. Рус. Дост. I, 39; см. также Рус. Правду въ соч. Калачова, стр. 93, ст. XXXIX; Опытъ Рейца, стр. 221—223; Ист. Рос. Гр. Зак. III, стр. 179.
5. Акты Ист. I, стр. 273.
6. О поклажѣ упоминается между прочимъ въ Договорной Грамотѣ В. К. Василія Васильевича 1435 г. См. Акты Арх. Эксп. I, № 29, стр. 23.

условіяхъ договоровъ личнаго найма. Дѣйствительно, многія изъ ея законоположеній, будучи очевидно порождены мѣстными обстоятельствами, не вошли ни въ одинъ изъ послѣдующихъ юридическихъ памятниковъ; другія напротивъ, въ числѣ весьма ограниченномъ, сдѣлались источниками для Судебниковъ, хотя нѣсколько и измѣнили свою первоначальную форму. Обиліе названій, свойственныхъ обязуемымъ лицамъ и нигдѣ далѣе не встрѣчаемыхъ, указываетъ намъ на большое разнообразіе условій между договаривающимися сторонами и на замѣчательное развитіе этого рода правъ по обязательствамъ.

Имѣя главною цѣлью изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты, мы разберемъ подробно только ея постановленія, относящіяся къ личному найму, и приведемъ сравнительно изъ другихъ узаконеній только тѣ, которыя имѣютъ близкую, непосредственную связь съ Псковскимъ законодательствомъ. Прежде всего мы должны сдѣлать различіе между словами «*наймитъ*» и «*закупенъ*». ***Наймитъ*** былъ человѣкъ совершенно свободный, шедшій въ услуженіе къ другому лицу и получавшій за свои услуги извѣстную плату, называвшуюся *наймомъ* [1]. Наемъ простирался на извѣстное опредѣленное время, именуемое *урокомъ* [2] и зависѣвшее вообще отъ согласія обѣихъ сторонъ, или совершался для исполненія какого либо порученія, такъ напр. для нѣкоторыхъ дѣлъ, или для судебнаго поединка [3]. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ имѣли право нанимать наймита для рѣшенія своего дѣла полемъ. Это правило относилось въ особенности къ женщинамъ, малолѣтнымъ, престарѣлымъ, больнымъ, увѣчнымъ и лицамъ духовнаго званія [4]. Наймитъ въ этомъ отношеніи какъ-бы пользовался правомъ представительства, хотя мы и не знаемъ положительно, какое юридическое значеніе было ему присвоено. Правило о наймитахъ почти буквально вошло въ составъ Судебника Іоанна III [5], равно какъ и въ Судебникъ Іоанна IV, гдѣ оно въ одной статьѣ нѣсколько измѣнено въ отношеніи къ поединку съ свидѣтелемъ, которому не дозволялось ставить за себя наймита [6]; а въ другой изложено безъ всякаго измѣненія [7]. По опредѣленію Псковска-

1. П. С. Гр., стр. 7; ср. въ приложеніи прим. 61 и 92.
2. ibid.
3. ibid., стр. 7 и 18.
4. ibid., стр. 7. Въ этой статьѣ сказано, что женщина могла также ставить за себя наймита; но здѣсь нѣтъ противорѣчія постановленію, находящемуся на стр. 18 ориг., ибо въ первомъ случаѣ подразумѣвается, что женщина была истцомъ, а отвѣтчикомъ былъ мужчина, тогда какъ во второмъ обѣ тяжущіяся стороны принадлежали къ женскому полу.
5. Акты Ист. I, стр. 154, ст. «о послушествѣ».
6. Ст. 17.
7. Ст. 19.

го законодательства, женщинамъ на поединкѣ не дозволялось имѣть наймитовъ [1]. Наемная плата взыскивалась съ хозяина въ *закличъ*, т. е. чрезъ словесное объявленіе, которое производилось обыкновенно на площади или на рынкѣ [2]. Наемъ совершался иногда посредствомъ записи, хотя совершеніе ея для дѣйствительности договора не требовалось [3]; исполненіе происходило согласно съ договоромъ. Если *наймитъ дворной*, т. е. нанявшійся для работъ во дворѣ, оставлялъ своего хозяина, не доживъ до урочнаго времени, то онъ бралъ наемной платы по разсчету; если хозяинъ не давалъ ему условленной платы, то наемникъ могъ ее съ него взыскивать за годъ, хотя бы онъ служилъ пять или десять лѣтъ, и притомъ только въ такомъ случаѣ, когда со дня окончанія его службы до начала иска прошло не болѣе года; если-же протекло времени болѣе этого срока, то онъ не могъ вести иска противъ своего хозяина [4]. Въ Русской Правдѣ о людяхъ, сохранившихъ въ услуженіи вполнѣ свою личную свободу, даются одни неопредѣленные намеки [5]. Впрочемъ въ ней упоминается наймитъ [6]. Наемъ свободный, т. е. съ сохраненіемъ полной свободы для лицъ, вступающихъ въ услуженіе или въ работу, существовалъ постоянно. Но законовъ о немъ никакихъ не было, исключая того, что по Судебнику Іоанна III наемникъ, который не дослужилъ своего срока, лишался наемной платы [7]. Этотъ законъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ, имѣетъ своимъ началомъ постановленіе Псковской Судной Грамоты о наймитѣ дворномъ. Онъ-же повторенъ и въ Судебникѣ Іоанна IV, съ тѣмъ добавленіемъ, что съ господина, который сталъ бы удерживать у наемника наемную плату и въ своемъ непосредственномъ поступкѣ былъ уличенъ, повелѣно взыскивать ее вдвое [8].

Закупенъ былъ до найма свободнымъ человѣкомъ, но, поступивъ въ услуженіе, онъ продавалъ себя хозяину за извѣстную плату, которую тотъ выдавалъ ему впередъ деньгами или натурою и которая носила характеристическое названіе *покруты* [9]. Поэтому права свободы закупна ограничивались на время въ услуженіи или работничествѣ, но снова возстановлялись по прошествіи договорнаго срока. Закупъ отличался отъ крѣпостныхъ крестьянъ тѣмъ, что состояніе его не было наслѣдственное

1. П. С. Гр., стр. 18.
2. ibid., стр. 7; ср. въ приложеніи прим. 93.
3. П. С. Гр., стр. 7—8, 13, 14.
4. ibid., стр. 7.
5. Рус. Дост. I, 55.
6. Рус. Дост. I, 49.
7. Акты Ист. I, 154.
8. Ст. 83.
9. П. С. Гр., стр. 8, 9, 12, 13.

или постоянное, но было временное; по прошествіи извѣстнаго срока, онъ дѣлался снова свободнымъ. Крѣпостное состояніе во Псковѣ было, вѣроятно, тоже самое, какъ и въ другихъ частяхъ Россіи. Крестьяне переходили отъ одного владѣльца къ другому, не вступая ни въ какое другое сословіе; напротивъ закупами дѣлались, безъ сомнѣнія, не одни крестьяне, но и другія лица, взявшія въ заемъ деньги или наемную плату. Крѣпостные крестьяне представляли сословіе; закупъ осуществлялъ только извѣстное состояніе. Пр. Рейцъ, по этому поводу, замѣчаетъ, что законы ничего не говорятъ о прекращеніи обязанности служить по найму; «посему рождается вопросъ,» продолжаетъ авторъ, «не заключалось-ли таковое условіе на всю жизнь? Позднѣе мы видимъ нѣчто подобное, службу «кабальныхъ,» кои служили до смерти господина [1]». Постановленія Русской Правды относятся преимущественно къ этому роду личнаго найма. Наемникъ въ ней называется *закупомъ*. Договоръ найма заключался, безъ сомнѣнія, словесно, но, можетъ-быть, въ присутствіи свидѣтелей [2]. Обязанности закупа и господина, изложенныя въ Русской Правдѣ, не имѣютъ ничего общаго съ постановленіями Псковской Судной Грамоты о томъ-же предметѣ. По мѣрѣ распространенія письменныхъ условій и договоровъ, появлялись различныя правила, касавшіяся до найма; но всѣ они были большею частью произвольныя и лишенныя всякаго единства [3]. Въ XIII столѣтіи образовалось новое названіе «*заклада*» или «*закладня*» [4], т. е. должника, обезпечившаго личною свободою деньги, взятыя имъ въ долгъ у заимодавца. Такъ какъ закупъ равнымъ образомъ бралъ впередъ плату, какъ-бы занимая ее у хозяина, поэтому не удивительно, что законодательство часто смѣшивало эти два рода правъ по обязательствамъ и сливало условія найма съ заемными договорами. Отсюда проистекаетъ то явленіе, что въ Судебникѣ Іоанна IV нисколько не отличаются «кабальные» отъ наймитовъ и говорится безразлично и о наймѣ съ обязанностью наемника служить за ростъ, и о свободномъ наймѣ вообще.

Разсмотрѣвъ значенія наймита и закупа и отношенія ихъ къ хозяину, обратимся къ другимъ лицамъ, связаннымъ между собою договоромъ найма и упоминаемымъ въ Псковской Судной Грамотѣ [5]. Можно безоши-

1. Опытъ и проч., стр. 196.
3. См. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 192.
3. Ср. Акты Арх. Экс. I, стр. 35—36, 53; также духовныя завѣщанія князей и частныхъ лицъ въ Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, и Акты Юрид.
4. См. Собр. Гос. Гр. и Дог., I, стр. 1, 2, 3, 4, 6 и проч.
5. Замѣтимъ здѣсь, что г. Калачовъ, въ своемъ изслѣдованіи о Русской Правдѣ, говоря о наймитѣ и закупѣ, не представляетъ ясно ихъ различіе и относитъ къ наймиту то, что на самомъ дѣлѣ касается одного закупа. См. стр. 87.

бочно утверждать, что названія наймита и закупа были общія, родовыя; первое относилось вообще къ свободнымъ лицамъ, сохранявшимъ въ услуженіи свою свободу; но каждое лицо, смотря по роду исполняемыхъ имъ дѣлъ и обязанностей, кромѣ общаго названія наймита, носило особенныя, ему свойственныя видовыя наименованія; къ этому роду лицъ упоминаемыхъ въ Псковской Судной Грамотѣ, принадлежатъ : *мастеръ, плотникъ* и *ученикъ*. Равнымъ образомъ закупами назывались безразлично лица, ограничившія наймомъ на опредѣленное время свою свободу; каждое изъ этихъ лицъ въ частности имѣло также свое видовое названіе; къ нимъ принадлежатъ : *изорникъ, четникъ, огородникъ* и *исполовникъ*.

Мастеръ [1] и плотникъ, окончивъ свое дѣло или прослуживъ условленное время, взыскивали, по общему правилу, наемной платы съ своего хозяина посредствомъ изустнаго объявленія [2]. Если плотникъ, не окончивъ своего дѣла, требовалъ найма съ хозяина, говоря, что сдѣлалъ у него все, что было условлено, то хозяинъ, въ случаѣ неимѣнія договорной записи, долженъ былъ положить у креста спорную вещь или дать присягу [3]. Въ Псковской Судной Грамотѣ не упоминается о рѣшеніи иска тогда, когда хозяинъ имѣлъ запись на своего наемника. Наемникъ, отдаваемый къ мастеру въ ученье, назывался *ученикомъ*; за свое обученіе онъ платилъ мастеру опредѣленную плату, *учебное* [4]. Въ случаѣ иска съ ученика договорной платы, мастеръ могъ самъ присягнуть, что не получилъ ея, или повѣрить въ томъ своему ученику [5]. О плотникахъ упоминается въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1016 годомъ [6]. Въ Русской Правдѣ говорится о ремесленникахъ [7].

Чаще всего въ постановленіяхъ Псковской Судной Грамоты намъ встрѣчается названіе *изорника* [8]. Это былъ закупъ-земледѣлецъ, переходившій отъ одного хозяина къ другому и нанимавшійся для работъ земледѣльческихъ и для рыболовства [9]. Этотъ видъ найма имѣлъ множество своихъ частныхъ подраздѣленій. Изорнику вообще выдавалась плата впередъ,—*покрута;* она выдавалась или деньгами, или натурою. Величина

1. Здѣсь *мастеромъ* (мастеровымъ) называется наемникъ; на стр. 15 этимъ именемъ означенъ хозяинъ въ противуположность ученику.
2. П. С. Гр., стр. 7.
3. ibid., стр. 7—8.
4. ibid., стр. 15.
5. ibid.
6. Полн. Собр. Рус. Лѣт., III, стр. 1.
7. Рус. Дост. I, 33.
8. См. стр. 8, 9, 11, 12, 13, 14.
9. См. П. С. Гр., 8, 9 и т. д., также въ приложенія прим. 95 и 101.

ея зависѣла отъ добровольнаго условія между закупомъ и хозяиномъ. Изорникъ, получавшій половину выращенныхъ имъ произведеній, а другую отдававшій хозяину, назывался *исполовникомъ*[1]. Что онъ былъ закупъ, а не вольный наймитъ, это видно изъ самого постановленія Псковской Судной Грамоты, которая ставитъ его на ряду съ четникомъ и огородникомъ и упоминаетъ тутъ же о покрутѣ[2]. Въ Договорной Новгородской Грамотѣ 1307 г. о половникѣ упоминается вмѣстѣ съ холопомъ[3]. Пр. Рейцъ говоритъ, что половники не были крѣпостными людьми[4]; это еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, ибо закупъ также не былъ крѣпостнымъ человѣкомъ. Исполовникъ не имѣлъ права заложить весны у государя, т. е. отказаться отъ продолженія своего найма, не выслуживъ заранѣе опредѣленнаго срока[5]; это же самое правило относится и къ четнику. Изорникъ, приписанный къ чети, или четверти, т. е. къ извѣстному округу земли, носилъ наименованіе *четника*[6]. Различіе между изорникомъ и четникомъ, какъ видно, было не большое. Четникъ, вѣроятно, употреблялся преимущественно для обработыванія земли своего хозяина, тогда какъ изорникъ исполнялъ другія порученія, напр. занимался рыбною ловлею въ исадахъ, принадлежавшихъ его хозяину. Замѣтимъ при этомъ, что изорниковъ, занимавшихся подобною работою, не должно смѣшивать съ рыболовами. Первые участвовали въ рыбныхъ ловляхъ, исполняя эту обязанность наравнѣ съ другими въ пользу частнаго лица, владѣвшаго землею и исадами[7]; напротивъ послѣдніе носили наименованіе государевыхъ рыболововъ и были исключительно преданы своему занятію. Первое упоминаніе о нихъ мы находимъ въ лѣтописяхъ и актахъ начала XV столѣтія[8]; рыболовы были поселены отдѣльно цѣлыми деревнями[9]. Въ случаѣ надобности, они могли брать себѣ на подмогу крестьянъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, или монастырямъ[10]. Слѣдовательно эти помощники служили не казнѣ, а частнымъ лицамъ, и работали у нихъ по найму; но въ какихъ именно они были отношеніяхъ съ нанимателями, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Наемникъ, нанимавшійся для работъ въ огородѣ, назывался *огородникомъ*.

1. См. въ приложенія прим. 98.
2. См. стр. 8; ср. стр. 11.
3. См. Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 10, стр. 14.
4. Опытъ и пр., стр. 146 и 147.
5. П. С. Гр., стр. 8.
6. См. въ прилож. прим. 96
7. Ср. Акты Арх. Экс., т. I, № 12, т. III, № 153.
8. Первая Новг. лѣт. г. 1418. Акты Арх. Экс. I, № 22, г. 1423.
9. Исторія финанс. учрежденій Россіи, гр. Д. Толстаго, СПБ. 1848 г., стр. 216, см. также стр. 214—218.
10. Акты Арх. Экс., т. I, № 43.

Онъ также принадлежалъ къ роду закуповъ, ибо получалъ покруту отъ хозяина впередъ за свою службу [1]. Срокомъ для перехода всѣхъ этихъ наемниковъ [2] отъ одного владѣльца къ другому Псковская Судная Грамота полагаетъ время около Филиппова заговѣнья, т. е. 14 ноября [3]. Можно думать, что это постановленіе вошло и въ Судебникъ Іоанна III, назначающій для перехода крестьянъ недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю спустя [4]. Такъ какъ Юрьевъ день бываетъ 26 ноября [5], то время въ этомъ отношеніи полагается одно и то же. Заключенный договоръ между хозяиномъ и наемниками имѣлъ силу на цѣлый годъ до другаго Филиппова заговѣнья. Иного срока отказа вовсе не существовало ни со стороны хозяина, ни со стороны наемниковъ. Если они запирались въ томъ, что получили отказъ, то ихъ должно было вести къ присягѣ; если они давали присягу, то хозяинъ терялъ право на слѣдуемую ему четверть земли, или огородную, или рыбную часть съ исада. Если наемникъ сбѣгалъ съ села, не дождавшись окончанія срока своего найма, то онъ долженъ былъ заплатить за остальное время своему хозяину, работая въ другой чети на томъ же исадѣ. Хозяинъ имѣлъ право подать изустное объявленіе и взыскивать съ наемника отданныхъ впередъ денегъ, хлѣбныхъ зеренъ, пшеницы, поименно и считая по срокъ отказа; онъ также могъ не воспользоваться своимъ правомъ на искъ [6]. Дальнѣйшія постановленія Псковской Судной Грамоты о личномъ наймѣ относятся исключительно къ изорнику. Если изорникъ упорствовалъ въ возвращеніи хозяину покруты, основываясь на томъ, что выработалъ у него въ селѣ условленное время, то несправедливость его словъ должны были подтвердить четыре или пять постороннихъ людей; представлять ихъ въ судъ долженъ былъ хозяинъ, ибо онъ начиналъ искъ; въ противномъ случаѣ хозяинъ терялъ право на искъ. Дѣло рѣшалось вообще присягою со стороны хозяина или изорника, если первый ему вѣрилъ, или крестоположеніемъ [7]. Въ случаѣ отказа съ той или другой стороны, хозяинъ и изорникъ должны были взять каждый половину означенныхъ въ договорѣ

1. П. С. Гр., стр. 8.
2. Первыя изъ послѣдующихъ постановленій П. С. Гр. относятся безразлично къ изорнику, четнику и огороднику. Для избѣжанія повтореній и для краткости, мы назвали эти лица общимъ наименованіемъ наемниковъ.
3. П. С Гр., стр. 8.
4. Акты Арх. Экс. I, стр. 35, 36, 53; Акты Ист. I, стр. 155 (Суд. Іоан. III). Ср также А. А. Э. II, стр. 70—71, 74—75.
5. Другой Юрьевъ день, бывающій 3 ноября, не служилъ срокомъ перехода. Ср. Ист Рос Гр. Зак. III, 193.
6. П. С. Гр., стр. 8; см. въ прилож. прим. 97—103.
7. П. С. Гр., стр 9.

произведеній [1]. Если изорникъ представлялъ на хозяина въ судъ доски, то по нимъ производилось слѣдствіе; при этомъ необходима была очная ставка [2]. Если изорникъ оставлялъ хозяина, не дослуживъ до урочнаго времени, то хозяинъ могъ взыскивать съ него данной ему покруты изъ его имущества, оставленнаго въ селѣ; оно продавалось въ присутствіи приставовъ, губныхъ старостъ и постороннихъ людей, и вырученныя отъ продажи деньги шли на уплату долга [3]. Хозяинъ могъ требовать отдачи остатка долга съ возвратившагося наемника, если вырученныхъ денегъ было мало сравнительно съ суммою, которую ему былъ долженъ изорникъ. Послѣдній не имѣлъ права требовать у хозяина возвращенія оставленнаго имущества [4]. Въ случаѣ смерти бездѣтнаго изорника, не имѣвшаго никакихъ родственниковъ, имущество его продавалось хозяиномъ въ присутствіи приставовъ и постороннихъ людей и шло на уплату покруты, данной хозяиномъ изорнику, но не выслуженной послѣднимъ; поэтому никто не могъ вести иска объ имуществѣ изорника противъ его хозяина [5]. Жена и дѣти умершаго изорника, хотя и не упомянутыя въ записи, должны были возвратить хозяину данную изорнику покруту, имъ невыслуженную. Если же о наемникѣ въ записи ничего не говорилось, то о наслѣдствѣ умершаго производился судъ по Псковскому обычаю. Хозяинъ могъ требовать отдачи покруты, данной умершему изорнику, съ его родственниковъ, начавшихъ искъ о его имуществѣ противъ хозяина. Сверхъ того, договоръ опредѣлялъ, какія орудія для работы долженъ былъ принесть съ собою изорникъ и что обязанъ былъ дать ему хозяинъ. Родственники умершаго не должны были утаить отъ хозяина ни лукошки, ни кадки; впрочемъ они могли вести искъ противъ коня или коровы изорника, оставшихся у хозяина [6]. Если изорникъ велъ искъ противъ хозяина о своемъ имуществѣ, то хозяинъ имѣлъ право требовать его на сводъ въ присутствіи постороннихъ людей [7]. Изорникъ, упомянутый въ записи и скрывшійся отъ заимодавца, долженъ былъ платить происшедшіе отъ того убытки [8].

Всѣ эти разнообразныя постановленія Псковской Судной Грамоты, относящіяся къ личному найму, представляютъ намъ много любопытныхъ

1. П. С. Гр., стр. 11.
2. ibid., стр. 12.
3. ibid.
4. ibid.
5. ibid., стр. 13.
6. ibid.
7. ibid., стр. 13—14.
8. ibid., стр. 14.

свѣдѣній объ условіяхъ и судебномъ разбирательствѣ наемныхъ договоровъ. Права по обязательствамъ находились въ то время, какъ видно, на весьма замѣчательной степени развитія. Псковское законодательство опредѣлительно сознавало сущность этихъ правъ, обращая вниманіе на самыя мелкія подробности. Главною причиною такого явленія было частое употребленіе займа и найма, вытекавшее изъ простыхъ житейскихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе, несмотря на многочисленность этихъ постановленій, они не могли служить главнымъ источникомъ для другихъ узаконеній, потому что видимо основывались на мѣстныхъ условіяхъ и обычаяхъ. Судебникъ Іоанна III излагаетъ одни общіе законы для всей Россіи; онъ могъ заимствовать изъ Псковской Судной Грамоты только тѣ правила, которыя имѣли болѣе общій характеръ и могли быть приложимы не въ одной Псковской области. Такъ напр. въ Судебникѣ мы встрѣчаемъ развитіе законовъ о наймитахъ при судебныхъ поединкахъ, о срокѣ перехода крестьянъ и т. п. Напротивъ въ немъ вовсе не упоминается ни о частныхъ отношеніяхъ между наемникомъ и хозяиномъ, ни о подробностяхъ судебнаго разбора по дѣламъ личнаго найма. Этою особенностью постановленій Псковской Судной Грамоты объясняется и то обстоятельство, что названія изорника, четника, покруты и т. п. вовсе не находятся въ другихъ законодательныхъ памятникахъ предъидущаго и послѣдующаго времени.

IX.

О ПРАВАХЪ НА ДѢЙСТВІЯ, ИМѢЮЩИХЪ СВОЕ ОСНОВАНІЕ ВЪ ОБИДАХЪ.

Неопредѣленное смѣшеніе различныхъ сферъ права въ нашемъ древнемъ законодательствѣ едва-ли не всего болѣе выразилось въ отношеніяхъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Между различными предметами того и другаго права съ давнихъ поръ существовала тѣсная связь, постоянно выражавшаяся въ единствѣ судопроизводственнаго порядка и не нарушившаяся даже въ періодъ Уложенія. Оттого въ юридическихъ памятникахъ прошедшаго времени мы почти всегда видимъ, что грабежъ, смертоубійство, воровство стоятъ рядомъ съ займомъ, поклажею, наймомъ и т. п. Но если съ одной стороны не было юридическаго сознанія о различіи уголовнаго и гражданскаго права, то съ другой

стороны, въ періодъ Судебниковъ, это различіе невольно существовало въ дѣйствительности. Мало по малу возникъ новый, слѣдственный порядокъ судопроизводства, отличный отъ обвинительнаго и составившій принадлежность исковъ гражданскихъ, явилась особенная подсудность по дѣламъ уголовнымъ, которыя такимъ образомъ пріобрѣли нѣсколько самостоятельную форму [1]. Подобное смѣшеніе гражданскаго и уголовнаго права встрѣчается и въ Псковской Судной Грамотѣ, хотя начала слѣдственнаго процесса въ ней и становятся довольно ясными. Понятія о преступленіяхъ въ ней заключаются въ томъ, что различныя дѣйствія, вредныя для общества, она подвергаетъ опредѣленнымъ наказаніямъ. Наказанія эти яснѣе всего намъ показываютъ, какъ смотрѣло законодательство на преступленія и какую сравнительную тяжесть оно имъ придавало. Обыкновенно оно опредѣляло наказанія за одно внѣшнее дѣйствіе; намѣренія и покушенія, невыполненныя, не подлежали суду, хотя иногда особенная злонамѣренность, выраженная въ преступленіи, служила основаніемъ къ болѣе тяжкому наказанію [2]. Постановленія Псковской Судной Грамоты о возмездіи за преступленіе имѣютъ двоякій характеръ : одни наказанія относятся къ личности виновнаго, другія къ его имуществу. Послѣднія раздѣляются въ свою очередь на двѣ категоріи : взысканіе съ виновнаго производится въ пользу обиженнаго и въ пользу правительства. И такъ мы будемъ разсматривать и раздѣлять преступленія и обиды по степени ихъ тяжести; а такъ какъ тяжесть ихъ обусловливалась наказаніемъ, то понятно, что главное вниманіе изслѣдователя должно обратиться болѣе всего на послѣдствія преступленій.

Наказанія, относившіяся къ *личности виновнаго*, были слѣдующія:

Комнатный воръ, ***конокрадъ***, ***тайный передатчикъ вѣстей*** и ***зажигатель*** лишались жизни [3]. Впрочемъ если кто-нибудь велъ искъ противъ зажигателя, безъ представленія явныхъ доказательствъ его вины, то онъ долженъ былъ требовать отвѣтчика на свободную присягу [4]. Воровавшій въ посадѣ прощался дважды, но на третій разъ, будучи уличенъ, наказывался смертью [5]. Этотъ законъ имѣетъ много общаго съ слѣдующею статьею Русской Правды : « аже убіють огнищанина у клѣти или у коня или у говяда или у коровьѣ татьбы то убити въ пса мѣс-

1. Ср. соч. Калачова: О Суд. Іоанна IV, въ Юрид. Зап., II, 306—309, и соч. Кавелина: Основ. начала Рус. судоустройства и проч., стр. 48 и 49.
2. Русская Правда въ соч. Калачова, стр. 122.
3. П. С. Гр., стр. 2.
4. ibid., стр. 11.
5. ibid., стр. 2; ср. А. А. Э. I, № 13, стр. 8.

то а таже покопъ и тивуницу [1]». Зажигательство въ ней наказывалось только потокомъ и разграбленіемъ [2] имущества виновнаго [3]. Въ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, напр. въ Уставной Двинской Грамотѣ, Судной Новгородской, Уставной Бѣлозерской и др. [4], или вовсе не упоминается объ этихъ преступленіяхъ, или присуждаются наказанія, относящіяся къ имуществу виновнаго, а не къ его личности. Постановленія Псковской Судной Грамоты о смертной казни вошли, со многими дополненіями, въ составъ Судебника Іоанна III, заимствовавшаго изъ нея нѣкоторыя выраженія слово въ слово. Приводимъ эти законы для сравненія: «Государскому убойцѣ, и коромольнику, церковному татю и головному, и подметчику (подымщику), и зажигальнику, вѣдомому лихому человѣку живота не дати, казнити его смертною казнью [5]». Тать, пойманный на дѣлѣ въ первый разъ, наказывался торговою казнью, кнутомъ, и «исцево па немъ доправя да судiѣ его продати» и проч. [6], уличенный въ воровствѣ во второй разъ лишался жизни [7]. Въ періодѣ Судебника Іоанна IV смертная казнь получила большее развитіе; законы Іоанна III сохранили вполнѣ свою силу и снова явились въ Судебникѣ Іоанна IV, въ распространенномъ видѣ [8].

Во всѣхъ изложенныхъ нами узаконеніяхъ находятся очевидные признаки древняго самосуда. Слѣды его въ особенности замѣтны въ Псковской Судной Грамотѣ, которая подразумѣваетъ, безъ сомнѣнія, тотъ случай, что преступника, поймашнаго на дѣлѣ въ особенно тяжкихъ преступленіяхъ, можно было убить безнаказанно. Мы видѣли, какія преступленія подвергались этому наказанію. Не распространяясь подробно о значеніи самосуда въ древнихъ родовыхъ отношеніяхъ и въ области права, замѣтимъ только, что вліяніе его обнаруживается даже и въ Судебникѣ Іоанна IV, преимущественно въ наказаніи выдачи головою обидчика обиженному. Понятно, что самосудъ могъ существовать у Псковичей въ XV столѣтій. Изъ какихъ же источниковъ почерпнуло Псковское законодательство упомянутые нами случаи самосуда? Они не могли быть слѣдствіемъ собственныхъ Псковскихъ обычаевъ и законовъ, ибо само-

1. Рус. Правда, стр. 112, ст. LXXXV; ср. также Короткую Русскую Правду, по разд. Тат., ст. 18—20, 31, 32.
2. Ср. мнѣніе Карамзина въ Ист. Гос. Рос., т. II, прим. 78.
3. Рус. Правда, стр. 108, ст. LXXI — LXXIII.
4. Ср. еще А. А. Э. I, № 143 и 144.
5. Акты Ист. I, стр. 149, ст. «о татбѣ».
6. ibid., ст. «о татѣхъ».
7. ibid., стр. 149 и 150.
8 См. Суд. Іоан. IV, ст. 59, 60. Выписанное нами постановленіе изъ Судебника Іоанна III вошло буквально въ ст. 61. Ср. еще ст. 62 и 71.

судъ встрѣчается и въ Русской Правдѣ, но съ другой стороны Русская Правда не можетъ считаться не только единственнымъ, но и главнымъ источникомъ постановленій Псковской Судной Грамоты о правѣ убить преступника и въ особенности зажигателя на мѣстѣ преступленія. Однимъ изъ доказательствъ справедливости нашего мнѣнія служитъ то, что зажигательство по Русской Правдѣ наказывалось не смертью, а разграбленіемъ имущества виновнаго. Это постановленіе Псковская Судная Грамота, безъ сомнѣнія, заимствовала прямо изъ Германскихъ законовъ, занесенныхъ къ намъ Варягоруссами и постоянно поддерживавшихся во Псковѣ его торговыми сношеніями съ Ганзейскими городами и съ иностранцами. Право личной мести у Германцевъ (Faida, Fehderecht), хотя и было ограничено, составляя преимущество людей свободныхъ [1], но допускалось въ случаяхъ убійства, *зажигательства* и грабежа [2]. Это примѣненіе самосуда въ наказаніи зажигателя смертью не встрѣчается ни въ одномъ изъ древнихъ узаконеній, предшествовавшихъ Псковской Судной Грамотѣ, и поэтому мы въ правѣ предполагать, что какъ она, такъ и въ послѣдствіи отчасти и Судебники, заимствовали свои постановленія о зажигательствѣ изъ германскихъ законовъ, а не изъ Русской Правды.

Другое, не менѣе замѣчательное опредѣленіе Псковской Судной Грамоты состоитъ въ томъ, что обвиненный въ дракѣ четырьмя или пятью свидѣтелями *выдавался душою* (головою) человѣку, имъ оскорбленному [3]; сюдаже относится, въ видѣ дополненія, тотъ случай, когда кто-нибудь предъ вѣчевою властью ударилъ въ судѣ своего противника: обидчикъ *выдавался въ рубли* обиженному и платилъ князю продажу [4]. Уже по закону Русской Правды, свободный человѣкъ, обиженный рабомъ, могъ требовать отъ господина выдачи его и, въ случаѣ отказа, имѣлъ право лишить его жизни при первой встрѣчѣ [5]. Впрочемъ, здѣсь мы видимъ только отношенія не свободнаго человѣка къ свободному; отношенія свободныхъ людей основывались на другихъ правилахъ. Мы не можемъ сказать навѣрно, откуда Псковская Судная Грамота почерпнула установленіе о выдачѣ головою; вѣроятно, источникомъ ей служила не Русская Правда. Этотъ законъ появился, безъ сомнѣнія, въ позднѣйшія времена

1. См. соч. Куницына, стр. 1.
2. Eichhorn, Deutsche Staats und Rechtsgeschichte, § 76.
3. П. С. Гр., стр. 5.
4. ibid., стр. 17.
5. Соч. Куницына, стр. 3; ср. соч. Калачова: О Суд. Іоанна IV, Юр. Зап., ч. II, стр. 345, 350 и 351.

и служилъ къ ограниченію самосуда, ибо прилагался къ дѣлу не произвольно, но по опредѣленію суда. Г. Куницынъ полагаетъ, что обидчикъ, переданный правительствомъ во власть лица, имъ оскорбленнаго, долженъ былъ оставаться у него въ рабскомъ повиновеніи *до искупа*, или до заработанія штрафной суммы, опредѣленной законами за учиненное имъ преступленіе [1]; слѣдовательно онъ какъ-бы вступалъ въ классъ закуповъ. Таковъ былъ первоначальный видъ выдачи головою за нанесенное безчестіе. Не встрѣчая нигдѣ, кромѣ Псковской Судной Грамоты, до изданія Судебника Іоанна IV, узаконеній подобнаго рода, мы приходимъ къ тому заключенію, что это столь извѣстное въ послѣдствіи наказаніе имѣетъ своимъ началомъ приведенныя нами постановленія Псковской Судной Грамоты. Въ періодъ Судебника Іоанна IV выдача головою измѣнила свой характеръ : она совершенно потеряла свое матеріяльное значеніе и сохранила одну нравственную сторону. Съ наступленіемъ споровъ по мѣстничеству, это наказаніе стало весьма часто примѣняться къ рѣшенію дѣлъ бояръ и другихъ лицъ знатнаго званія; естественно, что послѣдніе не столько нуждались въ денежномъ вознагражденіи, сколько въ уничтоженіи потерпѣннаго ими безчестія. Уничтоженіе это состояло въ томъ, что виновный *выдавался головою* обиженному, т. е. какъ и прежде, предавался во власть истца; послѣдствія этого были другія, нежели въ прежнія времена : прежде происходило при выдачѣ головою обращеніе виновнаго въ закупы; въ эпоху Судебника Іоанна IV понятіе закупа перестало быть необходимою принадлежностью подобнаго рода возмездій. Обиженному довольно было показать человѣку, его оскорбившему, свою власть надъ нимъ, вытекавшую изъ наказанія de jure. Законодательство считало достаточнымъ нравственное униженіе виновнаго.

Наказанія втораго рода относились *къ имуществу преступника*. Денежныя взысканія, которымъ онъ подвергался, по Псковской Судной Грамотѣ, суть : 1, продажа; 2, плата за производство суда судейскимъ служителямъ, какъ напр. приставное, и 3, вознагражденіе обиженнаго.

1 Подъ именемъ *продажи* [2], въ Псковской Судной Грамотѣ разумѣется вообще всякое денежное взысканіе въ пользу судей; въ частности продажа означала опредѣленный штрафъ, которому виновный подвергался за свое преступленіе въ пользу Князя или посадника [3]. И такъ

1. Соч. Куницына, стр. 3.
2. См. П. С. Гр., стр. 1, 13, 15, 17, 18; также въ прилож. прим. 7.
3. Ср. О Суд. Іоан. IV, Калачова, въ Юрид. Зап., ч. II, стр. 356.

она взималась съ одной стороны лицомъ, производившимъ судъ, за труды его; съ другой стороны правительствомъ. Въ Псковской Судной Грамотѣ ясно различается *княжая продажа* отъ *продажи* вообще [1]. Наше древнее уголовное законодательство подробно опредѣляетъ различные виды продажи, начиная съ Русской Правды.

2. Судейскіе служители, приставы, позовники, ѣздоки и т. п., за производство отъѣзжаго суда и за присутствіе при судебномъ поединкѣ, получали слѣдуемую имъ плату отъ того, кто былъ признанъ виновнымъ [2]. Въ отношеніи къ сбору и взысканію продажи и вообще различныхъ штрафовъ въ пользу правительства, является одна особенность, проистекающая прямо изъ преобладанія обвинительнаго порядка судопроизводства надъ слѣдственнымъ. Искъ начинался только тогда, когда являлся истецъ и обвинялъ въ чемъ нибудь своего противника. Судья былъ не болѣе, какъ посредникъ, къ которому прибѣгали тяжущіеся съ просьбою разрѣшить ихъ споръ. Слѣдствіе, производимое судебнымъ мѣстомъ, безъ подачи прошенія о томъ тяжущихся, встрѣчается весьма рѣдко въ нашемъ древнемъ законодательствѣ. Тоже самое происходило и въ дѣлахъ уголовныхъ; слѣдствіе за немногими исключеніями, начиналось единственно тогда, когда на преступника жаловался обиженный. Но если преступникъ мирился съ человѣкомъ, имъ оскорблешымъ, до начала дѣла судебнымъ порядкомъ, то судебная власть не вмѣшивалась въ ихъ отношенія и преступленіе оставалось ненаказаннымъ. Поэтому понятно, что, въ случаѣ мира между обѣими сторонами, виновный не подвергался никакому денежному взысканію и не платилъ пошлины въ казну княжескую. Указанія на это обстоятельство мы встрѣчаемъ не разъ въ Псковской Судной Грамотѣ: «А на тати, и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти» [3]; а кто съ кимъ побьется... а только приставомъ не позовутся, а промежъ себе прощенье возмутъ, ино ту князю продажи нѣтъ [4]». Вообще мировая сдѣлка, заключенная съ преступникомъ, избавляла его или отъ всякаго наказанія, или уменьшала денежный штрафъ; исключенія были весьма рѣдки [5]. Оба упомянутые нами вида денежныхъ наказаній собственно относятся къ взысканіямъ

1. См. стр. 1, 7, 18.
2. ibid., стр. 11.
3. Стр. 9.
4. Стр. 13.
5. Ср. П. С. Гр., стр. 7; также Суд. Іоанна III «Указъ намѣстникомъ о судѣ городскымъ»; Суд. Іоанна IV ст. 9 и 10; Акты Ист. I, № 137; III, № 167, ст. 41; Акты Арх. Экс. I, № 13 и 150.

чисто судебнымъ; поэтому мы разсмотримъ ихъ также въ статьѣ о судебныхъ пошлинахъ.

3) Наконецъ обиженный, въ свою очередь, получалъ отъ виновнаго закономъ опредѣленную плату за безчестье или порчу и похищеніе имущества. Взысканія этого рода были самыя разнообразныя и многочисленныя. Они не имѣютъ никакихъ характеристическихъ названій.

Разсмотрѣвъ кратко различные виды судебныхъ пошлинъ и денежныхъ взысканій, взимавшихся съ преступника, обратимся къ преступленіямъ, излагаемымъ въ Псковской Судной Грамотѣ и имѣющимъ слѣдствіемъ денежное наказаніе виновнаго.

I. Убійца, уличенный въ совершенномъ имъ преступленіи, платилъ пошлины рубль въ княжескую казну; тоже самое относилось къ отцеубійцѣ и братоубійцѣ [1]. Русская Правда за смертоубійство (душегубство) подвергаетъ преступника мщенію родственниковъ или платѣ за голову; преемниками Ярослава отмѣнено мщеніе, и поэтому преступникъ наказывался денежною пенею [2]. Денежная пеня опредѣлялась различно, смотря по тому, къ какому состоянію принадлежалъ убитый. За убіеніе огнищанина и княжескихъ чиновниковъ: княжа мужа, тіуна (огнищанина и конюшаго), подъѣзднаго, полагалась вира въ 80 гривенъ; за убіеніе княжескаго отрока, повара, конюха—40 гривенъ; за убіеніе жены, кажется, 20 гривенъ; за княжескаго тіуна, сельскаго и ратайнаго, за ремесленника или ремесленницу, воспитателя или кормилицу—12 гривенъ [3]. Дальнѣйшее развитіе этихъ постановленій мы видимъ не ранѣе изданія Уставной Двинской Грамоты, по которой господинъ, ударившій своего холопа и ненамѣренно его убившій, освобождался отъ денежнаго взысканія [4]. Въ Судебникахъ большая часть преступленій, упоминаемыхъ въ Псковской Судной Грамотѣ, влекла за собою, какъ мы видѣли, лишеніе жизни виновнаго; поэтому о законахъ въ эпоху Судебниковъ мы не будемъ распространяться. Псковское законодательство представляетъ намъ еще одно весьма замѣчательное казуистическое узаконеніе: если въ то время, когда истецъ съ приставомъ пріѣхали къ вору, учинить слѣдствіе о воровствѣ, жена отвѣтчика, выкинувъ дитя, начинала обвинять истца или пристава въ убійствѣ, то они не считались въ томъ ви-

1. П. С. Гр., стр. 15.
2. Русская Правда, стр. 109, ст. LXXIV, LXIV.
3. ibid., ст. LXXI — LXXXIII.
4. А. А. Э. I, № 13, стр. 8.

новными [1]. Другіе юридическіе памятники вовсе не упоминаютъ о подобномъ случаѣ.

II. За вырываніе бороды, по удостовѣренію свидѣтеля, отвѣтчикъ долженъ былъ, давъ присягу, драться на судебномъ поединкѣ, если не признавался въ нанесенныхъ имъ побояхъ; если свидѣтель побѣждалъ его на полѣ, то побѣжденный долженъ былъ заплатить два рубля за драку [2]. Это постановленіе, кромѣ рѣшенія дѣла судебнымъ поединкомъ, взято, безъ сомнѣнія, прямо изъ Русской Правды, въ которой говорится: «Аще кто порветь а вынметь знаменье и вылѣзуть людье то 12 гривнѣ продаже аже безъ людии а въ поклепѣ то нѣту продаже [3]». Въ Двинской Грамотѣ упоминаются различные виды и случаи нанесенія личныхъ обидъ, но ничего не сказано о вырываніи бороды. На стр. 18 Псковской Судной Грамоты говорится, что нѣсколько человѣкъ, обвиненныхъ въ дракѣ, платили *одинъ* рубль и *одну* полтину въ казну княжескую.

III. За разбой, нападеніе, грабежъ платилось 70 гривенъ (вѣроятно истцу), княжей продажи 19 денегъ и 4 деньги князю и посаднику [4]. Если истецъ, пріѣхавъ съ приставомъ, бралъ свой долгъ насильно, не доказавъ вины отвѣтчика, то онъ судился, какъ уличенный въ грабежѣ. За грабежъ штрафовали виновнаго рублемъ и съ него же взыскивалась приставная пошлина [5]. И такъ грабежъ, по сравнительной тяжести преступленія, считался равнымъ смертоубійству. Должно замѣтить, что *разбой* въ древности служилъ общимъ названіемъ не только для грабежа и всякаго насильственнаго завладѣнія чужимъ имуществомъ, но и для смертоубійства вообще [6]. Въ этомъ смыслѣ разбой употреблялся и въ Русской Правдѣ [7]. Тоже самое говоритъ и Карамзинъ [8]. Въ послѣдствіи, при болѣе опредѣленномъ значеніи гражданскихъ преступленій, разбой сталъ означать, въ тѣсномъ смыслѣ, отнятіе чужаго имущества.

IV. За кражу изъ кладовой подъ замкомъ, саней подъ полстью, воза изъ сарая, ладьи подъ палубою, хлѣба съ гумна, скота, сѣна въ скирдахъ взыскивалось, по суду княжескому, 9 денегъ съ виновнаго [9]. Въ частности платилось хозяину покраденной вещи за барана 6 денегъ, за овцу

1. П. С. Гр., стр. 15
2. ibid., стр. 17.
3. Русская Правда въ соч. Калачова, стр. 134, ст CXXXIV; ср. Опытъ Рейца стр. 60, прим. 4.
4. П. С. Гр., стр. 1.
5. ibid., стр. 11.
6. О Суд. Іоан. IV, Калачова, Юрид. Зап., ч. II, стр. 322.
7 См. Рус. Правду въ соч. Калачова, стр. 108, ст. LXXI; также Др. Рус. Право Эверса, стр. 255, пр. 7.
8. Ист. Госуд. Рос. I, пр. 478; II, пр. 78; III, пр. 248; см. также Жалованную Грамоту В. К. Димитрія Іоанновича 1389 года, въ Актахъ Арх. Экс., I, № 7, стр. 3.
9. П. С. Гр., стр. 1.

10, а судьѣ 3 деньги, по древнему закону; за гуся — самца и самку хозяину по 2 деньги, судьѣ 3; за утку и селезня, за курицу и пѣтуха также по 2 деньги [1]. Всѣ эти виды воровства принадлежали къ такъ называемой татьбѣ съ поличнымъ, т. е. къ тому случаю похищенія чужой собственности, когда настоящій владѣлецъ находилъ свою вещь у другаго лица, незаконно ее присвоившаго, и велъ противъ него искъ. Впрочемъ, въ Уставной Бѣлозерской Грамотѣ сказано, что поличнымъ называлось покраденное изъ подъ замка [2]. Опредѣляя значеніе поличнаго, законодательство въ то же время установляло случаи самосуда, строго запрещеннаго; хозяинъ вещи не могъ предпринимать такихъ дѣйствій и сдѣлокъ, которыя клонились бы къ освобожденію преступника отъ заслуженнаго наказанія [3]. Свои постановленія касательно кражи скота Псковская Судная Грамота очевидно заимствовало изъ Русской Правды, гдѣ названія опредѣлены съ такою же подробностью, хотя и съ нѣкоторымъ различіемъ въ цѣнѣ денежныхъ взысканій, зависѣвшихъ и постоянно измѣнявшихся отъ различныхъ условій мѣста и времени. За кражу коня, вола или клѣти съ одного вора взималось гривна и тридцать рѣзанъ, съ 18 воровъ по 3 гривны и 30 рѣзанъ съ каждаго. За овцу, козу или свинью по 60 рѣзанъ, если воровъ было 10 человѣкъ; за хлѣбъ изъ гумна съ каждаго вора по 3 гривны и 30 кунъ; за ладью платилось 30 рѣзанъ въ пользу владѣльца имущества и 60 рѣзанъ продажи въ княжескую казну. Сходство постановленій Русской Правды и Псковской Судной Грамоты въ этомъ случаѣ несомнѣнно. Ни одинъ изъ послѣдующихъ юридическихъ источниковъ не упоминаетъ съ такою подробностью о случаяхъ воровства, какъ разсмотрѣнные нами законодательные памятники [4]. Исключая различные договоры Новгорода съ князьями [5], только одна Уставная Двинская Грамота нѣсколько распространяется о наказаніяхъ за кражу. Именно она опредѣляла вора за первое воровство подвергать взысканію въ пользу князя, равняющемуся цѣнѣ украденныхъ вещей; въ случаѣ вторичнаго воровства взыскивать съ него сумму денегъ безъ всякаго снисхожденія; въ случаѣ третьяго воровства вѣшать его; при этомъ всякаго вора повелѣвалось пятнать [6]. По Судебникамъ, воръ, пойманный въ пер-

1 П. С. Гр., стр. 17; ср. въ прил. прим. 174, 175.
2. А. А. Э. I, № 123, см. также № 145, 150 и мн. др.
3. А. А. Э. I, № 13 и др.
4. Другіе случаи воровства и цѣну взысканій см. въ Рус. Правдѣ по изд. Калачова, ст. CVIII—CXVI.
5. См. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I.
6 А. А. Э. I, стр. 8; ср. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 247.

вый разъ, былъ наказываемъ кнутомъ; уличенный во второй разъ подвергался смерти [1]. Псковская Судная Грамота, кромѣ изложенныхъ нами постановленій, относящихся къ воровству, даетъ еще слѣдующее опредѣленіе : къ вору довѣренности не имѣть; кого онъ обвинитъ, того домъ обыскать, и если найдутъ у обвиненнаго покраденныя вещи (поличное), то судить его также, какъ вора; если-же не найдутъ, то онъ свободенъ [2]. Этотъ законъ вошелъ съ немногими измѣненіями въ составъ Судебника Іоанна III, въ которомъ сказано, что обвиненный воромъ подвергался обыску и слѣдствію; если на немъ не было «прироки съ доводомъ въ каковомъ дѣлѣ прежнемъ,» то словамъ вора не должно было вѣрить; воръ же отдавался «на поруку до обыску» [3].

Дальнѣйшія постановленія Псковской Судной Грамоты о правахъ на дѣйствія, имѣющихъ свое основаніе въ обидахъ, касаются до производства слѣдствія и судебнаго разбирательства по дѣламъ о воровствѣ, побояхъ, дракѣ и т. п. Обвиненный въ грабежѣ предъ мѣстнымъ начальствомъ оправдывался противъ истца съ удостовѣреніемъ одного свидѣтеля, за что между тяжущимися присуждался судебный поединокъ [4]. Если воровство происходило у Псковитянина во Псковѣ, въ пригородѣ или въ селѣ на волости, то должно было заявить о томъ старостамъ, или окрестнымъ сосѣдямъ или другимъ постороннимъ людямъ; воровство, учиненное на пиру, заявлялось пировому старостѣ или участвовавшимъ въ пиршествѣ. Источникъ этого постановленія встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды [5]. Въ случаѣ воровства, произведеннаго въ церкви, или въ городѣ, пригорожанинъ или селянинъ Псковичъ не могъ звать вора къ присягѣ въ пригородъ или на рынокъ, но долженъ былъ вести его въ то мѣсто, гдѣ учинилось воровство [6]. Если прибывшій съ чужой земли начиналъ обвинять кого-нибудь въ дракѣ и грабежѣ, то предоставлялось выбору отвѣтчика или дать присягу въ томъ, что онъ истца не билъ и не грабилъ, или положить у креста спорную вещь [7]. Это постановленіе о чужеземцахъ вошло въ Судебникъ Іоанна III [8].

Въ древности существовала отвѣтственность цѣлой общины за престу-

1. А. Ист. I, стр. 149, 153, Суд. Іоан. III; Суд. Іоан. IV, ст. 59
2. Стр. 10—11.
3. А. И. I, стр. 150, ст. «О татиныхъ рѣчахъ».
4. П. С. Гр., стр. 5.
5. П. С. Гр., стр. 6; ср. Рус. Правду въ продолж. Россійс. Вивліое., ч. II, ст. о вирахъ; также соч Куницына, стр. 9 и 10.
6. ibid., стр. 7.
7. ibid., стр. 16.
8. А. Ист. I, стр. 155, ст. «О чюжеземцахъ».

пленіе ея члена или за сокрытіе вора [1]; но въ Псковской Судной Грамотѣ вовсе не упоминается о случахъ взаимнаго поручительства по дѣламъ уголовнаго судопроизводства.

X.

О наслѣдствѣ.

Псковская Судная Грамота даетъ наслѣдству, т. е. имѣнію, оставшемуся послѣ умершаго лица, особенно характеристическое названіе *выморшины*. Этого слова мы не могли встрѣтить ни въ одномъ изъ другихъ законодательныхъ памятниковъ и поэтому принуждены ограничиться единственно предположеніемъ о его значеніи [2]. Кромѣ того, въ Псковской Судной Грамотѣ встрѣчаются слова: *отморшина* [3] и *отчина* [4], имѣвшія общій смыслъ имущества. Душеприкащики назывались *приказниками* [5], завѣщаніе *рукописаніемъ*; для полной дѣйствительности, оно должно было вноситься въ архивъ Св. Троицы [6]. Пользованіе имуществомъ, доставшимся по наслѣдству отъ умершаго супруга, называлось *кормлею; кормля* упоминались въ *рукописаніи* [7].

Примѣняя раздѣленіе нынѣ дѣйствующихъ законовъ о наслѣдствѣ къ постановленіямъ Псковскаго законодательства, мы видимъ, что послѣднія могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы.

I. Въ древности существуетъ много указаній на то, что наслѣдство по завѣщанію предшествовало наслѣдству по закону, такъ что послѣднее открывалось только тогда, когда умершій не оставлялъ послѣ себя завѣщанія [8]. Это начало примѣнялось и въ Псковскихъ законахъ: если жена умирала безъ завѣщанія, то отчиною владѣлъ ея мужъ [9]; слѣдовательно только въ случаѣ неимѣнія завѣщанія наслѣдство переходило по закону. Вообще Псковская Судная Грамота часто упоминаетъ объ имуществѣ, доставшемся отъ умершаго *по записи*.

1. Ср. Рус. Правду, стр. 113, ст. LXXXVIII — XC; Акты Арх. Экс. I, № 13, стр. 8.
2. См. слова «*выморшина*» и «*отморшина*» въ объяснительномъ словарѣ издателя П. С. Гр.
3. Стр. 9.
4. Стр. 14; о значеніи слова «отчина» см. въ прилож. прим. 151.
5. Стр. 3; см. въ прилож. прим. 41.
6. ibid., см. въ прилож. прим. 46.
7. ibid., стр. 11—12.
8. См. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 294; ср. договоры Олега съ Греками 911 года, Русскую Правду и Судебники.
9. П. С. Гр., стр. 14; тоже самое относилось и къ женѣ по смерти мужа.

II. Если кто «*при своемъ животѣ*», т. е. при жизни, или передъ смертью отдавалъ, по собственной волѣ, своему родственнику (племяннику) платье, домашній скотъ или *отчину* и давалъ ему грамоты на владѣнье предъ священникомъ или предъ посторонними людьми, то одаренный имѣлъ право владѣть тѣмъ, что онъ получилъ, хотя-бы объ этомъ и не упоминалось въ завѣщаніи [1]. Къ несчастью, въ этомъ постановленіи ничего не сказано, имѣлъ-ли даритель ближайшихъ родственниковъ и производилось-ли дареніе отчиною помимо ихъ въ пользу дальнѣйшаго родственника. Замѣтимъ что выраженіе «*при своемъ животѣ*» не рѣдко употреблялось въ духовныхъ завѣщаніяхъ прежняго времени [2].

III. Относительно случаевъ открытія наслѣдства по закону, Исковская Судная Грамота представляетъ намъ слѣдующія правила: умершему въ имуществѣ могли наслѣдовать отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра и другіе ближніе родственники [3]. Не прокормившій отца и мать до ихъ смерти и оставившій домъ свой лишался части, приходившейся ему по праву наслѣдства [4]. Мы уже говорили, что если умирала жена безъ завѣщанія, то мужъ ея имѣлъ право владѣть оставшеюся отъ нея отчиною. Право это нарушалось вступленіемъ мужа во второй бракъ. Тоже самое относилось и къ женѣ умершаго безъ завѣщанія и оставившаго отчину или имущество. Если мужъ умершей вступалъ во второй бракъ, и ея мать, сестра или другіе родственники начинали вести искъ о ея платьѣ, то мужъ долженъ былъ отдать, по совѣсти, требуемое; при этомъ съ мужа не полагалась присяга о томъ, что онъ отдалъ все женино платье безъ остатка. Подобное правило прилагалось и къ женѣ умершаго мужа, вступившей во второй бракъ, въ случаѣ иска родственниковъ умершаго объ оставшемся послѣ него имуществѣ. Если у кого умиралъ сынъ и вдова невѣстка начинала требовать съ свекра или деверя своего украшенія или платья, то послѣдніе должны были отдать требуемое. Если-же невѣстка начинала съ нихъ взыскивать изустно, то они могли, по желанію, или дать присягу, или требовать, чтобъ невѣстка положила у креста ту вещь, за присвоеніе которой она ихъ обвиняла [5].

IV. Псковская Судная Грамота даетъ нѣкоторыя опредѣленія касательно судебнаго разбирательства по дѣламъ объ имуществахъ, доставшихся

1. П. С. Гр., стр. 15.
2. См. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 300.
3. П. С. Гр., стр. 3, 13, 14, 15.
4. Стр. 9.
5. Стр. 14. О значеніи слова «клепать» см. Опытъ Рейца, стр. 229, и О Суд. Іоан. IV, Калачова, въ Юрид. Зап., т. I, стр. 121.

въ видѣ наслѣдства по закону или по завѣщанію. Если противъ кого-либо вчинался искъ объ имуществѣ отца отвѣтчика или доставшемся по завѣщанію, при чемъ дѣло было извѣстно сосѣдямъ или посторонимъ людямъ, изъ которыхъ человѣка четыре или пять, ставъ у суда говорили, какъ право передъ Богомъ, что имущество отца отвѣтчика или доставшееся ему по наслѣдству пріобрѣтено справедливо, въ такомъ случаѣ отвѣтчикъ освобождался отъ присяги, а истецъ терялъ право на искъ. Если свидѣтели говорили противное, то отвѣтчикъ долженъ былъ дать присягу о законности пріобрѣтенія своего имущества [1].

V. Права и обязанности наслѣдниковъ умершаго лица состояли въ томъ, что родственникамъ его было «волно искати безъ закладу, и безъ записи умершаго, а на нихъ волножъ искати» [2]. Если у умершаго ни на комъ не оставалось ни заклада, ни записи, то душеприкащики его не могли вести иска о ссудѣ, торговлѣ, поклажѣ или о чемъ-либо другомъ [3]. Владѣвшій по завѣщанію имѣніемъ, доставшимся отъ умершаго супруга, и имѣвшій на свою землю или исадъ грамоты, не имѣлъ права продавать свою недвижимую собственность; уличенный въ винѣ присуждался къ выкупу того, что продалъ, и къ лишенію права на пользованіе доставшимся имуществомъ [4]. Долги отца платилъ старшій сынъ и оставшееся имущество дѣлилъ съ младшимъ братомъ [5].

Не смотря на то, что въ Русской Правдѣ и Судебникахъ законы о наслѣдствѣ изложены довольно подробно, Псковская Судная Грамота представляетъ намъ совершенно особенныя постановленія, относящіяся къ наслѣдственному праву. Изъ этой особенности ея опредѣленій нельзя впрочемъ выводить того заключенія, что законы о наслѣдствѣ были основаны во Псковѣ на началахъ, отличныхъ отъ дѣйствовавшихъ въ другихъ частяхъ Россіи. Ихъ самостоятельность была, безъ сомнѣнія, только кажущаяся и происходила отъ казуистическаго направленія всѣхъ вообще древнихъ законодательныхъ памятниковъ. Примѣняя свои опредѣленія къ частнымъ случаямъ, происходившимъ въ дѣйствительности, законодательство оставляло многія стороны права безъ упоминанія; а въ этихъ сторонахъ собственно и выражались догматическія правила и сущность всего права. Общія постановленія сохранялись въ обычаѣ, переходили изъ рода въ родъ *по пошлинѣ*, по старинѣ, а не излагались

1. Стр 9; ср. въ прилож. прим. 120.
2. Стр. 3.
3. ibid.
4. Стр. 11—12.
5. Стр. 11—15.

письменнымъ образомъ. Законодательство говорило о нихъ слегка, ибо говорить о нихъ было не нужно: они жили въ разумѣ народномъ, въ его обычаяхъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ. Напротивъ, по мѣрѣ появленія отдѣльныхъ, непредвидѣнныхъ случаевъ, выражалась необходимость изданія новыхъ узаконеній, вызванныхъ этими случаями и прежде не существовавшихъ въ обычномъ правѣ, потому что не существовало причинъ, ихъ породившихъ. Сверхъ того, новый законъ имѣлъ тѣмъ болѣе казуистическій характеръ, чѣмъ болѣе причина его изданія носила на себѣ отпечатокъ мѣстныхъ историческихъ условій и особенностей. Понятно, что въ эпоху борьбы обычнаго права съ новыми юридическими идеями, общія постановленія не могли появиться въ Псковской Судной Грамотѣ, хотя они и имѣли полную, но нигдѣ матеріяльно не выразившуюся силу, какъ въ сферѣ Псковскаго законодательства, такъ, быть можетъ, и въ цѣлой области древняго Русскаго права.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ГРАЖДАНСКИМЪ ЗАКОНАМЪ ОХРАНИТЕЛЬНЫМЪ.

—

I.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ СУДЕБНЫХЪ МѢСТЪ ВО ПСКОВѢ.

Законы о гражданскомъ судопроизводствѣ, находящіеся въ Псковской Судной Грамотѣ, не смотря на свою многочисленность, не могли бы дать намъ яснаго понятія о томъ, на какихъ началахъ дѣйствовала судебная власть во Псковѣ, если бы мы не имѣли о нихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ. Систематическое изложеніе отдѣльныхъ узаконеній и сравнительный разборъ ихъ представили бы одни слабые очерки древняго Псковскаго судопроизводства, лишеннаго единства и стройности. Нерѣдко законъ остается темнымъ и непонятнымъ безъ разсмотрѣнія предшествовавшихъ ему обстоятельствъ мѣста и времени. Каждое постановленіе, осуществляя въ себѣ результатъ законодательнаго направленія, требуетъ изложенія историческихъ причинъ, его породившихъ. Поэтому мы находимся въ необходимости обратиться къ исторіи древняго Русскаго права вообще и заимствовать изъ нея тѣ дополненія, безъ которыхъ наше изслѣдованіе, основываясь на разборѣ одной Псковской Судной Грамоты, лишилось бы связи и послѣдовательности въ своихъ главныхъ положеніяхъ. Устройство судебныхъ мѣстъ выражается въ органахъ судебнаго дѣлопроизводства. Эти органы предполагаютъ существованіе физическихъ лицъ, ихъ составляющихъ. Такимъ образомъ прежде всего должно изложить понятіе о физическихъ лицахъ, участвующихъ въ судопроизводствѣ. Изъ этихъ лицъ мы разсмотримъ только тѣ, которыя упоминаются въ Псковской Судной Грамотѣ.

Близкія и частыя сношенія съ Новгородомъ должны были отразиться въ обычаяхъ и Государственномъ управленіи Пскова. Первыми дополнительными источниками Псковскихъ законовъ служатъ, безъ сомнѣнія, юридическіе акты и лѣтописи, относящіеся къ исторіи Новгорода. Аналогія между гражданскимъ бытомъ обоихъ городовъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить недостатокъ положительныхъ свѣдѣній. Это сходство едва ли не болѣе всего замѣтно въ взаимныхъ отношеніяхъ органовъ суда и управленія. Первенство въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ принадлежало *Князю* [1]. Судъ его не подчинялся высшему суду и его мнѣніе считалось окончательнымъ. Здѣсь должно различать право суда Княжескаго отъ права власти его. Рѣшеніе Княземъ судебныхъ приговоровъ было окончательное, оно не подлежало пересмотру никакой власти; слѣдовательно въ этомъ отношеніи дѣятельность Князя была неограниченная. Напротивъ того значеніе административное, въ общемъ смыслѣ, имѣло въ Новгородѣ и Псковѣ менѣе силы, нежели въ другихъ частяхъ Россіи; тоже самое мы видимъ въ отношеніи къ судопроизводству и судоустройству: различныя подсудности, по которымъ одни дѣла поступали на рѣшеніе вѣча, а другія на судъ княжій, порождали то обстоятельство, что Князь не могъ безусловно обнаруживать своей власти въ дѣлахъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію вѣча. И такъ были стѣснены предметы вѣдомства судебной власти Князя, но самая сущность его власти не была ограничена. Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ, Князь являлся судьею верховнымъ, не признававшимъ надъ собою никакого высшаго суда. Произвольный выборъ Князей не имѣлъ юридическаго значенія, и потому участіе гражданъ въ правленіи не могло примѣняться de jure къ административной власти Князя. Имъ могли быть недовольны, но не могли ограничить его суда, ибо тогда исчезло бы всякое нравственное значеніе Князя, какъ посредника и миротворца гражданъ. Это обстоятельство ясно высказано и въ Псковской Судной Грамотѣ: «ни судіямъ, ни намѣстнику княжа суда не судите» [2]. Такая высокая степень власти верховнаго правителя въ городѣ, жившемъ на своей волѣ и имѣвшемъ собственное вѣчевое управленіе, объясняется историческимъ ходомъ событій. Князья были призваны Новгородцами *для наряда*, для уничтоженія родовыхъ междоусобій [3]; первая черта значенія Князя состоитъ въ характерѣ примирителя. Князь осуществлялъ въ себѣ идею справедливости и безпристрастія; онъ представлялъ необходимаго

1. О князѣ упоминается въ П. С. Гр на стр. 1, 3, 4, 7, 9—13, 15—17.
2. Стр. 1. Ср. соч. г. Соловьева: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ», М. 1845,
3. Ипат. лѣт., стр. 17; ср. Новг. лѣт. I, стр. 11

посредника, постоянно присутствовавшаго среди граждан. Власть княжеская, принявшая и въ последствіи развившая судебный, административный и финансовый характеръ, хотя и имѣла сильную реакцію въ вѣчѣ народномъ, но нисколько не была ограничена въ своемъ дѣйствіи: на ряду съ вѣчемъ стоялъ Князь, какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Псковичи избирали сами себѣ Князя; увольненіе отъ княженія лица, къ тому допущеннаго ими, также зависѣло отъ ихъ воли. Князь пользовался опредѣленными доходами отъ суда, который сопровождался сборомъ разныхъ пошлинъ [1]; въ Псковской Судной Грамотѣ сказано, что изъ числа судебныхъ пошлинъ онъ получалъ *продажу* [2] и *подсудничье* [3]; ему запрещалось брать «тайные посулы» [4]. Князь имѣлъ свой собственный судъ, отличный отъ суда вѣчеваго; мѣстомъ суда были княжескія сѣни, гдѣ разбиралось дѣло, «взираа въ правду по крестному цѣлованью» [5]. Тамъ же присутствовалъ и посадникъ. Такъ какъ они судили вмѣстѣ, то судебныя пошлины опредѣлялись въ ихъ пользу поровну [6]. О подобномъ общемъ судѣ упоминается и въ Новгородской Судной Грамотѣ [7]. За неправый судъ, Князь и посадникъ имѣли судіею Бога, «на второмъ пришествіи Христовѣ» [8]. Судебныя грамоты выдавались за печатью Князя, которая, по своему значенію, была равносильна церковной печати Св. Троицы [9]. Всѣ эти постановленія имѣютъ весьма близкое сходство съ законами Новгородскими. Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ, Князь долженъ былъ разсматривать и рѣшать дѣла вмѣстѣ съ посадникомъ, на что указываютъ различные договоры Новгорода съ В. Князьями: «А безъ посадника ти, Княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамотъ ти даяти» [10] и т. д. Подобное сходство узаконеній объясняется отчасти и тою причиною, что Новгородское вѣче нерѣдко присылало Псковичамъ посадниковъ и Князей [11], и такимъ образомъ принимало дѣятельное участіе въ управленіи «своего молодшаго брата, господина Пскова» [12]. Вступая на пре-

1. См. соч. пр. Неволина «Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго», въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1844, № 41, стр. 22, 23.
2. П. С. Гр., стр. 1, 7, 15.
3. ibid., стр. 3.
4. ibid., стр. 1.
5. ibid.
6. ibid., стр. 3; ср. А. А. Э. I, № 9.
7. А. А. Э. I, № 92, стр. 69 и 71.
8. П. С. Гр., стр. 1.
9. ibid., стр. 9 и 13
10. Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 9 и мн. др.
11. Ср. Ист. Княж. Псковс., Митр. Евгенія, ч. I, стр. 34.
12. Выраженіе «господинъ Псковъ» упоминается однажды и въ П. С. Гр., на стр. 16.

столъ княжескій, Князь давалъ присягу «держать по старинѣ, по пошлинѣ» ввѣренную ему область [1]; о такомъ крестномъ цѣлованіи, даваемомъ Княземъ, упоминается и въ Псковской Судной Грамотѣ [2]. Замѣтимъ, что въ Русской Правдѣ, хотя и говорится о Князѣ, но совершенно ясно выражается его личная дѣятельность въ судопроизводствѣ только однажды, именно въ словахъ: «аще братья ростяжутся передъ Княземъ о задницѣ» [3] и т. д. По Русской Правдѣ, мѣстомъ суда княжескаго служилъ *княжь дворъ* [4]. Вообще власть Князя проявлялась не только въ его личномъ участіи относительно права суда, но и въ назначеніи къ должности лицъ, *непосредственно* отъ него зависѣвшихъ. Изъ такихъ лицъ въ Псковской Судной Грамотѣ встрѣчаются: *намѣстникъ*, *волостель*, *княжіе люди*, *дворянинъ* и *княжій писецъ*. Разсмотримъ значеніе каждаго изъ нихъ въ частности.

Подобно тому, какъ вѣче отправляло въ подвластные ему города и пригороды мѣстныхъ посадниковъ, такъ и Князь давалъ цѣлыя области своимъ *намѣстникамъ* [5], которые представляли лицо Князя въ его отсутствіи. Отношенія намѣстника къ мѣстному посаднику и вѣчу были, вѣроятно, такія же, какъ и отношенія самого Князя къ степенному посаднику и Псковскому вѣчу, ибо здѣсь во всей силѣ дѣйствовало право представительства. Въ Новгородской Судной Грамотѣ также говорится о томъ, чтобы «посаднику судити свой судъ съ Намѣстниками Великаго Князя, а безъ Намѣстниковъ Посаднику суда не кончати» [6]. Касательно княжескаго намѣстника, Псковская Судная Грамота постановляетъ только, что «княжъ человѣкъ», ѣдущій въ пригородъ намѣстникомъ, долженъ цѣловать крестъ на томъ, «что ему хотѣти Пскову добра», и судить прямо, «по крестному цѣлованью» [7].

Начальникъ земскаго округа, завѣдывавшій и управлявшій ввѣренною ему волостью, назывался *волостелемъ* [8]. Онъ имѣлъ меньшій кругъ дѣйствій, нежели намѣстникъ, хотя опредѣлительно и неизвѣстно, находился ли онъ въ зависимости отъ послѣдняго [9]. Волостели имѣли право

1. Ср. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, грамоты г.г. 1265, 1270, 1305, 1317, 1327 и 1471.
2. Стр. 1.
3. Рус. Правда въ соч. Калачова, стр. 123.
4. ibid.
5. См. П. С. Гр., стр. 2.
6. А. А. Э. I, № 92.
7. Стр. 2.
8. См. П. С. Гр., стр. 8, 11.
9. Г. Калачовъ отрицаетъ всякую зависимость въ своемъ соч. о Суд. Іоанна IV (Юрид. Зап. I, стр. 107); г. Михайловъ полагаетъ противное. См. его Исторію образ. и развитія системы Рус. гражд. судопроизводства и пр. СПБ., 1848, стр. 53.

суда и расправы въ своей волости [1]. Псковская Судная Грамота говоритъ о волостеляхъ слѣдующее : «А кто почнетъ на волостяхъ посула сачить да и портище сойметъ, или конь сведетъ, а молвитъ такъ : въ посулѣ есми снялъ, или конь свелъ; ино быти ему въ грабежи, хто въ посулѣ снялъ, или коня свелъ» [2]. Эта статья выражена до такой степени темно и неясно, что нашъ переводъ мы представляемъ не болѣе, какъ въ видѣ предположенія. Кажется, здѣсь подразумѣвается тотъ случай, когда кто нибудь взведетъ напраслину на волостеля, представивъ ложныя доказательства; обвинявшій судился, какъ уличенный въ грабежѣ. Подтвержденіе нашему мнѣнію мы находимъ въ Новгородской Судной Грамотѣ, гдѣ подобный же случай относится не къ одному волостелю, но ко всѣмъ вообще судебнымъ лицамъ : «А истцю на истца наводки не наводить, ни на посадника, ни на тысесскаго, ни на владычня намѣстника, ни на иныхъ судей, ни на докладщиковъ : а кто наведетъ наводку . . . ино взять . . . на виноватомъ . . . за наводку; а истцю убытки подоймѣтъ» [3]. Псковское законодательство опредѣляло, чтобъ каждый волостель другъ за друга не тягался, а занимался собственными дѣлами [4].

Кромѣ намѣстника и волостеля, другія лица, находившіяся въ зависимости отъ Князя, носятъ общее наименованіе *княжихъ людей* [5]. Это названіе означало людей, состоявшихъ въ Государственной службѣ. Такъ напр. княжъ человѣкъ назначался иногда намѣстникомъ въ пригородъ [6], иногда посылался для вызова отвѣтчика къ суду [7] и получалъ пошлины за ѣздъ по деньгѣ за десять верстъ [8]; княжій человѣкъ, ѣздившій на межеванье вмѣстѣ съ сотскими, долженъ былъ присягать, что будетъ вести дѣло законнымъ образомъ [9]. Наконецъ Псковское законодательство постановляло «на приставное и на ссылку княжимъ людемъ ѣздить со Псковскими подвоскими, по половинамъ» [10]; сверхъ того имъ запрещалось держать корчмы во Псковѣ, по дворамъ или въ пригородѣ, и меду не продавать ни ведромъ, ни корцемъ, ни бочкою [11]. Названіе княжихъ

1. Ср. О Суд. Іоанна IV, Калачова, въ Юрид. Зап., I 107.
2. Стр. 8.
3. А. А. Э. I, № 92, стр. 69. Г. Куницынъ едва ли не ошибочно переводитъ выраженіе «навести наводку» словами «нападать силою, скопомъ и заговоромъ». По самому смыслу статьи, «наводка», какъ мы думаемъ, значитъ ни что иное, какъ *напраслина*. Вообще, кажется, что приведенному нами мѣсту изъ Новг. Суд. Гр. г. Куницынъ придалъ не совсѣмъ вѣрное значеніе. См. его Историч. изображ. древн. судопроизв. въ Россіи, стр. 84.
4. П. С. Гр., стр. 11.
5. См. П. С. Гр., стр 2, 8, 9, 11, 12, 13, 17.
6. ibid., стр. 2.
7. ibid., стр. 8.
8. ibid., стр. 8—9; это правило повторено и на стр. 11.
9. ibid., стр. 12.
10. ibid., стр. 13.
11. ibid., стр. 17.

людей не встрѣчается ни въ Русской Правдѣ, ни въ Новгородской Судной Грамотѣ, ни въ Судебникѣ Іоанна III.

Служитель правосудія, находившійся при судѣ княжескомъ, назывался *дворяниномъ* [1], и имѣлъ тоже значеніе, какимъ пользовался въ прежнее время *отрокъ* [2]. Преимущественная должность его состояла въ позовѣ тяжущихся, объявленіи имъ приговоровъ и задержаніи преступниковъ. Главное отличіе дворянъ отъ позовниковъ и подвойскихъ княжескихъ состояло, вѣроятно, въ томъ, что первые находились при дворѣ Князя и слѣд. имѣли болѣе близкія къ нему отношенія, тогда какъ послѣдніе были ни что иное, какъ княжіе люди. Отрокъ упоминается въ Русской Правдѣ [3]. Значеніе дворянина мы разсмотримъ нѣсколько подробнѣе въ статьѣ о позовахъ.

Судейскій служитель, подчиненный вѣдѣнію лицъ, зависѣвшихъ отъ Князя, и писавшій разнаго рода акты и грамоты, носилъ наименованіе *княжаго писца* [4]. Онъ получалъ плату не отъ казны, а съ тяжущихся. Отдаваніе грамотъ для переписки княжескому писцу не было впрочемъ обязательно; если писецъ требовалъ слишкомъ много за написаніе актовъ, то дозволялось отдавать ихъ въ другое мѣсто [5]. Псковская Судная Грамота постановляетъ княжескому писцу взимать за написаніе судебнаго опредѣленія о землѣ пять денегъ, за позовницу, безсудную и приставную грамоту по деньгѣ. За написаніе грамоты, выданной истцу отъ Князя и посадника на дѣло о границахъ спорной земли, платилась княжескому писцу также деньга [6]. По Русской Правдѣ, въ статьѣ «о накладахъ», писцу назначено 10 кунъ [7]. Въ періодъ Судебника Іоанна III мѣсто княжескихъ писцовъ заняли подъячіе [8].

Разсмотрѣвъ судебное значеніе княжеской власти во Псковѣ, обратимся къ изслѣдованію другихъ органовъ судопроизводства, упоминаемыхъ въ Псковской Судной Грамотѣ.

Псковская область, по дѣламъ духовнаго вѣдомства, подчинялась Новгородскому Архіепископу, который утверждалъ въ Псковѣ своего намѣстника [9], избиравшагося изъ Псковичей. Новгородскій Архіепископъ,

1. См. П. С. Гр., стр. 11.
2. См. соч. Куницына, стр. 69.
3. См. Изслѣд. Калачова, стр. 123.
4. См. П. С. Гр., стр. 9 и 13; ср. въ прилож. прим. 113.
5. П. С. Гр., стр. 9; тоже самое повторено на стр. 13.
6. ibid., стр. 13.
7. Изслѣд. Калачова, стр. 123.
8. Ср. статьи: «о правой грамотѣ», «о докладномъ спискѣ» и т. д.
9. См. П. С. Гр., стр. 1, 17.

чрезъ посредство Псковскаго владычня намѣстника, получалъ пошлины съ судныхъ дѣлъ и доходы съ священнослужителей и церковныхъ имуществъ [1]. Въ 1469 году Псковичи, созвавъ пять соборовъ, вздумали ограничить власть Архіепископа, но не надолго; повинуясь увѣщанію Митрополита и требованію Великаго Князя, они вскорѣ уничтожили новый уставъ и подчинили себя власти Архіепископа на прежнемъ основаніи [2]. Поэтому въ 1471 г. Новгородская Судная Грамота положила: «нареченному на архіепископство Великаго Новагорода *и Пскова* священному иноку Ѳеофилу судити судъ свой, судъ святительски, по Святыхъ Отець правилу, по Манакануну [3]». По опредѣленію Псковской Судной Грамоты, судъ владычня намѣстника былъ окончательный и не подлежалъ пересмотру высшаго судебнаго установленія [4].

Юридическое лицо, сосредоточивавшее въ себѣ, подобно Князю, верховную власть по управленію Псковомъ, было *вѣче* [5]. Пр. Неволинъ говоритъ, что» оно имѣло полную власть законодательную, избирало высшихъ своихъ чиновниковъ и смѣняло ихъ; могло, если почитало это нужнымъ, производить судъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ и наказывать преступниковъ; объявляло войну, заключало миръ, вступало въ договоры съ другими Государствами, сносилось съ ними, отправляло къ нимъ Посланниковъ [6]». По самому характеру вѣча, его можно раздѣлить на 1) собираемое Княземъ, 2) собиравшееся противъ Князя и 3) судное [7]. Мы имѣемъ весьма ограниченныя свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ и порядкомъ происходили на вѣчѣ судъ и расправа. Изъ Псковской Судной Грамоты видно только, что дѣла докладывалъ на вѣчѣ «господину Пскову» посадникъ [8]. Юридическія права вѣча выражались въ его *посадникѣ*, противупоставленномъ княжеской власти. Состоявшій на дѣйствительной службѣ назывался *посадникомъ степеннымъ* [9], вѣроятно по тому, что при избраніи посадниковъ на вѣчѣ ихъ возводили и сажали на возвышенное мѣсто со степенями [10]; такъ и въ Псковской Судной Грамотѣ употребляется слово *степень* въ смыслѣ должности: «а которой

1. Ср. соч. Кунцына, стр. 74.
2 ibid., стр. 75, 76.
3. А. А. Э., I, № 92, стр. 69.
4. Стр. 1.
5. См. П. С. Гр., стр. 1, 16.
6. Образованіе управленія въ Россіи и проч., стр. 23; Ист. Княж. Псков., митр. Евгенія, ч. I, стр. 33.
7. См. соч. г. Соловьева: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ В. К., стр. 2 и 3.
8. Стр. 16.
9. См. П. С. Гр., стр. 1—4, 10, 12, 16, 17.
10. Ср. Ист. Княж. Псков., митр. Евгенія, ч. I, стр. 36.

посадникъ слѣзетъ степени своей» [1], и т. д. О степеняхъ Посадниковъ упоминаютъ и лѣтописи : въ 1462 г. Псковичи, будучи недовольны своимъ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, «*на Вѣчѣ сопхнули его со степени*» и выгнали, и т. д. [2]. Посадникъ былъ ни что иное, какъ представитель вѣча; его власть была самостоятельная, хотя въ точности довольно трудно объяснить его отношенія къ вѣчу. Можно думать однако, что онъ имѣлъ право назначать и увольнять вѣчевыхъ чиновниковъ, представляя объ этомъ вѣчу въ свое время. Псковская Судная Грамота опредѣляетъ обязанности посадника безъ особеннаго различія отъ обязанностей Князя : посадникъ, возведенный на степень, долженъ былъ цѣловать крестъ на томъ, что будетъ судить справедливо по присягѣ, не будетъ пользоваться городскими доходами не будетъ мстить никому своимъ судомъ, не потворствовать своимъ роднымъ, не губить праваго, не награждать виновнаго, безъ разбирательства не осуждать никого ни въ судѣ, ни на вѣчѣ [3]. Это постановленіе вошло въ составъ Судебниковъ, съ тою только разницею, что оно относится въ нихъ ко всѣмъ вообще лицамъ, производящимъ судъ, а не къ одному посаднику [4]. Далѣе Псковская Судная Грамота постановляетъ, что посадникъ не можетъ имѣть на вѣчѣ своего собственнаго суда, а долженъ судить на крыльцѣ княжескомъ, и запрещаетъ ему брать взятки [5]. Она упоминаетъ также о *посадникахъ погородскихъ* [6], т. е. о посадникахъ, находившихся въ разныхъ городахъ, подчиненныхъ Псковской области. Они назначались вѣчемъ и, кажется, находились въ нѣкоторой зависимости отъ посадниковъ степенныхъ. Такъ напр. были мѣстные посадники въ Изборскѣ, Островѣ, Опочкѣ, Гдовѣ и т. п. [7] Замѣчательно, что Псковъ, имѣя свое вѣче, до 1348 г. получалъ своихъ посадниковъ отъ Новгорода.—Какъ князю, такъ и Посаднику, запрещалось предавать судебному разбирательству справедливыя грамоты, но позволялось изслѣдовать судомъ лживыя грамоты, по разсмотрѣніи актовъ, писанныхъ на доскахъ [8]. Псковское законодательство предписывало одному посаднику за другаго не тягаться, исключая тѣхъ дѣлъ, которыя къ нему относятся, и тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ исправляетъ должность церковнаго старосты : «гдѣ церковное старощеніе дер-

1. Стр. 2.
2. Соч. митр. Евгенія, ч. I, стр. 37. О посадникахъ степенныхъ см. Псковскую лѣт. въ П. С. Р. Л. I, 221, 222.
3. Стр. 1.
4. Акты Ист. I, стр. 148 и 220.
5. Стр. 1.
6. Стр. 12.
7. Ср. соч. митр. Евгенія, ч. I, стр. 39 и 43.
8. П. С. Гр., стр. 11; см. въ прилож. прим. 128 и 129.

житъ» [1]. Послѣднее обстоятельство, являя новую черту въ историческомъ значеніи посадника, для насъ чрезвычайно важно, ибо церковное старощенье посадниковъ въ другихъ древнихъ источникахъ права вовсе не упоминается. Отношенія посадника къ Князю могутъ быть опредѣлены довольно точно. Въ древности посадники имѣли простое значеніе княжескихъ намѣстниковъ; такъ было при Владимірѣ, Ярославѣ, Изяславѣ, Владимірѣ Мономахѣ и сынѣ его, Мстиславѣ [2]. Въ послѣдствіи, когда появился въ Новгородѣ собственно такъ называвшійся намѣстникъ княжескій, посадникъ не утратилъ своего первобытнаго значенія и остался помощникомъ Князя. Но идея исключительнаго представительства въ лицѣ верховнаго вождя и управителя была чужда понятіямъ Новгородцевъ; сверхъ того, смѣна Князя необходимо влекла за собою смѣну его посадника. Поэтому народъ началъ самъ избирать себѣ посадника, смѣняемость котораго не зависѣла бы отъ Князя [3]. Большое вліяніе на избраніе посадника имѣли, безъ сомнѣнія, различныя партіи, бывшія слѣдствіемъ существованія аристократіи въ Новгородѣ и Псковѣ. Такъ какъ новый посадникъ, принадлежа иногда къ партіи, противной старому посаднику, могъ угнетать приверженцевъ и друзей послѣдняго, то законодательство старалось по возможности оградить гражданъ отъ подобнаго злоупотребленія власти. Этимъ обстоятельствомъ объясняется слѣдующее весьма замѣчательное постановленіе Псковской Судной Грамоты: «А которой посадникъ слѣзетъ степени своей, орудіа и судовѣ самому управливати, а иному насѣдъ его судове не пересужати» [4]. Дѣло, однажды рѣшенное посадникомъ, вновь не пересуживалось его преемникомъ. Законъ этотъ имѣетъ близкое сродство съ древнею пословицею: «суженаго не посужать,» часто встрѣчаемою въ докончальныхъ грамотахъ [5]. Тоже самое видимъ и въ Уложеніи, гдѣ сказано «старыхъ дѣлъ не вчинати» [6]. Можно полагать, что членамъ извѣстныхъ партій и аристократическихъ фамилій, по преимуществу и обычаю, принадлежало званіе посадника. Отсюда происходитъ то явленіе, что непрерывность и преемство должности посадника могло породить ея наслѣдственность. Мнѣніе о наслѣдственности должностей вообще, въ видѣ догадки, было высказано въ

1. П. С. Гр., стр. 11.
2. Лавр. лѣт., стр. 44, 48; Никон. лѣт., I, 129; Соф. Времен. I, стр. 55 и 156; Новг. лѣт. I, 5.
3. См. соч. г. Соловьева объ отношеніяхъ Новгорода къ В. К., стр. 17—52.
4. Стр. 2.
5. Напр. въ грамотѣ Князя Юрія съ Василіемъ Темнымъ; также въ грамотѣ В. К. Литовскаго Александра съ В. К. Іоан. Вас.
6. Ст. XV, 2.

первый разъ Эверсомъ [1]. Пр. Погодинъ, говоря о наслѣдственности должностей до Монгольскаго періода, исключилъ изъ своего списка должностныхъ лицъ Князей, духовенство и Новгородцевъ [2]. Не входя въ дальнѣйшія подробности этого вопроса, хотя и весьма важнаго, но не относящагося прямо къ нашему изслѣдованію, мы думаемъ, что нѣсколько фактовъ о преемствѣ должностей въ одномъ родѣ, встрѣчающихся не болѣе, какъ въ четырехъ или пяти фамиліяхъ, фактовъ неполныхъ и разнообразныхъ въ разныхъ источникахъ, могутъ служить слабымъ доказательствомъ наслѣдственности должностей. Если она и существовала на самомъ дѣлѣ, то безъ сомнѣнія основывалась или на обычномъ правѣ, или поддерживалась духомъ партій, но никакъ не имѣла своимъ началомъ силу закона.

Изъ лицъ, подчиненныхъ вѣчу и непосредственно отъ него зависѣвшихъ, замѣчательны слѣдующія.

Каждою улицею во Псковѣ управляли *Старосты* [3]. Жители улицъ, какъ и въ Новгородѣ, составляли особый міръ. Такъ напр. въ 1476 г. Великому Князю Іоанну жаловались двѣ улицы, Славкова и Никитина. Въ грамотѣ о судѣ Новгородскомъ 1471 года говорится именно о жалобахъ цѣлой улицы [4]. Хотя пр. Рейцъ и говоритъ, что «вѣроятно старостъ назначали сами *Князья* изъ гражданъ, также какъ и сотскихъ» [5]; но зависимость старостъ отъ Князей если и существовала, то, безъ сомнѣнія, не въ Новгородѣ и Псковѣ, а можетъ быть въ другихъ частяхъ Россіи. Это были люди выборные, избираемые цѣлою общиною и не назначаемые Княземъ; поэтому и отчетъ о своемъ управленіи они представляли не Князю, а вѣчу. По Псковской Судной Грамотѣ, старосты производили судебное разбирательство, въ случаѣ воровства во Псковѣ, на пригородѣ или въ селѣ на волости [6]. Въ случаѣ кражи на пиру, заявлялось *пировому старостѣ*. Подобное же разбирательство могли производить окрестные сосѣди, посторонніе люди и пивцы, т. е. участники пира [7]. Старосты ходили на судъ за церковную землю [8]. Зависимость старосты отъ посадника видна изъ того, что посадникъ «держалъ цер-

1. Въ соч. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands. Mitgetheilt von J. Ph. G. Ewers. Dorpat. 1830. См. извлеченіе изъ этой книги въ Ж. М. Н. П. 1840, № 7.
2. См. его соч. «О наслѣдствен. др. сановъ въ періодъ времени отъ 1054 до 1240 г.», въ Арх. Ист. Юр. Св., Калачова, 1850.
3. См. П. С. Гр., стр. 6, 11; ср. въ прилож. прим. 83.
4. Уставы и управленіе Новгорода въ средніе вѣки, стр. 42. См. также И. Г. Р. V, 272.
5. Опытъ и пр., стр. 138.
6. Стр. 6
7. ibid.; см. въ прилож. прим. 84.
8. ibid., стр. 11.

ковное старощенье» и, по дѣламъ церковнаго вѣдомства, отправлялъ въ судебное мѣсто своего старосту, что слѣдуетъ изъ соображенія предъидущихъ статей. Какъ во Псковѣ находились старосты, такъ и каждый пригородъ имѣлъ своего *старосту пригоцкаго* или пригородскаго, которому, по опредѣленію Псковской Судной Грамоты, предоставлялась судебная власть съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ судилъ «право по крестному цѣлованью»[1]. Областной чиновникъ, завѣдывавшій уголовными дѣлами, назывался *старостою губнымъ* или *губскимъ*[2]. Онъ участвовалъ въ обыскахъ и слѣдствіяхъ, производимыхъ со стороны вѣча, вмѣстѣ съ другими лицами. Обязанности его изъяснены въ Псковской Судной Грамотѣ весьма неопредѣленно. Замѣтимъ, что вообще уголовные судьи не могли ни казнить, ни наказывать виновныхъ безъ доклада о томъ государю; исключеніемъ пользовались только губные старосты[3].

Въ областяхъ Суздальской, Рязанской и Муромской *сотскіе* зависѣли отъ Намѣстниковъ, гдѣ собирали дань по обычаю, введенному Татарами[4]. Но не то было въ Новгородѣ и Псковѣ: въ обоихъ городахъ жители были раздѣлены на сотни; всякая сотня имѣла свою управу и находилась въ вѣдѣніи Сотскаго[5]. И такъ должность эта была, безъ сомнѣнія, тоже избирательная, какъ и должность старосты. Сотскіе во Псковѣ присутствовали на судѣ Князя и Посадника[6]. Они, будучи посланы вѣроятно отъ вѣча, ѣздили на межеванье земель вмѣстѣ съ княжими людьми[7].

Значеніе *межника*, т. е. межевщика объясняется самымъ его названіемъ. Онъ участвовалъ въ дѣлахъ о границахъ спорной земли; иногда было необходимо присутствіе нѣсколькихъ межниковъ, и, быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ были со стороны Князя, а другіе отъ вѣча[8]. Впрочемъ можно скорѣе полагать, что межевщики подчинялись преимущественно вѣчу, о чемъ мы судимъ по аналогіи съ слѣдующимъ постановленіемъ Новгородской Судной Грамоты: «А какъ межникъ пріѣдетъ съ межи, ино той судъ кончати *посаднику* въ другіе два мѣсяця тому жъ посаднику, а далѣ не волочить: а кой посадникъ межника давъ, а поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ того суда, ино Великимъ Княземъ и

1. Стр. 12.
2. См. П. С. Гр., стр. 12; ср. въ прилож. прим. 144.
3. См. О суд. Іоанна IV, Калачова, Юрид. Зап., ч. II, стр. 332.
4. Ср. П. Г. Р. I, 146; III, пр. 100; IV, 48, 67, пр. 133; V, 226, пр. 402; VIII, 69, и т. д.
5. Ср. Уставы и Управл. Новг., стр. 47.
6. См. П. С. Гр., стр. 3, 4.
7. ibid., стр. 12.
8. См П. С. Гр., стр. 2, 12 и 16.

Великому Новугороду па томъ посадникѣ пятдесятъ рублевъ, а истцу убытки подойметъ» [1]. Изъ этого слѣдуетъ, что тяжущіеся брали межника не отъ Князя, а отъ посадника, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла о спорной землѣ и полюбовномъ межеваньѣ.

Наконецъ существовали и такія лица, которыя, имѣя одинаковое исполненіе своихъ обязанностей, находились — одни въ зависимости отъ Князя, другія отъ вѣча. Обѣ власти, княжеская и вѣчевая, старались о полномъ поддержаніи своихъ правъ и большею частью производили судебныя слѣдствія посредствомъ своихъ подчиненныхъ, которыхъ посылалось равное число какъ съ той, такъ и съ другой стороны, для изслѣдованія дѣла и производства судебнаго разбирательства. Эти лица, будучи какъ бы представителями того высшаго мѣста, которому каждое изъ нихъ служило, назначались для общаго изслѣдованія по слѣдующимъ причинамъ: 1) для предупрежденія злоупотребленій одной стороны въ ущербъ другой; 2) для распространенія и поддержанія своего нравственнаго значенія: такъ напр. если бы судъ о важнѣйшихъ дѣлахъ принадлежалъ исключительно Князю, безъ всякаго участія со стороны вѣча, то естественно, что Княжская власть въ общемъ мнѣніи стояла бы выше вѣчевой власти, и наоборотъ; 3) для правильнаго взиманія пошлинъ, ибо со всякаго дѣла Князь и посадникъ получали продажу и опредѣленный штрафъ съ виновнаго; и наконецъ 4) для производства такого суда, предметъ котораго, по самому закону, подлежалъ вѣдомству Князя и посадника.

Первое мѣсто въ Псковской Судной Грамотѣ между лицами, занимавшими одинакую должность и засѣдавшими съобща въ судебномъ мѣстѣ, хотя и зависѣвшими отъ разныхъ властей, принадлежитъ *Дьяку* [2]. Дьяки были вообще люди грамотные, занимавшіеся дѣлопроизводствомъ. Каждому воеводѣ, судьѣ и т. п. назначались въ помощники дьяки и подьячіе. Въ древности Дьяки не имѣли опредѣленной должности, но въ послѣдствіи пріобрѣли судебный характеръ. Такъ какъ изслѣдованіе о Дьякахъ относится къ исторіи Русскаго Права вообще, то мы здѣсь замѣтимъ только, что въ Псковской Судной Грамотѣ различается *дьякъ княжій* отъ *дьяка городскаго*; первый подчинялся Князю, второй находился въ зависимости отъ вѣча. Псковское законодательство опредѣляло, что если въ случаѣ тяжбы о землѣ или водѣ будутъ представлены въ судъ двѣ грамоты, то одну изъ нихъ читать дьяку княжескому, а другую

1. А. А. Э., I, № 92, стр. 71.
2. См. П. С Гр., стр. 12; ср. въ прилож. прим. 147.

дьяку городскому; грамоту, представленную съ пригорода, также долженъ былъ читать дьякъ городской [1].

Въ присутственномъ мѣстѣ (судебня) за порядкомъ и благочиніемъ наблюдали *подверники*. Ихъ значеніе было не столь ограниченно, какъ значеніе привратниковъ въ настоящее время, ибо изъ Псковской Судной Грамоты видно, что они давали присягу не погубить праваго и не оправдать виновнаго; слѣдовательно они имѣли судебный характеръ. Подверниковъ было со стороны Князя и со стороны вѣча по одному; со всякаго дѣла они брали съ виновнаго пошлины одну деньгу. Если кто въ судебнѣ билъ подверника, то повелѣвалось заклепать виновнаго въ колодку, а Князю взять съ него пошлины рубль и привратникамъ десять денегъ [2].

Князь и вѣче, кромѣ дьяковъ и подверниковъ, имѣли въ своемъ вѣдѣніи и другія лица, пользовавшіяся одинакимъ кругомъ дѣйствій и равною степенью власти; таковы были : *приставы*, *позовники*, *подвойскіе* и т. п. Значеніе ихъ мы разсмотримъ въ статьѣ о позовахъ.

Не довольствуясь указаніями на физическія лица, занимавшіяся судопроизводствомъ, Псковская Судная Грамота весьма часто упоминаетъ и о *лицахъ юридическихъ*, придавая имъ судебную власть.

Названіе *господа* [3] прилагалось безразлично какъ къ Князю и лицамъ, ему подчиненнымъ, такъ и къ чиновникамъ, состоявшимъ на вѣчевой службѣ. Только однажды упоминается «*господа отъ Пскова*» [4], названіе, означавшее, безъ сомнѣнія, одну вѣчевую власть. Можно полагать, что наименованіе «господа» присвоивалось, для краткости, всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ общемъ судѣ Князя и посадника. *Господа* значила тоже, что судьи вообще, но только съ тѣмъ различіемъ, что напоминала о власти по своему словопроизводству (господинъ, государь, господарь).

Судьями [5] именовались вообще всѣ лица, облеченныя судейскою должностью, не взирая на то, были ли они подчинены Князю или вѣчу. Желая дать болѣе опредѣлительное понятіе о судьяхъ, Псковская Судная Грамота въ одномъ мѣстѣ говоритъ о *судьяхъ Псковскихъ* [6], и въ

1. Стр. 12.
2. П. С. Гр., стр. 10.
3. См. П. С. Гр., стр. 2, 5, 10, 12, 16, 17; ср. въ прилож. прим. 31.
4. Стр. 4.
5. См. П. С. Гр., стр. 1, 17.
6. Стр. 12.

этомъ случаѣ очевидно намѣкаетъ на чиновниковъ, состоявшихъ на службѣ городской или вѣчевой.

Мѣстомъ судопроизводства полагаются въ Псковской Судной Грамотѣ, кромѣ *сѣней княжескихъ* [1] и *судебни* [2], *торгъ* [3] и *погостъ* [4]. На торгу производилось обыкновенно объявленіе о какой-нибудь пропавшей вещи *въ закличь*, т. е. чрезъ изустное выкликаніе для всеобщаго свѣдѣнія. Это обыкновеніе мы встрѣчаемъ еще въ постановленіяхъ Русской Правды [5]. Въ случаѣ неявки отвѣтчика для слушанія на погостѣ чтенія позовницы, т. е. грамоты, даваемой на него позовнику, она читалась на погостѣ предъ священникомъ [6], для того, чтобы каждый, узнавъ о неявкѣ отвѣтчика, поспѣшилъ доставить его въ судебное мѣсто. Чтеніе на погостѣ упоминается въ одной только Псковской Судной Грамотѣ.

Значеніе разсмотрѣнныхъ нами органовъ судопроизводства, въ главѣ которыхъ стоитъ съ одной стороны Князь, съ другой вѣче, представляетъ два начала, положенныя въ основаніе Псковскаго судоустройства: начало *личное* и *общинное*. Представителемъ перваго былъ *Князь*, представителемъ втораго служило *вѣче*. Оба они имѣли свои органы, т. е. физическія лица, отъ нихъ зависѣвшія и производившія судъ и расправу въ вѣдомствахъ, имъ опредѣленныхъ. Зависимость отъ одной власти исключала иногда вмѣшательство другой; такъ напр. Князь не могъ назначать или мѣнять старостъ, подчиненныхъ вѣчу, а вѣче не имѣло права распоряжаться княжими людьми. Эта исключительность въ предметахъ обнаруженія власти, хотя и не была всеобщая, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, ибо въ судѣ княжескомъ присутствовалъ обыкновенно посадникъ, но тѣмъ не менѣе происходила отъ совмѣстнаго участія Князя и народа въ управленіи Государственными дѣлами. Понятно, что неприкосновенность какъ той, такъ и другой власти часто нарушалась ихъ злоупотребленіемъ. Народъ смотрѣлъ на Князя, какъ на лицо, перешедшее предѣлы данной ему власти, Князь видѣлъ въ собраніи народномъ незаконное ограниченіе своихъ правъ, хотя и освященное древностью обычая. Отсюда проистекаютъ безпрерывныя столкновенія между Княземъ и вѣчемъ, внезапныя возстанія, смуты и междоусобія. Оба начала стремились къ преобладанію одного надъ другимъ, но оба были задержа-

1. Стр. 1.
2. Стр. 10.
3. Стр. 7; здѣсь говорится о *закличь*.
4. Стр. 5.
5. См. Изслѣд. Калачова, стр. 123.
6. См. П. С. Гр., стр. 5.

ны въ своемъ развитіи и всегда оставались чѣмъ то неполнымъ. Для предупрежденія подобныхъ столкновеній, законодательство видимо стремилось распредѣлить предметы вѣдомства между Княземъ и вѣчемъ такъ, чтобъ каждый изъ этихъ предметовъ, имѣя въ основаніи письменный законъ, подлежалъ безспорно и постоянно вѣдѣнію одной власти. Различныя договорныя грамоты съ Князьями ясно выражаютъ это сознательное стремленіе, которымъ въ тоже время объясняется и причина ихъ появленія. Но иногда случались такія дѣла, которыя подлежали вѣдѣнію обѣихъ властей; рѣшеніе подобныхъ дѣлъ, по самой ихъ сущности, не могло зависѣть исключительно отъ одной какой либо власти. Тогда возникала необходимость общаго суда, въ которомъ участвовали представители обѣихъ сторонъ, какъ мы выше видѣли. Такъ какъ вѣчевые города старались давать по возможности менѣе преимуществъ своимъ Князьямъ, то намъ обыкновенно встрѣчается въ договорныхъ грамотахъ постановленіе, чтобы Князь не судилъ безъ посадника и даже безъ него не раздавалъ волостей. И такъ *общій судъ* былъ самый обыкновенный. Этотъ законъ выражается и въ Псковской Судной Грамотѣ, которая упоминаетъ безъ различія о судѣ Князя и посадника [1]. Стремленіе къ распредѣленію предметовъ вѣдомства, выразившееся преимущественно въ договорныхъ грамотахъ, фактически обнаружилось въ *различіи подсудностей*, которое прямымъ своимъ началомъ имѣетъ совмѣстное существованіе власти княжеской и вѣчевой въ Псковскомъ управленіи, а не самую сущность дѣлъ. Дѣла судились общимъ судомъ не потому, чтобы касались предметовъ вѣдомства обѣихъ властей, а потому только, что каждая власть стремилась при всякомъ случаѣ выказать свое участіе въ общемъ управленіи. Въ судѣ Князя и посадника примирялись начало личное и общинное, каждое изъ нихъ имѣло случай примѣнить въ немъ свою дѣятельность. Такъ всѣ дѣла во Псковѣ судились Княземъ и посадникомъ вмѣстѣ; очевидно, что нерѣдко одно дѣло должно было бы исключительно относиться къ суду Князя, напр. въ случаѣ преступленія княжихъ людей; между тѣмъ подобныя преступленія судились княземъ вмѣстѣ съ посадникомъ, тогда какъ лицо собственно зависѣло отъ одного Князя. Этого достаточно, чтобъ показать, какъ при всемъ стремленіи законодательства къ правильному распредѣленію подсудностей, оно не могло достигнуть своей цѣли, потому что взаимныя отношенія Князя и вѣча всегда

1. Стр. 1. Во многихъ случаяхъ пошлина опредѣляется Князю и посаднику вмѣстѣ; слѣд. судъ былъ общій. Ср. еще стр. 3.

должны были производить ничѣмъ неразрѣшимое смѣшеніе предметовъ вѣдомства той и другой власти. Не смотря однако на это смѣшеніе, различіе подсудностей существовало, и въ Псковской Судной Грамотѣ оно выразилось *въ судѣ княжескомъ, судѣ духовномъ, судѣ вѣчевомъ, судѣ смѣстномъ* и *братчинахъ*.

Прежде всего насъ поражаетъ выраженіе *судъ княжій*. Спрашивается, какъ онъ могъ существовать, когда Князь судилъ вмѣстѣ съ посадникомъ? По видимому, судъ былъ общій безъ исключенія, а между тѣмъ Псковская Судная Грамота говоритъ: «Се судъ княжій. Ожъ клѣть покладутъ за замкомъ . . . имѣть то все судъ княжій» [1]; «ни судіямъ ни намѣстнику княжа суда не судите» [2]. Далѣе: «А на тати и на разбойники же чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти» [3]. Во всѣхъ этихъ случаяхъ говорится только о Князѣ; но другія постановленія даютъ намъ поводъ думать, что въ этихъ же самыхъ случаяхъ, при судномъ разбирательствѣ, участвовалъ и посадникъ, напр. при всякомъ обыскѣ истецъ бралъ приставовъ у Князя и у посадника [4]; вѣдомству Князя подлежали дѣла о смертоубійствѣ [5]; но хотя за дѣла разбойныя платилась продажа князю и хотя они подлежали собственно суду княжему, однако въ тоже время, вмѣстѣ съ княземъ, получалъ пошлину и посадникъ [6]. И такъ не смотря на то, что главнымъ лицомъ былъ Князь въ судѣ Княжескомъ, въ немъ участвовалъ посадникъ. Спрашивается, какое значеніе имѣлъ посадникъ въ судѣ, подлежавшемъ по преимуществу Князю? Хотя въ Псковской Судной Грамотѣ прямо объ этомъ и не говорится, но можно полагать, что посадникъ надзиралъ за производствомъ суда и правильностью рѣшенія княжескаго, и когда, по его мнѣнію, Князь рѣшалъ дѣло несправедливо, то онъ заявлялъ объ этомъ вѣчу, *подавалъ протестъ*, и оба мнѣнія, какъ Князя, такъ и посадника, на вѣчѣ обсуживались. Вѣче, признавъ рѣшеніе Князя несправедливымъ, изгоняло его и выбирало новаго; въ противномъ случаѣ вина падала на посадника. Таково было, безъ сомнѣнія, общее значеніе присутствія посадника на судѣ княжескомъ. Подобною мѣрою предупреждались важныя злоупотребленія; обѣ власти надзирали одна за другою и обоюдно другъ друга опасались. Вѣче, въ случаѣ протеста посадника, *не пере-*

1 Стр. 1.
2. ibid.
3. ibid., стр. 9.
4. ibid., стр. 10 и 12.
5. ibid , стр. 13.
6. ibid., стр. 1

рѣшало суда Князя, ибо судъ его былъ окончательный, какъ мы выше замѣтили; оно только отнимало у него возможность злоупотребленія на *будущее* время. Этимъ вполнѣ обезпечивалось нравственное значеніе суда княжескаго, который во всякомъ случаѣ оставался неприкосновеннымъ. Такъ и пр. Эверсъ говоритъ, что «приговоры Князя не подлежали разбору Вѣча; ибо удерживая санъ свой, онъ считался господиномъ и повелителемъ; онъ не былъ подчиненъ Вѣчу, которое могло только въ извѣстныхъ случаяхъ отказать ему въ своемъ содѣйствіи» [1]. Замѣтимъ еще, что судебное значеніе посадника имѣло менѣе важности, нежели судебное значеніе Князя: Псковская Судная Грамота никогда не упоминаетъ о предметахъ вѣдомства суда посадника отдѣльно отъ суда княжескаго. Въ Новгородской Судной Грамотѣ сказано, что посадникъ долженъ былъ «судити свой судъ съ Намѣстниками Великаго Князя, а безъ Намѣстниковъ посаднику суда не кончати» [2]. Въ отношеніи къ роду дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію Князя, мы видимъ, что они были самыя многочисленныя и разнообразныя; вообще его суду подлежали всѣ дѣла уголовныя и гражданскія. Въ Псковской Судной Грамотѣ весьма часто упоминаются дѣла, относившіяся къ суду *господы;* такъ какъ слово *господа* означало всякую власть вообще, въ томъ числѣ и Князя, то намъ нѣтъ надобности опредѣлять, какія дѣла въ частности подлежали его вѣдѣнію, тѣмъ болѣе, что всѣ прочія подсудности, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, составляютъ какъ-бы исключеніе изъ предметовъ вѣдомства суда княжескаго.

Судъ духовный производился во Псковѣ владычнымъ намѣстникомъ [3]; предметомъ суда его было вообще все то, что подлежало непосредственно его вѣдѣнію, какъ-то: лица духовныя, крестьяне монастырскіе и лица мірскія въ отношеніи къ дѣламъ, присвоеннымъ духовному вѣдомству постановленіями Восточной Церкви. Въ частности, Псковская Судная Грамота говоритъ, что суду владычня намѣстника подлежали попы, діяконы, просвирни, монахи и монахини [4]. Это постановленіе заимствовано изъ древняго каноническаго права, гдѣ въ числѣ многихъ подсудимыхъ церковному суду, упоминаются также лица, означенныя въ Псковской Судной Грамотѣ [5]. По ея опредѣленію, въ споръ не простыхъ церковныхъ

1. См. извлеченіе изъ его соч. въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1840, № 7.
2. А. А. Э. I, № 92, стр. 69.
3. См. П. С. Гр., стр. 1.
4. ibid., стр. 16—17.
5. См. мнимые уставы Владиміра и Ярослава, Ханскіе ярлыки Митрополитамъ и уставы, жалованные Святителямъ Церкви Литовскими Князьями на основаніи устава Ярослава.

людей не должны были вмѣшиваться ни князь, ни посадникъ, ни другіе мірскіе судьи [1].

Псковская Судная Грамота упоминаетъ весьма неопредѣленно *о судѣ вѣчевомъ*, на которомъ запрещалось судить Князю и посаднику [2]. Такъ какъ вѣче созывалось Княземъ и посадникомъ въ необыкновенныхъ случаяхъ, не опредѣленныхъ закономъ, то изложить подробно въ письменной формѣ предметы вѣдомства суда вѣчеваго было дѣйствительно невозможно. Псковское законодательство говорило только, что если нельзя будетъ рѣшить дѣло по старымъ (пошлиннымъ) грамотамъ, то доложить объ этомъ чрезъ посадниковъ на вѣчѣ господину Пскову. Если какое нибудь мѣсто въ грамотѣ не правилось господину Пскову, то дозволялось это мѣсто изъ грамоты выписать [3]. Можно думать, что здѣсь дѣло идетъ о законодательной дѣятельности вѣча. Вѣроятно, по этимъ пошлиннымъ грамотамъ производился *судъ Псковской пошлины*, который примѣнялся къ иску о покрутѣ умершаго изорника, не упомянутаго въ записи [4], и къ иску нахлѣбника противъ хозяина о ссудѣ или поклажѣ, въ томъ случаѣ, когда дѣло было упомянуто въ записи или обезпечено закладомъ [5]. Къ сожалѣнію, эти грамоты не сохранились до нашего времени.

Если изъ тяжущихся одинъ былъ лицо духовное, а другой міранинъ, то споръ разбиралъ владыченъ намѣстникъ вмѣстѣ съ Княземъ, посадникомъ и судьями [6]. Подобный судъ именовался *смѣстнымъ* [7]. Смѣстные суды имѣютъ свое начало въ самой глубокой древности и нерѣдко упоминаются въ послѣдующихъ узаконеніяхъ. Главнымъ источникомъ имъ послужилъ уставъ Владиміра Св., гдѣ говорится: «аже будетъ иному человѣку съ тѣмъ (духовнымъ) рѣчь, ино судъ обчій» [8]. Смѣстный судъ упомянутъ и въ Уставной Грамотѣ В. К. Василія Димитріевича къ митрополиту Кипріану 1389 или 1404 г., въ которой сказано: «А который человѣкъ мой Князя Великаго ударитъ челомъ на игумена, или на попа, или на черньца, ино судъ вобчой» [9]. Постановленія Псковской Судной Грамоты о судѣ духовномъ и смѣстномъ вошли въ составъ Судебника Іоанна III почти безъ всякаго измѣненія; именно въ немъ пред-

1. Стр. 17; ср. соч. Куницына, стр. 48 и 50.
2. См. стр. 1, 16.
3. Стр. 16.
4. П. С. Гр., стр. 13.
5. ibid., стр. 15.
6. ibid., стр. 17.
7. Ср. соч. Куницына, стр. 48.
8 ibid., стр. 49.
9. А. А. Э. I, № 9, стр. 5.

писано: «попа и діакона, и черницю и старую вдову (прежнюю проскурницу), которые питаются отъ церкви Божіа, то судитъ Святитель или его судія, а будетъ простой человѣкъ съ церковнымъ, ино судъ вопчей [1]».

Судебное значеніе *братчинъ*, по недостатку юридическихъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ установленіи, до сихъ поръ не было опредѣлено въ точности; вообще предполагали, что обычай предоставлялъ имъ самосудность [2]. Но этотъ обычай ни въ одномъ изъ законодательныхъ памятниковъ не былъ облеченъ въ юридическую форму. Псковская Судная Грамота, *первая*, помѣстила въ число своихъ постановленій и тотъ замѣчательный законъ, что братчинѣ дозволялось судить, какъ судьямъ [3]. Причина судебнаго значенія братчины объясняется слѣдующими обстоятельствами. Судебные чиновники, за производство суда и расправы, взимали извѣстныя пошлины, которыя были болѣе всего обременительны для класса земледѣльцевъ, какъ людей бѣдныхъ и вполнѣ зависѣвшихъ отъ произвола правительственныхъ лицъ. Отношенія послѣднихъ къ земщинѣ часто порождали злоупотребленія, для предупрежденія которыхъ издавались постепенно различныя жалованныя, уставныя и губныя грамоты, опредѣлявшія кругъ дѣйствій областныхъ чиновниковъ. Эти жалованныя и другія грамоты давали между прочимъ привиллегіи и братчинамъ. Братчины были не что иное, какъ общественныя пиршества, начало которыхъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самой глубокой древности. Они происходили въ извѣстные дни и слѣдовали порядку, установленному обычаемъ. На пирахъ часто происходили споры и покражи, оканчивавшіеся иногда боемъ, дракою, преступленіемъ и даже убійствомъ. Этимъ обстоятельствомъ пользовались судебные служители, пріѣзжавшіе на братчины и, въ случаѣ драки, налагавшіе на участвовавшихъ въ пиршествѣ тяжкія судебныя пошлины. Такъ какъ древній обычай братчинъ принялъ характеръ законнаго учрежденія, хотя и не облеченнаго еще въ письменную форму, то можно полагать, что земскіе люди осмѣлились просить Великихъ Князей о дарованіи имъ самосудности, т. е. права производить судебное разбирательство по дѣламъ, случившимся на братчинахъ, собственными средствами, не прибѣгая для того къ судебнымъ служителямъ. Тогда появились постановленія, запрещавшія ѣздить на

1. А. И. I, стр. 155, ст. «О чужеземцѣхъ».
2. См. И. Снегирева: Русскія юридическія пословицы, въ Москвит. 1849 г., № 8, стр. 16, 17.
3. Стр. 17. О томъ, какъ надобно читать это постановленіе, см. объясненіе г. Попова въ его изслѣдованіи. Пиры и братчины, помѣщенномъ въ Архивѣ Историко-Юрид. Свѣдѣній, изд. Н. Калачовымъ, 1854, М., кн. II, полов. II. Ср. также въ прилож. прим. 176.

пиры и братчины незванымъ людямъ [1]. Эта льгота, указывая на возможность самосуда, придавала такимъ образомъ косвенно судебное значенiе братчинамъ. Наконецъ Псковская Судная Грамота прямо опредѣлила, что братчина можетъ судить какъ судьи. Въ связи съ этимъ постановленiемъ находятся еще слѣдующiя: если у кого нибудь на пиру случилось воровство, то истецъ долженъ былъ заявить объ этомъ пировому старостѣ или пивцамъ [2]; за драку на пиру виновный выдавался головою обиженному [3]; если оба они не звали пристава и сами мирились, то съ нихъ не взыскивалась пошлина въ казну княжескую [4]. Связь пировъ и братчинъ очевидна. Вопреки мнѣнiю г. Попова, полагающаго, что братчины были только частный видъ пировъ и что здѣсь говорится о пирахъ вообще, слѣд. не о братчинахъ [5], мы думаемъ, что пировой староста существовалъ и на братчинахъ и что пиры были напротивъ частнымъ видомъ братчинъ, ибо послѣднiя имѣли значенiе совершенно общее. Здѣсь дѣло идетъ не о какомъ нибудь частномъ пирѣ, потому что тогда право собственнаго суда повело бы къ большимъ злоупотребленiямъ и перешло бы опредѣленныя границы, но о пирахъ общественныхъ, о весельи народа, вкоренившемся въ его завѣтные обычаи и преданья. Законъ, что на бой въ пиру могъ быть призванъ приставъ и судъ могъ начаться общимъ порядкомъ, объясняется весьма просто, нисколько не ограничивая судебнаго значенiя братчинъ. Мнѣнiе г. Попова, что судъ братчины не былъ окончательный, не имѣетъ положительныхъ доказательствъ [6], потому что въ такомъ случаѣ не существовало бы права самосуда; ея рѣшенiе было напротивъ окончательное въ томъ смыслѣ, что послѣ него дальнѣйшеее слѣдствiе о преступленiи прекращалось. Но характеристическая особенность братчины состоитъ въ томъ, что право самосуда не было обязательно для ея членовъ : по взаимномъ согласiи, они могли отказаться отъ суда братчины, позвать приставовъ и рѣшить свое дѣло общимъ порядкомъ. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что пошлину платилъ виновный, слѣдовательно другимъ членамъ братчины было все равно, какъ бы судъ ни происходилъ. Призывъ приставовъ встрѣчался очень рѣдко,

1. См. А. А. Э. I, №№ 114, 123, 139, 143, 144, 151, 159 и т. д.; А. И. I, №№ 59, 74, 111, 125, 137 и др.
2. П. С. Гр., стр. 6
3. ibid., стр. 5.
4. ibid., стр. 19.
5. См. его изслѣд., стр. 32.
6. Г. Поповъ говоритъ, что судъ братчины былъ ограниченъ въ рѣшенiи уголовныхъ дѣлъ объ убiйствѣ, и ссылается при этомъ на отрывокъ, помѣщенный въ Временникѣ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос., кн. VII, стр. 67 и 68; но отрывокъ этотъ принадлежитъ къ 1624 г.; въ это время братчины могли прiобрѣсти характеръ, отличный отъ того, какой онѣ имѣли въ XV столѣтiи.

ибо гораздо выгоднѣе для виновныхъ было рѣшить дѣло своимъ судомъ, не платя никакой пошлины, нежели подвергаться различнымъ взысканіямъ въ пользу судейскихъ служителей. Сверхъ того, рѣшеніе дѣла общимъ порядкомъ происходило, безъ сомнѣнія, только тогда, когда 1) тяжущіеся не полагались на справедливость суда-братчины и 2) когда на позовъ пристава былъ согласенъ обиженный. Во всякомъ случаѣ, судъ братчины, долженъ считаться окончательнымъ, какъ скоро начался; примѣненіе же его не было обязательно для ея членовъ.

Результатомъ всего нами сказаннаго объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ во Псковѣ будетъ слѣдующее :

I. Въ Псковскомъ законодательствѣ главными дѣятелями являются два начала : личное и общинное; первое выразилось вполнѣ въ судѣ духовномъ и отчасти въ судѣ княжескомъ; второе въ судѣ вѣчевомъ, смѣстномъ и братчинахъ. При этомъ въ судѣ княжескомъ и смѣстномъ одно какое либо начало не дѣйствовало исключительно : въ первомъ случаѣ представителемъ общиннаго начала былъ посадникъ, засѣдавшій отъ вѣча въ судѣ княжескомъ; во второмъ случаѣ представителемъ личнаго начала былъ владыченъ намѣстникъ, присутствовавшій въ общемъ судѣ вмѣстѣ съ Княземъ и посадникомъ.

II. Вѣче, не основываясь на правѣ, входило только въ область факта и, будучи такимъ образомъ незаконно, освящалось обычаемъ.

III. Какъ Князь, такъ и вѣче имѣли каждому изъ нихъ подчиненныя лица; оба они не вмѣшивались въ некасавшіяся до нихъ отношенія къ этимъ лицамъ; нѣкоторыя изъ нихъ находились при Князѣ и посадникѣ, занимая одинакую должность и имѣя равную степень власти, и присутствовали въ судѣ поровну съ обѣихъ сторонъ.

IV. Видя, какъ много предметовъ суда гражданскаго и уголовнаго подлежали судебному разбирательству Князя, мы могли бы подумать, что главная власть была въ его рукахъ и что слѣдовательно въ Псковскомъ законодательствѣ существовало преобладаніе личнаго начала надъ общиннымъ; но это преобладаніе было только *кажущееся*. Въ судѣ княжескомъ присутствовалъ всегда посадникъ; въ случаѣ несправедливаго рѣшенія Князя, онъ подавалъ протестъ вѣчу. Посадникъ въ судѣ княжескомъ былъ ни что иное, какъ *засѣдатель отъ вѣча*. Такъ какъ рѣшеніе Князя было во всѣхъ отношеніяхъ окончательное, то протестъ подавался вѣчу не противъ сущности власти Князя, а противъ его *лица*, для предупрежденія *будущихъ* злоупотребленій. Власть Князя оставалась неприкосновенною ; здѣсь de jure мы видимъ преобладаніе начала

личнаго. Но Князь смѣнялся вѣчемъ, личность Князя зависѣла отъ вѣча, слѣдовательно de facto преобладало начало общинное, хотя преобладаніе это и не было полное. Этотъ перевѣсъ тѣмъ болѣе несомнителенъ, что предѣлы власти вѣчевой были неограниченны : вѣче собиралось въ неопредѣленное время въ необыкновенныхъ случаяхъ; поэтому нельзя было изложить письменнымъ образомъ и въ юридической формѣ, въ какое именно время должно было собираться вѣче и какіе предметы подлежали его вѣдомству, тогда какъ предметы вѣдомства Князя подробно опредѣлялись въ договорныхъ грамотахъ. Это самое указываетъ на нѣкоторую ограниченность круга его дѣятельности. Неопредѣленность дѣйствій вѣча служитъ яснымъ доказательствомъ ихъ всеобщности.

V. Совмѣстное существованіе обоихъ началъ произвело то явленіе, что подсудность различалась не столько по свойству дѣлъ, сколько по той степени участія, какую принимала каждая власть въ Государственномъ управленіи.

VI. Самое логическое распредѣленіе подсудности относится къ суду духовному. Оно имѣетъ причиною историческое происхожденіе церковнаго управленія. Съ тѣхъ поръ, какъ древняя Русь заимствовала свою религію отъ Грековъ, Князья не вмѣшивались въ дѣла Церкви : они смотрѣли на духовные уставы, какъ на завѣтъ священный, передаваемый изъ рода въ родъ во всей его первобытной полнотѣ и святости; слова устава Владиміра Св. сохранились въ нѣкоторыхъ законодательныхъ памятникахъ XV и XVI ст. почти буквально. Этимъ объясняется особенная отдѣльность духовенства въ дѣлахъ административныхъ и опредѣленная подсудность, подлежавшая его вѣдѣнію. Она обусловливалась самымъ своимъ свойствомъ, а не вмѣшательствомъ двухъ противуположныхъ элементовъ, которые не могли существовать въ церковномъ управленіи, какъ совершенно къ нему непричастные.

VII. Учрежденіе братчинъ, переходя постепенно изъ области обычая въ область права, получило чисто юридическое значеніе въ слѣдствіе самосуда, дозволеннаго имъ Великими Князьями; судебное рѣшеніе братчинъ было окончательное, но примѣненіе его не считалось обязательнымъ для преступниковъ, имѣвшихъ возможность производить дѣло общимъ порядкомъ.

II.

О ТЯЖУЩИХСЯ.

Въ древнія времена тяжущіяся стороны нерѣдко носили безразличное названіе истцовъ, относившееся какъ къ истцу, такъ и къ отвѣтчику [1]. Примѣръ этому мы видимъ и въ Псковской Судной Грамотѣ [2], въ которой сверхъ того встрѣчается наименованіе *сутяжниковъ* [3] и *супротивня* [4]; слово *отвѣтчикъ* въ ней вовсе не находится. Въ Русской Правдѣ обѣ тяжущіяся стороны означаются *истцами* [5]. Въ Судебникахъ упоминаются *ищея*, *истецъ*, *жалобникъ* и *отвѣтчикъ*. Псковская Судная Грамота не даетъ намъ возможности судить о томъ, какіе люди не имѣли права вчинять искъ; изъ нея видно, напротивъ, что закупы, половники и должники, состоявшіе въ услуженіи у своихъ заимодавцевъ вмѣсто залога, могли быть истцами и отвѣтчиками противъ своихъ господъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Это постановленіе заимствовано изъ Русской Правды [6]. Излагая свой споръ въ судѣ, тяжущіеся должны были сохранять уваженіе другъ къ другу, равно какъ и къ лицамъ, производившимъ судъ: въ судъ запрещалось ходить «помочью»; если кто входилъ насильно или билъ подверника, то его клепали въ колодку и взыскивали пошлины рубль въ казну княжескую и подверникамъ 10 денегъ [7]; ударившій предъ господою въ судѣ своего истца выдавался ему «въ рубли» и платилъ продажу Князю [8]. По Новгородской Судной Грамотѣ, взималась пошлина съ истца, оклеветавшаго своего противника предъ судебными лицами [9]. Тамъ же опредѣлены нѣкоторыя предварительныя удостовѣренія въ справедливости иска, вчиняемаго тяжущимися, такъ напр. съ нихъ взималась присяга въ томъ, что они будутъ говорить на судѣ правду; не хотѣвшій дать присягу признавался виновнымъ и т. п. [10] Въ Псковской Судной Грамотѣ упоминается только, что неявившійся на «судную роту» долженъ заплатить истцу то, о чемъ онъ ведетъ искъ [11]. Новгородское законодательство, касательно послѣдствій

1. См. А. А. Э. I, № 92; Акты Юрид.; Правыя Грамоты, № 11. (1504 г.)
2. См. стр. 2, 4—7, 11, 15, 17.
3. ibid., стр. 10.
4. ibid., стр. 2.
5. См. изслѣд. Калачова, стр. 123.
6. ibid., ст. о закупѣ, XVII, стр. 87.
7. П С. Гр., стр. 10.
8. ibid., стр. 17.
9. А. А. Э. I, № 92.
10. ibid.
11. стр. 15.

судебнаго приговора, относившагося къ тяжущимся, опредѣляло, что признанный виновнымъ платилъ не только судебныя пошлины и штрафы, но и всѣ проторы и убытки, причиненные тяжбою его противнику [1]. Псковская Судная Грамота это постановленіе въ особенности относитъ къ отвѣтчику, неявившемуся въ судебное мѣсто [2].

Кромѣ понятія о физическихъ лицахъ, Псковское законодательство даетъ такія постановленія, которыя очевидно прилагаются къ *лицамъ нравственнымъ*. Понятіе о нравственныхъ лицахъ выразилось, во первыхъ, въ существованіи представителей, и во вторыхъ, въ томъ случаѣ, когда обѣ тяжущіяся стороны состояли изъ нѣсколькихъ лицъ.

Въ Псковской Судной Грамотѣ представители обѣихъ тяжущихся сторонъ именуются *пособниками* [3]. Ея постановленія отличаютъ два рода пособниковъ: одни имѣютъ *право* представительства; именно за женщину и малолѣтняго вели искъ, безъ сомнѣнія, ихъ родственники [4], о чемъ въ Новгородской Судной Грамотѣ упоминается еще опредѣленнѣе [5]; подобные представители могутъ назваться *необходимыми*; напротивъ другіе, дѣйствуя въ судѣ за монаха, старика или увѣчнаго [6], были представителями только de facto, но не de jure; послѣдніе заслуживаютъ наименованіе *свободныхъ*, ибо нанимались со стороны тяжущихся для ходатайства по ихъ дѣламъ. Такъ напр. монастыри имѣли привиллегію нанимать повѣренныхъ по своимъ дѣламъ, что въ особенности ясно видно изъ одной правой грамоты 1518 года [7]. Вообще Псковская Судная Грамота запрещаетъ имѣть пособниковъ, исключая тѣхъ случаевъ, о которыхъ мы выше упомянули, и предписываетъ являться въ судъ самимъ тяжущимся [8]. Какое именно юридическое значеніе имѣли пособники и какая была форма сообщенія довѣренности тяжущагося своему повѣренному, изъ постановленій Псковской Судной Грамоты не видно; что касается до обязанностей пособника, то она предписываетъ ему только въ одинъ день за два дѣла не тягаться [9]. Въ этомъ отношеніи кругъ дѣятельности пособниковъ въ Новгородской системѣ правосудія является въ болѣе опредѣленномъ видѣ [10].

1. А. А. Э. I, № 92.
2. Стр. 14.
3. Стр. 10 и 11. См. о значеніи этого слова въ прилож. прим. 125.
4. П. С. Гр., стр. 10.
5. А. А. Э. I, № 92. «А кому будетъ какое дѣло» и т. д.
6. П. С. Гр., стр. 10.
7. Подъ названіемъ Прав. Грам. о наслѣдственномъ владѣніи Якова Внукова пашенною землею Сновицкаго монастыря. См. Акты Юрид., № 16, стр. 29, 31.
8. Стр. 10.
9. Стр. 11.
10. А. А. Э. I, № 92; ср. соч. Куницына, стр. 85.

Существованіе нѣсколькихъ тяжущихся лицъ, какъ видно изъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ, не нарушало понятія о томъ, что въ тяжбѣ должны быть только двѣ стороны: истецъ и отвѣтчикъ. Это же начало принимается и въ Псковской Судной Грамотѣ, которая разсматриваетъ нѣсколькихъ отвѣтчиковъ какъ одно лицо юридическое и присуждаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ къ уплатѣ одного рубля и одной пошлины въ казну княжескую [1]. Подобное правило принимается и въ Судебникѣ Іоанна IV [2].

III.

О позовахъ.

Основываясь на постановленіяхъ Псковской Судной Грамоты, относящихся къ вызову тяжущихся въ судебное мѣсто, мы должны обратить главное вниманіе на лица, занимавшіяся позовами. Каждое изъ нихъ получало отъ судебнаго мѣста особенную грамоту, опредѣлявшую его отношенія къ тяжущимся сторонамъ, и имѣло извѣстныя права и обязанности, ему присвоенныя. Изъ лицъ, занимавшихся вызовомъ тяжущихся, и преимущественно отвѣтчика, упоминаются въ Псковской Судной Грамотѣ слѣдующія: *приставы*, *подвойскіе*, *позовники*, *дворянинъ* и *ограмочой*.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало постепенно уничтожаться въ древней Руси право самосуда, судебныя учрежденія, получивъ большій кругъ дѣятельности, пріобрѣли въ тоже время нѣкоторую стройность въ своей организаціи. Въ эпоху полнаго примѣненія самосуда, одно изъ главныхъ отличій этого права состояло въ томъ, что человѣкъ, потерпѣвшій ущербъ въ своемъ имуществѣ, могъ требовать, чтобы обвиняемый ему доказалъ способъ пріобрѣтенія спорной вещи [3]. Нехотѣвшій идти на подобный «*сводъ*» долженъ былъ представить по себѣ поруку на 5 дней [4]. Сводъ сохранился весьма долго; но въ древности главное лицо, обязанное представить отвѣтчика на судебное разбирательство, былъ самъ истецъ, тогда какъ въ XIII столѣтіи мы уже имѣемъ свѣдѣнія о существованіи особенныхъ лицъ, находившихся при самомъ судебномъ установленіи и имѣвшихъ обязанностью вызовъ отвѣтчика къ суду [5]. И такъ то, что въ періодъ Рус-

1. Стр. 18.
2. А. П. I, ст. 15, 20, 21 и 18; ср. О суд. Іоанна IV, Калачова, въ Юрид. Зап. I, стр. 121.
3. См. Русскую Правду, ст. CXXV—CXXVIII.
4. ibid.; см. также Собр. Гос. Гр. и Дог.; I, № 158,
5. Договоръ Мстислава, въ Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 1. (1229 г.).

ской Правды падало на самого истца, въ послѣдствіи вошло въ предметы вѣдомства различныхъ должностныхъ лицъ. Эти лица, въ общей исторіи Русскаго судоустройства, носятъ наименованіе *приставовъ*, которое было родовое и подраздѣлялось на многія частныя или видовыя названія [1]; такъ до Судебника Іоанна IV были извѣстны гонцы, дворяне, позовники, подвойскіе, софіяне, бирючи [2]. Въ этомъ смыслѣ говоритъ о приставахъ и Псковская Судная Грамота; именно въ ней опредѣлена имъ пошлины деньга въ томъ случаѣ, когда они ѣздили звать кого либо на судъ, расковать или заковать въ оковы; тоже самое относилось и къ княжимъ людямъ и подвойскимъ [3]. Въ случаѣ драки во Псковѣ, въ пригородѣ, волости, на пиру и т. п., обѣ стороны могли позвать другъ друга приставами для производства судебнаго разбирательства [4]. Въ этомъ заключаются всѣ постановленія Псковской Судной Грамоты, упоминающія о приставахъ, какъ о лицахъ, имѣвшихъ главною обязанностью вызовъ отвѣтчика къ суду; въ другихъ статьяхъ имъ придается особенное значеніе, о которомъ мы будемъ говорить въ статьѣ о слѣдствіи и обыскѣ. Приставъ, отправляясь за отвѣтчикомъ, въ слѣдствіе подачи о томъ просьбы со стороны истца, получалъ отъ судебнаго мѣста *приставную грамоту* [5]. За нея взыскивалась съ истца плата въ пользу княжескаго писца и прилагалась къ ней печать Князя или Св. Троицы; тоже самое говорится о выдачѣ позовницы и безсудной грамоты [6].

Если отвѣтчикъ имѣлъ жительство въ томъ самомъ городѣ, гдѣ находилось судебное мѣсто, его требовавшее, то за нимъ посылался *подвойскій* [7], съ приставною памятью. Во Псковѣ подвойскіе служили у Князя и у вѣча; это видно изъ того, что Псковская Судная Грамота различаетъ *подвойскихъ* отъ *Псковскихъ подвойскихъ* [8], т. е. вѣчевыхъ чиновниковъ, вызывавшихъ отвѣтчика къ судебному мѣсту. Какъ тѣ, такъ и другіе получали за свои труды пошлины съ подсудимыхъ [9]. «На приставное и па ссылку» Псковскіе подвойскіе должны были ѣздить съ княжими людьми «по половинамъ» [10]. Они ѣздили по дворамъ и получали за десять верстъ одну деньгу, хотя бы ихъ ѣхало нѣсколько; если они не

1. См. о значеніи приставовъ въ прилож. прим. 89.
2. Ср. «О Суд. Іоан. IV», Калачова, въ Юрид. Зап. I, 119.
3. П. С. Гр., стр. 11.
4. ibid., стр. 13.
5. См. въ прилож. прим. 115.
6. П. С. Гр., стр. 9 и 13.
7. Ср. А. А. Э. I, № 58, стр. 44; также въ прилож. прим. 110.
8. Стр. 13.
9. П. С. Гр., стр. 11.
10. ibid., стр. 13.

хотѣли трудиться изъ за этой платы, то истецъ Псковитянинъ могъ послать кого хотѣлъ, платя посланному тотъ же «ѣздъ» [1].

Главнѣйшее различіе *позовниковъ* [2] отъ подвойскихъ состояло въ томъ, что позовники вызывали отвѣтчика по волостямъ, а не въ городѣ [3]. Изъ Псковской Судной Грамоты видно, что они посылались за отвѣтчикомъ, обвиненнымъ въ дракѣ или грабежѣ [4]. Позовникъ, прибывъ къ отвѣтчику, представлялъ ему *позовницу* [5], въ которой означался судомъ срокъ явки [6]. Если позовникъ звалъ отвѣтчика въ судебное мѣсто, а позванный не являлся на церковный погостъ слушать чтеніе позовницы, то позовница читалась на погостѣ предъ священникомъ. Если позванный просрочивалъ установленный срокъ и не являлся на судъ предъ вѣчевою властью, то на виновнаго выдавалась вѣчевой власти грамота въ пятый день чрезъ позовника [7]. Въ Новгородской системѣ судопроизводства встрѣчаются нѣкоторыя узаконенія, имѣющія очевидную аналогію съ вышеизложенными постановленіями Псковской Судной Грамоты. Такъ если отвѣтчикъ находился въ самомъ Новгородѣ, то день явки ему назначался судебнымъ мѣстомъ [8]; въ противномъ случаѣ позовники назначали ему время для пріѣзда въ Новгородъ, опредѣляя тогда же и штрафы въ случаѣ пропущенія срока [9]. Кто отъ посланнаго укрывался, къ тому являлся позовникъ три раза, и сверхъ того подтверждалось обвиненному предписаніе явиться въ судъ черезъ бирючей [10]. Псковское законодательство упоминаетъ о грамотѣ, выдаваемой въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ не являлся въ судебное мѣсто. Не извѣстно, какая была именно эта грамота: *обѣтная* или *безсудная,* различіе между которыми ясно выражается въ Новгородскомъ судопроизводствѣ [11]. *Обѣтная* грамота выдавалась на отвѣтчика и предписывала ему явиться къ отвѣту, подъ опасеніемъ штрафа [12]; *безсудная грамота* [13] выдавалась истцу тогда, когда, не смотря на различные вызовы судебнаго мѣста, отвѣтчикъ упорствовалъ въ неявкѣ; тогда онъ обвинялся *безъ суда* и терялъ право на продолженіе

1. П. С. Гр., стр. 8—9.
2. См. въ прилож. прим. 58.
3. Ср. А. А. Э. I, № 58, стр. 44.
4. Стр. 4.
5. См. въ прилож. прим. 66.
6. П. С. Гр., стр. 5.
7. ibid.
8. См. соч. Куницына, стр. 88—90.
9. Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 158.
10. А. А. Э. I, № 92: «А кто обѣчается въ косму дни» и т. д.
11. См. соч. Куницына, стр. 88.
12. А. А. Э., № 92.
13. См. въ прилож. прим. 114.

иска [1]. Нѣкоторыя постановленія Псковской Судной Грамоты упоминаютъ о грамотѣ безсудной, но весьма неопредѣленно; она писалась писцомъ княжескимъ и къ ней прилагалась печать княжеская или церковная, за что платилось пошлины по деньгѣ [2]. По Судебнику Іоанна III, взималось съ безсуднаго списка въ пользу печатника съ рубля по алтыну; въ пользу дьяка за подпись тоже самое и въ пользу подъячаго съ рубля по двѣ деньги [3].

Дворянинъ упоминается въ Псковской Судной Грамотѣ только однажды; именно въ слѣдующихъ словахъ: «А которой приставъ, или дворянинъ, а возметь своему узду (истцу) конь или иное что у него возметъ; ино ему дать на руку стороннему человѣку. А не возметъ на руку, ино ему собою свести, а взять ѣзды на томъ, кто его не утяжетъ» [4]. Смыслъ этой статьи, кажется, тотъ, что если дворянинъ бралъ у отвѣтчика коня или что другое, то долженъ былъ отдать на присмотръ постороннему человѣку; если тотъ не бралъ, то дворянинъ долженъ былъ вести взятое съ собою и ѣзду (пошлины) требовать на томъ, кто не оправдался [5]. Хотя ѣздъ на конѣ упоминается и въ Русской Правдѣ [6], но трудно предположить, чтобы оба эти постановленія имѣли связь между собою. Въ Новгородѣ посылки дворянъ производились на счетъ подсудимыхъ [7].

Древній обычай самосуда сохранился и въ Псковскомъ законодательствѣ въ томъ отношеніи, что истецъ могъ самъ являться къ отвѣтчику и вести его въ судъ. Но это право принимало юридическую форму въ слѣдствіе того, что истецъ предварительно долженъ былъ заявить о своемъ искѣ въ судебное мѣсто и получить отъ него грамоту, въ которой и предписывался ему отъ суда вызовъ отвѣтчика. Такой истецъ называется въ Псковской Судной Грамотѣ *ограмочимъ*, а отвѣтчикъ *ограмочнымъ* [8]. При этомъ она постановляетъ, что истецъ (ограмочой), взявъ грамоту отъ судебнаго мѣста на своего отвѣтчика, найдя его и показавъ ему эту грамоту, не имѣетъ права его мучить или бить, но долженъ представить вѣчевой власти. Отвѣтчикъ, съ своей стороны, не могъ съ истцомъ драться или бить его; если же онъ съ нимъ рубился или кололся, то

1. См. А. А. Э. I, № 13. (1398 г.).
2. П. С. Гр., стр. 9 и 13.
3. А. И. I, стр. 151, ст. «о безсудномъ спискѣ».
4. Стр. 11.
5. Ср. въ прилож. прим. 134, 135 и 136.
6. См. Древн. Русское Право, Эверса, стр. 312, ст. XII.
7. Соч. Куницына, стр. 89.
8. Стр. 5; см. въ прилож. прим. 68.

самъ предавался смерти [1]. Это постановленіе объ огрямочомъ и огрямочномъ, равно какъ и самыя названія, вовсе не встрѣчаются въ другихъ источникахъ Русскаго права.

Мы видѣли, что въ постановленіяхъ Псковской Судной Грамоты о тяжущихся сторонахъ входило понятіе о нравственныхъ или юридическихъ лицахъ. Такое же воззрѣніе имѣло Псковское законодательство и на чиновниковъ, занимавшихся вызовомъ отвѣтчиковъ къ суду. Не разъ оно упоминаетъ, что сколько бы ни ѣхало подвойскихъ или приставовъ, всѣ они вмѣстѣ получали одинъ ѣздъ, т. е. одну пошлину [2]; слѣдовательно здѣсь законодательство разсматриваетъ ихъ какъ одно лицо. Подобно этимъ постановленіямъ, во многихъ юридическихъ памятникахъ того времени, когда еще сознаніе юридической личности не было развито, встрѣчаются узаконенія, разсматривающія многія лица, какъ одно лицо. Въ этихъ случаяхъ не имѣлось въ виду создать или признать юридическую личность, ибо вообще понятіе о правѣ было неопредѣленно: здѣсь существовала только совокупность людей, связанныхъ единствомъ интересовъ и цѣли; но тѣмъ не менѣе дѣйствительность уже представляла стремленіе отвлечься отъ отдѣльныхъ членовъ общества и разсматривать должность и службу съ абсолютной точки зрѣнія.

IV.

О слѣдствіи и обыскѣ.

Въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи смѣшеніе исковъ личнаго и вещнаго было болѣе всего замѣтно въ *сводѣ*, т. е. въ сличеніи судебныхъ доказательствъ. Личный искъ, по самому свойству своему, бываетъ всегда направленъ противъ вора; вещной вчиняется противъ всякаго владѣльца покраденной вещи, кто бы онъ ни былъ, слѣдовательно не обращая вниманія на то, воръ ли онъ или нѣтъ [3]. Въ эпоху Русской Правды всѣ гражданскіе иски были личные; ибо существованіе свода, упоминаемаго въ Русской Правдѣ [4], производило то явленіе, что искъ вещной обращался въ личный, на основаніи первоначальнаго обычнаго права.

1. П. С. Гр., стр. 5.
2. П. С. Гр., стр. 9, 11.
3 См. Основныя начала Русскаго судоустройства и пр., К. Кавелина, М. 1844, стр. 41, 42.
4 См. изслѣд. Калачова, стр. 129 и слѣд.

доказывать, кому принадлежала вещь, обязанъ былъ хозяинъ, а не владѣлецъ вещи. Первое ограниченіе свода, установленное послѣ Русской Правды, было первымъ проявленіемъ отдѣльнаго вещнаго иска въ нашемъ законодательствѣ. По Русской Правдѣ, хотя изводъ и ограничивался областью и въ деревняхъ продолжался до третьяго пріобрѣтателя поличнаго, но въ городѣ онъ доходилъ до конца, слѣд. искъ былъ въ этомъ случаѣ личный. Уставная Двинская Грамота постановляетъ въ первый разъ, что изводы допускаются вообще только до десятаго пріобрѣтателя [1]. Съ этихъ поръ иски раздѣлились гораздо яснѣе, чѣмъ прежде, на два рода: одни были личные, когда сводъ доходилъ до самого вора, другіе были вещные, когда сводъ былъ ограниченъ извѣстнымъ числомъ пріобрѣтателей и не доходилъ до прямаго татя [2]. Изъ этого видно, что въ XIV ст. уже появилось понятіе о различіи исковъ, которое, безъ сомнѣнія, существовало и въ Псковскомъ судопроизводствѣ, хотя въ Псковской Судной Грамотѣ оно нигдѣ прямо и не высказано.

Слѣдствіе въ Псковской Судной Грамотѣ называется *изводомъ* [3] и *сводомъ* (свести) [4]. Оно предпринималось вообще для открытія слѣдовъ преступленія и собранія доказательствъ, служившихъ къ изобличенію преступника и оправданію невиннаго [5]. Изъ лицъ, производившихъ слѣдствіе, въ Псковской Судной Грамотѣ упоминаются *истецъ*, *сосѣди*, *межники* [6], *свидѣтели* [7] и *посторонніе люди* [8]. Изъ законовъ и лѣтописей Новгородскихъ видно, что слѣдствіе производили иногда позовники и подвойскіе [9]. Такъ какъ при слѣдствіи должны были разыскиваться всѣ обстоятельства дѣла, то въ немъ и участвовали вообще всѣ лица, имѣвшія возможность сообщить что либо о происшедшемъ преступленіи. Поэтому въ производствѣ слѣдствія принимали участіе и служебныя лица, и всякіе посторонніе люди. Виновный представлялся обыкновенно для отвѣта въ судебное мѣсто, для чего, какъ мы видѣли, служили различныя судебныя лица, вызывавшія отвѣтчика къ суду. Но виновный ни въ какомъ случаѣ не могъ быть задержанъ, если представлялъ за себя надежныхъ поручителей въ томъ, что въ назначенный срокъ

1. А. А. Э. I, № 13 и др. Ср. также опытъ Рейца, § 51 и 70; «О суд. Іоан. III», Калачова, въ Юрид. зап. I, 125.
2. См. соч. Кавелина, стр. 41, 42.
3. Стр. 2, 13—14; ср. въ прилож. прим. 31.
4. Стр. 8.
5. См. соч. Куницына, стр. 98.
6. Стр. 2, 14.
7. Стр. 4.
8. Стр. 9, 13.
9. См. соч. Куницына, стр. 98.

явится въ судъ для отвѣта. Это начало принималось какъ въ Новгородскомъ [1], такъ и въ Псковскомъ законодательствѣ [2].

Въ частности Псковская Судная Грамота упоминаетъ о слѣдствіи по дѣлу «о землѣ ополней или о водѣ» [3]; если кто находилъ потерянную вещь у другаго лица, купившаго ее на рынкѣ, но незнавшаго, у кого купило, то хозяинъ (а не владѣлецъ) спорной вещи долженъ былъ присягнуть, что дѣйствительно ее купилъ, а не подѣлился съ воромъ; когда истецъ не могъ представить вора, а отвѣтчикъ самъ не укралъ эту вещь и не дѣйствовалъ за одно съ воромъ, то истецъ терялъ право на искъ. Тоже самое относилось къ вещи, купленной «на чужой землѣ или на городѣ»; равно какъ къ покражѣ коня и платья [4]. Изводъ происходилъ въ случаѣ спора изорника съ государемъ за свое имущество [5] и въ случаѣ обвиненія въ дракѣ и грабежѣ [6]. Послѣднее постановленіе весьма замѣчательно: если истецъ призывалъ къ суду отвѣтчика чрезъ позовниковъ, то князь, посадникъ и сотскіе, учинивъ слѣдствіе, должны были допросить свидѣтеля, видѣвшаго, гдѣ истецъ обѣдалъ или ночевалъ, и поставить его на *изводъ* (на очную ставку) съ *иночаемъ*, т. е. съ тѣмъ человѣкомъ, который далъ истцу ночлегъ или накормилъ его [7]. Въ Уставной Двинской Грамотѣ сказано: «а гдѣ доводчикъ (судейскій служитель) ночуетъ, туто ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, туто ему не начевати» [8]. Тоже самое повторено буквально и въ Уставной Онежской Грамотѣ 1536 года [9]. Между всѣми этими постановленіями очевидно должно существовать близкое сродство, ибо почему производилось слѣдствіе именно о томъ, «гдѣ обѣдалъ и гдѣ ночевалъ истецъ?» Наше недоумѣніе можетъ разрѣшиться только тѣмъ предположеніемъ, что постановленіе Псковской Судной Грамоты говоритъ не о простомъ истцѣ, но относитъ свои слова исключительно къ судейскому служителю, собиравшему по деревнямъ такъ называемый *въѣзжій кормъ* [10] и именовавшемуся *доводчикомъ*, и предписываетъ учинить слѣдствіе, не обѣдалъ ли и не ночевалъ ли онъ въ одномъ мѣстѣ. Такъ какъ поѣздки доводчиковъ были весьма обременительны для крестьянъ, которые обязывались содержать

1. См. соч. Куницына, стр. 98.
2. П. С. Гр., стр. 9; см. выше ст. «о поручительствѣ».
3. Стр. 2
4. Стр. 8; ср. въ прилож. прим. 104—110.
5. Стр. 13—14.
6. Стр. 4.
7. См. въ прилож. прим. 59 и 60.
8. А. А. Э. I, № 123, стр. 92.
9. А. А. Э. I, № 181, стр. 152.
10. См. А. А. Э. I, № 123, 181 и др.

и кормить доводчиковъ и лошадей ихъ, то законодательство и предписывало посланному чиновнику не обѣдать и не ночевать въ одномъ мѣстѣ. Если доводчикъ не слушался закона и злоупотреблялъ своимъ правомъ, то, вѣроятно, позволялось крестьянамъ принудить его къ выѣзду изъ деревни, гдѣ онъ оставался слишкомъ долго. И такъ на основаніи Двинской и Онежской Грамотъ, постановленіе Псковской Судной Грамоты можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: если доводчикъ, или вообще судейскій служитель жаловался на то, что его били и грабили, и представлялъ въ судъ свидѣтеля и отвѣтчика, вызвавъ послѣдняго чрезъ позовниковъ, то первое дѣло судебнаго мѣста состояло въ томъ, чтобъ учинить слѣдствіе для узнанія, гдѣ именно истецъ обѣдалъ и ночевалъ и не подалъ ли онъ самъ повода къ дурному обхожденію съ нимъ. Для этого свидѣтель приводился на изводъ съ *иночаемъ*, т. е. съ самимъ отвѣтчикомъ, давшимъ пристанище доводчику и, безъ сомнѣнія, оправдывавшимся въ дракѣ тѣмъ, что пріѣхавшій къ нему чиновникъ, вопреки закону, оставался у него слишкомъ долго. Это слѣдствіе служило къ узнанію дѣла, но не было его окончаніемъ. Смотря по обстоятельствамъ, тотъ же иночай, обвиненный за одно и въ грабежѣ, долженъ былъ или идти на поединокъ съ свидѣтелемъ, или положить у креста спорную вещь. Наконецъ Псковская Судная Грамота упоминаетъ объ изводѣ въ томъ случаѣ, когда происходилъ судъ о землѣ подъ лѣсомъ: если тяжущіяся лица представили въ судебное мѣсто письменныя доказательства на одну и туже землю и по нимъ спорили, то они обязаны были взять межевщиковъ и сличить (известь) свои грамоты, а на ставкѣ предъ вѣчевою властью, предоставить межевщикамъ письменно обозначить [1] границы спорной земли; вмѣстѣ съ этимъ, они присуждались къ судебному поединку [2]. Съ этимъ постановленіемъ имѣютъ большую связь слѣдующія слова Псковской Судной Грамоты: если кто съ кѣмъ начнетъ вести искъ о землѣ или бортныхъ ухожьяхъ, и представятъ обѣ стороны въ судъ свои старыя и вновь купленныя грамоты, и если послѣднія простираются на части земель и на бортныя ухожья многихъ совладѣльцевъ, при чемъ они сами явятся въ судебное мѣсто, защищая кто свои участки, кто бортныя ухожья, и представятъ свои грамоты вѣчевой власти, то отвѣтчикъ, взявъ межевщиковъ, долженъ отвести себѣ у старыхъ владѣльцевъ часть слѣдуемую ему по его купленной грамотѣ [3]. Чрезъ 16

1. Т. е. срисовать
2. П. С. Гр., стр. 2; см. въ прилож. прим. 28—34.
3. Стр. 16: ср. въ прилож. прим. 163—167.

лѣтъ послѣ изданія Псковской Судной Грамоты, въ 1483 году, вышла Правая Грамота, данная Снѣтогорскому монастырю на проѣздъ по рѣкѣ Перервѣ, которая въ особенности для насъ замѣчательна тѣмъ, что будучи дана Псковскою господою, представляетъ производство суда, совершенно сходное съ встрѣчаемымъ нами въ Псковской Судной Грамотѣ. Споръ вели духовныя лица Снѣтогорскаго монастыря съ сотскимъ Юріемъ, старостою Егорьевскимъ, Ортемомъ и Ильею, со всѣми ихъ *сябры* (сосѣдями), игумномъ Лаврентіемъ и старцами Кузмодемьянскими, за проѣздъ по рѣкѣ Перервѣ. Всѣ они «стояли на судѣ на сѣняхъ» и судились, «положивъ грамоты купчіе передъ осподою.» Господа прочла грамоты обѣихъ сторонъ, «да послала княжаго боярипа Михайла Чета да и Климету Семеновича соцкаго тое воды въ Перервѣ рѣкѣ досмотрѣти.» Посланные «досмотрѣли, да и на *лубъ выписали*, и передъ осподою положили, да и велись (свелись) по лубу». Тогда судьи спросили тяжущихся: «снимаетель смежниковъ межничьства? И обои исцы тако ркли: снимаемъ, господине». Далѣе послано было отъ судебнаго мѣста за старикомъ, вѣдавшимъ, какой именно сторонѣ принадлежала «спорная въ Перервѣ рѣкѣ шестая часть, проѣзда дѣля.» Явился старикъ Терентій Кудатовъ, на свидѣтельство котораго тяжущіеся сослались, и, ставъ передъ господою, объявилъ, что шестая часть рѣки принадлежитъ старцамъ Снѣтогорскимъ. Въ слѣдствіе этого показанія, имъ и была выдана правая грамота, «по Псковской пошлины, въ Перервѣ рѣки на шестую часть на проѣздъ» [1]. И такъ въ этомъ случаѣ мы видимъ не только совершенную аналогію въ судопроизводствѣ, не только заимствованіе порядка слѣдствія и хода всего дѣла, но даже самое подробное и точное *исполненіе* тѣхъ законовъ, которые нѣсколько ранѣе были предписаны Псковскою Судною Грамотою.

Обыскъ собственно есть ни что иное, какъ одинъ изъ частныхъ видовъ слѣдствія, поэтому къ нему вообще можно приложить все то, что говорится о производствѣ слѣдствія въ Псковской Судной Грамотѣ. Замѣчательное явленіе представляютъ намъ люди, производившіе обыскъ и называемые въ Псковскомъ законодательствѣ *приставами*. До сихъ поръ значеніе и происхожденіе ихъ было разсмотрѣно довольно неопредѣленно; мы знаемъ только, что главная ихъ должность состояла въ призывѣ отвѣтчика къ судебному мѣсту. Псковская Судная Грамота даетъ въ этомъ отношеніи такія постановленія, на основаніи которыхъ мы постараемся,

1. Акты Юрид., № 2.

по возможности, изслѣдовать, какое именно значеніе имѣли приставы въ Псковской области и чѣмъ отличались они отъ приставовъ, находившихся въ другихъ частяхъ Россіи и упоминаемыхъ въ послѣдствіи въ Судебникахъ.

Мы видѣли, что позовники, подвойскіе, дворяне и т. п. носили общее родовое наименованіе приставовъ; они находились на княжеской или вѣчевой службѣ и посылались для вызова отвѣтчика. Это было общее значеніе приставной должности, которая ничѣмъ не отличалась отъ такой же должности, существовавшей въ другихъ Русскихъ областяхъ; въ томъ же смыслѣ упоминаютъ о приставахъ и Судебники. Но въ областяхъ, подчиненныхъ вѣчевому управленію, приставы имѣли, кромѣ общаго значенія, особенный характеръ, развившійся въ слѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ. Псковская Судная Грамота даетъ между прочимъ слѣдующее весьма подробное постановленіе относительно производства обыска, совершаемаго съ помощью приставовъ: «если кто возметъ приставовъ у Князя или у посадника для изслѣдованія воровства, то князю и посаднику отпустить приставовъ — людей добрыхъ и неизмѣнныхъ, которые должны учинить обыскъ тамъ, гдѣ произошло воровство. Можетъ случиться, что приставы эти скажутъ слѣдующее: пріѣхали мы на дворъ учинить слѣдствіе о воровствѣ, а отвѣтчикъ не позволилъ намъ его обыскивать, не пустилъ насъ къ себѣ въ комнаты и выгналъ со двора. При этомъ скажетъ тотъ человѣкъ, котораго велѣно обыскивать: у меня, господа, эти приставы вовсе не были; или возразитъ: у меня эти приставы были и я имъ комнаты отворялъ; они же, не обыскавъ меня, сами со двора сбѣжали, а теперь сгоненіемъ на меня клевещутъ. Тогда князю и посаднику спросить приставовъ такъ: есть ли у васъ доказательства на это, или свидѣтели, передъ которыми отвѣтчикъ васъ согналъ съ двора? Приставы обязаны, для доказательства справедливости своихъ словъ, поставить въ судебное мѣсто человѣка два или три, которые сказали бы, какъ право передъ Богомъ: передъ нами этотъ человѣкъ приставовъ со двора согналъ и обыскивать имъ не позволилъ. Въ такомъ случаѣ приставовъ привести къ присягѣ, а отвѣтчика наказать за воровство. Если же свидѣтели скажутъ противное, то приставы лишаются своей должности, а истецъ, взявшій ихъ для слѣдствія, теряетъ свое право на искъ [1]». Изъ этого постановленія видно въ особенности, что 1) приставы брались у Князя и у посадника; 2) они были люди добрые неизмѣнные, и 3) если

[1] П. С. Гр., стр. 10.

они говорили неправду, то лишались своей должности, а истецъ, взявшій ихъ, терялъ свое право. Если начиналось слѣдствіе и былъ необходимъ обыскъ, то истецъ бралъ людей добрыхъ и неизмѣнныхъ, извѣстныхъ своею честностью, безъ сомнѣнія, не одному Князю и посаднику, но цѣлому обществу, и *приставленныхъ* къ суду не въ видѣ судейскихъ служителей или чиновниковъ, но какъ *засѣдателей* отъ извѣстной корпораціи. Это свойство приставовъ опредѣляло само собою ихъ права и обязанности. Съ одной стороны существовало ручательство цѣлаго общества за благонадежность своихъ *выборныхъ людей*, съ другой принятіе ихъ подъ защиту закона судебнымъ мѣстомъ, и наконецъ видна зависимость приставовъ отъ избранія всею корпораціею, уничтожавшее всякое покушеніе къ злоупотребленію. По этому самому, какъ скоро приставы не исполняли своего назначенія, быть людьми добрыми и честными, то, во первыхъ, они смѣнялись и на ихъ мѣсто выбирались другіе, и во вторыхъ, вина падала на истца, какъ на члена корпораціи, наказываемаго лишеніемъ права продолжать искъ, въ слѣдствіе участія его въ ручательствѣ цѣлаго общества за добросовѣстность избранныхъ имъ людей. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что должность приставовъ имѣетъ сходство съ должностью *цѣловальниковъ* и вообще выборныхъ людей, личность которыхъ представляла участіе цѣлой общины въ управленіи; различіе состоитъ преимущественно въ томъ, что цѣловальники и другія, имъ подобныя лица, существовали съ этимъ представительнымъ значеніемъ въ селахъ и деревняхъ, слѣд. подчинялись областному управленію, тогда какъ приставы во Псковѣ выражали участіе въ Государственномъ устройствѣ не одного какого либо общества сельскаго, волостнаго, деревенскаго, однимъ словомъ, сельской сходки или земскаго міра, но вообще вмѣшательство всего народа, всѣхъ членовъ государства, къ какому бы классу и состоянію они ни принадлежали. Приставы, въ сравненіи съ цѣловальниками, имѣли значеніе болѣе всестороннее, олицетворяли въ себѣ вполнѣ общинное начало. Естественно, что подобное значеніе могло породиться только въ городѣ, имѣвшемъ особенное вѣчевое управленіе. Такой же характеръ имѣли, безъ сомнѣнія, приставы и въ Новгородской области [1]. Какъ въ Псковѣ, такъ и въ Новгородѣ, они выбирались изъ *добрыхъ людей*. Вліяніе Германскаго элемента проявляется не только въ круговой порукѣ, породившей это особенное учрежденіе приставовъ, но и въ самомъ происхожденіи словъ «добрые люди», соотвѣтствующихъ

[1] Ср. А. А. Э. I, № 92. Новг. Суд. Гр.

нѣмецкому Rachimburgii, Gute Männer, Rachmänner [1]. Г. Куницынъ говоритъ, что именемъ приставовъ означались Новгородскіе посредники, служившіе преимущественно для *примиренія* тяжущихся сторонъ [2]; но, по нашему мнѣнію, онъ придаетъ имъ слишкомъ частное значеніе примирителей. Это тѣмъ болѣе несправедливо, что, какъ видно изъ Псковской Судной Грамоты, приставы участвовали въ обыскѣ [3], производили слѣдствіе по дѣламъ о воровствѣ [4], взимали съ отвѣтчика долги и отдавали ихъ истцу, за что получали приставную плату [5]; присутствовали вмѣстѣ съ другими лицами, при продажѣ вещей, шедшихъ на уплату долга [6] находились на судебныхъ поединкахъ въ качествѣ свидѣтелей [7] и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ совершенно незамѣтно, чтобы приставы оказывали примирительное вліяніе на тяжущихся. Между ними и обществомъ во всей силѣ существовали отношенія взаимнаго поручительства, перешедшаго къ намъ изъ элементовъ Германскаго права [8].

Изъ всего нами сказаннаго о значеніи приставовъ можно вывести то заключеніе, что приставы во Псковѣ раздѣлялись на два совершенно различныхъ рода: одни вызывали отвѣтчика въ судъ и ничѣмъ не отличались отъ подобныхъ имъ лицъ, упоминаемыхъ въ послѣдствіи въ Судебникахъ; другіе, напротивъ, произошли въ слѣдствіе совокупнаго вліянія круговаго поручительства, существованія вѣча и вмѣшательства народа въ Государственное управленіе. Они имѣли значеніе людей, избранныхъ всѣмъ обществомъ на случай всевозможныхъ обысковъ и слѣдствій, въ которыхъ было необходимо присутствіе честныхъ и извѣданныхъ людей. Приставы присутствовали въ судѣ со *стороны*, а не находились въ Государственной службѣ, какъ мы ее теперь преимущественно разумѣемъ, ибо зависѣли отъ цѣлой корпораціи, получали за труды плату съ ея же членовъ и только охранялись силою закона. Это было самое ясное олицетвореніе обычая въ юридической формѣ. Они были дѣйствительно люди *приставленные* къ судебному мѣсту и вполнѣ оправдывали свое названіе. Такъ какъ учрежденіе приставовъ, имѣвшихъ представительное значеніе, обусловливалось особеннымъ историческимъ развитіемъ той области, гдѣ они находились; поэтому ихъ значеніе было мѣстное и, не будучи въ состоя-

1. Соч. Куницына, стр. 24, 25 и 30.
2. ibid., стр. 24, 27.
3. Стр. 10.
4. Стр. 11 и 15.
5. ibid.
6. Стр. 12 и 13.
7. Стр. 7.
8. См. выше ст. «о поручительствѣ».

нія примѣниться вообще къ системѣ Русскаго судоустройства, исчезло вмѣстѣ съ независимостью городовъ, жившихъ на своей собственной волѣ.

V.

О СВИДѢТЕЛЯХЪ.

Послѣ того, какъ была подана въ судъ жалоба истцемъ на отвѣтчика, судебное мѣсто, собравъ различныя свѣдѣнія о дѣлѣ съ помощью произведеннаго слѣдствія и обыска, приступало къ разбору и сличенію судебныхъ доказательствъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто, по самому своему свойству, занимаетъ *признаніе*. Но такъ какъ о признаніи въ Псковской Судной Грамотѣ ничего прямо не говорится, то мы и перейдемъ къ другому способу открытія истины — *свидѣтелямъ*.

Псковская Судная Грамота вообще именуетъ свидѣтелей *послухами* [1], хотя однажды въ ней встрѣчается названіе *свидѣтель* [2]. Слово *послухъ* мы находимъ еще въ Русской Правдѣ, гдѣ оно означало человѣка, слышавшаго объ извѣстномъ происшествіи; напротивъ, подъ именемъ *видока* разумѣлось лицо, бывшее очевидцемъ случившагося событія [3]. Въ послѣдствіи названіе видока исчезло, и свидѣтель очевидецъ уже подписывался на крѣпости послухомъ, откуда произошло слово «послушествовать» (свидѣтельствовать), извѣстное въ Судебникахъ [4]. Далѣе въ Псковской Судной Грамотѣ упоминаются не разъ «сусѣди» [5] и «посторонніе люди» [6], свидѣтельство которыхъ было однимъ изъ употребительнѣйшихъ доказательствъ. Псковское законодательство не представляетъ опредѣленій о томъ, какія именно лица имѣли право свидѣтельствовать; но можно думать, что имъ пользовались только люди свободные, какъ это мы видимъ въ Новгородѣ, съ немногими исключеніями [7]. Число свидѣтельствовавшихъ лицъ указано въ Псковской Судной Грамотѣ только въ частныхъ случаяхъ, такъ что весьма затруднительно сдѣлать общее заключеніе. Изъ нея видно, что иногда употреблялось два, три

1. См. стр. 4, 5, 17.
2. Стр 10.
3. Изслѣд. Калачова, ст. CXVII — CXX.
4. Ср. П. С. Гр., стр. 17; также «О Суд. Іоан. IV», Калачова, въ Юрид. Зап. I, 130, 131; въ прилож. прим. 178.
5. П. С. Гр., стр. 2, 9.
6. ibid., стр. 9, 10, 15.
7. См. соч. Куницына, стр. 104.

человѣка [1], иногда было четыре и пять свидѣтелей [2]. По Русской Правдѣ, ихъ требовалось обыкновенно два и въ нѣкоторыхъ случаяхъ семь [3]. Одинъ послухъ считался достаточнымъ въ дѣлахъ маловажныхъ, напр. въ дѣлѣ о вырываніи бороды [4].

Нравственныя качества свидѣтелей, подробно опредѣляемыя Новгородскимъ Номоканономъ [5], въ Псковской Судной Грамотѣ не высказаны точнымъ образомъ : изъ нея видно, что свидѣтели носили названіе «*добрыхъ людей*» [6], встрѣчающееся весьма часто въ древнихъ юридическихъ памятникахъ и означавшее существенный, необходимый характеръ свидѣтелей [7]. Въ особенности Псковская Судная Грамота требуетъ отъ свидѣтеля правдивость и точность показаній : если истецъ ссылался на послуха, а послухъ не являлся въ судъ, или, явившись, не договаривалъ, или переговаривалъ, то онъ лишался званія свидѣтеля, а истецъ терялъ свое право на искъ [8]. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ оказывается дѣйствіе круговаго поручительства. Отчасти тоже самое постановленіе высказано и въ Новгородской Судной Грамотѣ въ словахъ «а послухъ истецъ хоронится, ино то послушство не въ послушство, а другаго истца тымъ и оправить» [9]. Въ Судебникѣ Іоанна III также находятся узаконенія, нѣсколько схожія съ вышепомянутыми: «А послухъ не пойдетъ предъ судью, есть ли за нимъ рѣчи, нѣтъ ли, ино на томъ послусѣ исцево и убытки и всѣ пошлины взяти»... [10] «А послушествуетъ послухъ лживо не видѣвъ, а обыщется то опослѣ, ино на томъ послухѣ гибель исцева вся и убытки [11]». Это же постановленіе вошло и въ Судебникъ Іоанна IV [12]. По Судебникамъ, вина падала уже не на истца, а на самаго послуха. Замѣтимъ, что Новгородская Судная Грамота говоритъ: «А Псковитину не послуховать, ни одерноватому холопу» [13]; слѣдовательно свидѣтельство Псковитянина въ Новгородѣ ни по какимъ причинамъ не допускалось.

Псковское законодательство повелѣваетъ иногда самому судебному мѣсту ставить свидѣтелей, именно въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ гово-

1. П. С. Гр., стр. 10.
2. ibid., стр. 2, 5, 9.
3. См. соч. Куницына, стр. 105.
4. П. С. Гр., стр. 17.
5. Ст. «о послухахъ и судіяхъ».
6. Стр. 9.
7. Ср. Акты Юрид., № 6, Правая Грамота 1490 года.
8. П. С. Гр., стр. 4.
9. А. А. Э. I, № 92, стр. 71.
10. Акты Ист. I, стр. 151, ст. «о послушествѣ».
11. ibid., ст. «о посулѣхъ и послушествѣ».
12. Акты Ист. I, стр. 99.
13. А. А. Э. I, № 92.

рилъ, что послухъ, на котораго ссылался истецъ, дѣйствовалъ за одно съ послѣднимъ; «ино тотъ послухъ въ послухъ, котораго на судѣ наимянуютъ» [1]. Тоже самое предписывалось, если отвѣтчикъ, обвиненный въ разбоѣ, не ссылался на послуха; тогда господа должна была «послать съ суду своихъ людей». Впрочемъ не ссылавшійся на свидѣтелей не подвергался никакому наказанію [2].

По Русской Правдѣ, свидѣтель, явившись въ судъ, долженъ былъ подтвердить свои слова присягою [3]; но въ послѣдствіи присяга, замѣнилась нѣкоторыми обычными формулами, имѣвшими равносильное нравственное значеніе. Такъ изъ Псковской Судной Грамоты можно усмотрѣть, что свидѣтели обыкновенно говорили «какъ право передъ Богомъ» [4]. Поэтому съ свидѣтелей иногда требовалась присяга, напр. въ дѣлахъ о грабежѣ [5], иногда же она признавалась ненужною, напр. въ случаѣ иска о покрутѣ государя на изорника [6]. Но обычная формула существовала во всякомъ случаѣ, требовалась ли присяга или нѣтъ. Такимъ образомъ мы можемъ полагать, что она имѣла менѣе значенія, нежели присяга, и замѣняла ее только въ маловажныхъ дѣлахъ.

Если на сторонѣ одного изъ тяжущихся былъ одинъ свидѣтель, а на сторонѣ другаго ни одного, то послѣднему позволено было присягнуть въ правости своей тяжбы и вступить съ противникомъ въ поединокъ [7]. Псковская Судная Грамота запрещаетъ выставлять вмѣсто себя наймита при поединкѣ, хотя позволяетъ тяжущимся старымъ, малолѣтнымъ, увѣчнымъ и духовнымъ нанимать противъ послуха наймита, если они принуждены идти на поле [8]. Если послухъ свидѣтельствовалъ о вырываніи бороды у истца, то онъ долженъ былъ подтвердить свои слова, выходя на поле съ отвѣтчикомъ [9]. Въ Новгородской Судной Грамотѣ вовсе не упоминается о судебныхъ поединкахъ съ свидѣтелемъ; но постановленіе Псковской Судной Грамоты вошло въ Судебникъ Іоанна III, гдѣ говорится: «А противу послуха отвѣтчикъ будетъ старъ или малъ, или чемъ увѣченъ, или попъ или чернецъ, или черница, или жонка, ино противу послуха наймитъ наняти вольно, а послуху наймита нѣтъ [10]». Тоже самое

1. П. С. Гр., стр. 4.
2. ibid., стр. 4, 5.
3. Ст. CXXXIII.
4. См. стр. 4, 9 и 10; также въ прилож. прим. 25.
5. П. С. Гр., стр. 4.
6. ibid., стр. 9.
7. О Суд. Іоан. IV, Калачова, Ю. З. I, 133.
8. Стр. 4.
9. П. С. Гр., стр. 17.
10. А. И. I, ст. «о послушествѣ».

повторено и въ Судебникѣ Іоанна IV [1]. Иногда вмѣсто того, чтобъ идти на судебный поединокъ, свидѣтель имѣлъ право, по Псковскому законодательству, положить у креста спорную вещь [2]. По Судебнику Іоанна IV, если свидѣтель своими показаніями обвинялъ кого либо въ бою, грабежѣ, займѣ, то отдавалося на волю отвѣтчика : вступить въ поединокъ съ свидѣтелемъ или присягнуть; въ первомъ случаѣ отвѣтчикъ имѣлъ право поставить вмѣсто себя наймита [3].

Псковская Судная Грамота признаетъ присутствіе свидѣтелей необходимымъ въ слѣдующихъ случаяхъ : a) въ случаѣ иска о пахатной землѣ или о водѣ, для доказательства давности владѣнія [4]; b) въ случаѣ иска о боѣ и грабежѣ, для удостовѣренія въ томъ, гдѣ истецъ обѣдалъ и ночевалъ [5]; c) въ случаѣ разбоя, въ которомъ впрочемъ ссылка на свидѣтеля не была безусловно обязательною для тяжущихся [6]; d) въ случаѣ иска о покрутѣ хозяина противъ изорника, для удостовѣренія въ томъ, какъ велъ себя на селѣ послѣдній [7]; e) въ случаѣ иска о наслѣдствѣ, доставшемся или по закону, или по завѣщанію [8]; f) въ случаѣ спора о вещи, купленной на торгу; если тяжущійся не могъ представить свидѣтеля, то онъ долженъ былъ дать присягу въ справедливости своего иска [9]; g) въ случаѣ обвиненія приставами противъ отвѣтчика, за которымъ они были посланы [10]; h) въ случаѣ продажи имущества изорника для уплаты его долговъ; свидѣтели присутствовали тогда вмѣстѣ съ приставами и губными старостами [11]; i) въ случаѣ даренія вещи владѣльцемъ ся своему племяннику; при этомъ грамоты на владѣніе должны были отдаваться одаренному предъ священникомъ и посторонними людьми [12]; k) въ случаѣ вырыванія бороды во время драки : свидѣтель обязанъ былъ выходить на поединокъ съ отвѣтчикомъ [13]. По Русской Правдѣ, эта обида считалась за большое безчестіе; за нея взыскивалась значительная пошлина и жалоба на обидчика могла быть принесена судебному мѣсту только въ присутствіи свидѣтелей [14].

1. Ст. 15, 16, 19.
2. П. С. Гр., стр. 4.
3. А. И. I, ст. 15, 16, 19.
4. П. С. Гр., стр. 2.
5. ibid , стр. 4.
6. ibid., стр. 4 — 5.
7. ibid., стр. 9.
8. ibid.
9. ibid., стр. 9 — 10.
10. ibid., стр. 10.
11. ibid., стр. 11 и 12.
12. ibid., стр. 12.
13. ibid., стр. 17.
14. См. изслѣд. Калачова, стр 134, ст. CXXXIV.

VI.

О присягѣ.

Для означенія присяги въ Псковской Судной Грамотѣ употребляются слѣдующія названія: *крестное цѣлованіе*, *правда*, *вольная рота* и *судная рота*. Опредѣлить въ точности ихъ различія довольно трудно; такъ напр. крестное цѣлованіе и правда, кажется, ничѣмъ не отличались другъ отъ друга [1]. Обряды, совершаемые при цѣлованіи креста, намъ мало извѣстны; вообще можно думать, что присяга давалась въ присутствіи судебныхъ лицъ и свидѣтелей. Тоже значеніе имѣла и рота [2]. Въ Псковской Судной Грамотѣ она раздѣляется на вольную [3] и судную [4]: первая принималась судебнымъ мѣстомъ въ слѣдствіе обоюднаго согласія тяжущихся сторонъ (juramentum voluntarium); вторая требовалась судомъ на основаніи закона (juramentum necessarium) [5]. Названіе рота встрѣчается еще въ Русской Правдѣ [6]. Изъ Псковской Судной Грамоты видно, что вольная рота имѣла мѣсто тогда, когда истецъ не могъ представить въ судъ никакихъ доказательствъ противъ своего отвѣтчика, такъ напр. въ дѣлѣ о зажигательствѣ [7]; вообще каждый могъ требовать своего противника, въ слѣдствіе подозрѣнія, непріязни и т. п. [8] Вольная рота употреблялась преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда предоставлялось на волю истца идти на судебный поединокъ, положить у креста спорную вещь или дать присягу. Здѣсь присяга требовалась собственно не отъ судебнаго мѣста, а зависѣла отъ воли отвѣтчика, который могъ замѣнить ее другимъ судебнымъ доказательствомъ. Подобные случаи упоминаются довольно часто въ Псковской Судной Грамотѣ [9]; тоже самое находится и въ Судебникѣ Іоанна III, гдѣ говорится «ино дати на того волю, на комъ ищутъ, хочетъ на поле съ послухомъ лѣзетъ, или ставъ у поля у креста положитъ (чего) на немъ ищутъ и истецъ поцѣловавъ свое возметъ, а отвѣтчикъ полевые пошлины заплатитъ, и вины ему убытся нѣтъ» [10]. Это постановленіе вошло въ со-

1. Ср. въ прилож. прим. 26 и 38.
2. ibid., прим. 86. Ср. Рус. Дост. II, стр. 72, 79, 135, 136.
3. П. С. Гр., стр. 6, 7, 17.
4. ibid., стр. 15.
5. Ср. соч. Купцына, стр. 109, 110.
6. Изслѣд. Калачова, стр. 126; ст. «о запреніи кунъ» и «о татьбѣ»
7. Стр. 17.
8. Стр. 6.
9. См. стр. 3, 7 и т. д.
10. А. И. I, ст. «о послушествѣ»; ср. также ст. «о чюжеземцѣхъ».

ставъ Судебника Іоанна IV [1]. Болѣе дѣйствительное значеніе имѣла рота судная. Псковское законодательство опредѣляетъ, что отвѣтчикъ, неявившійся на судную роту, теряетъ право на спорную вещь, слѣд. признается виновнымъ [2]. Въ этомъ случаѣ отвѣтчикъ уже не могъ замѣнить присягу другимъ способомъ открытія истины; но долженъ былъ безусловно повиноваться требованію судебнаго мѣста. По Новгородской Судной Грамотѣ, жалоба истца, отрекшагося отъ присяги, не приводилась въ исполненіе; если же отвѣтчикъ уклонялся отъ присяги, то это считалось какъ бы признаніемъ въ виновности [3]. Замѣтимъ, что въ Псковской Судной Грамотѣ весьма часто встрѣчается вольная рота, хотя она и носитъ общее названіе крестнаго цѣлованія или правды.

Особый видъ присяги составляло положеніе у креста спорной вещи. Понятно, что это доказательство употреблялось только въ томъ случаѣ, когда велась тяжба о движимой собственности. Утверждавшій присягою свое право на вещь, поцѣловавъ крестъ, бралъ ее, какъ законно ему принадлежащую [4].

Всѣ постановленія Псковской Судной Грамоты, упоминающія о присягѣ, можно раздѣлить на слѣдующія три отдѣленія: 1, присяга употреблялась исключительно, какъ единственное доказательство для рѣшенія дѣла; слѣд. это была присяга или рота *судная;* 2, присяга давалась по желанію тяжущихся сторонъ, это была рота *вольная*, здѣсь же подразумѣваются сами собой положеніе у креста спорной вещи или выходъ на судебный поединокъ: 3, въ нѣкоторыхъ искахъ принесеніе присяги считалось ненужнымъ.

Судная присяга требовалась въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ случаѣ иска о пропавшей вещи, купленной отвѣтчикомъ на торгу: послѣдній «давалъ правду», что не зналъ вора [5]; b) въ случаѣ иска о вещи, купленной «на чюжой землѣ, или на городѣ» [6]; по Судебнику Іоанна III, если купившій спорную вещь на чужой землѣ представлялъ въ судъ свидѣтелей, подтверждавшихъ его слова, «ино тотъ правъ у кого поимается, и цѣлованіа ему нѣтъ»; въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ дать присягу [7]; с) въ случаѣ иска государя о покрутѣ противъ своего изорника; при этомъ присяга хотя и была необходима, но дать ее могъ или самъ

1. А. И. I, Суд. Іоан. IV, ст: 19 и 27.
2. П. С. Гр., стр. 15.
3. А. А. Э. I, № 92.
4. Ср. соч. Куницына, стр. 110.
5. П. С. Гр., стр. 8.
6. ibid.
7. А. И. I, стр. 154, ст о торговцѣхъ.

хозяинъ, или повѣрить въ томъ изорнику [1]; d) въ случаѣ иска о законности наслѣдства, не подтвержденной свидѣтелями [2]; e) въ случаѣ неимѣнія свидѣтелей, которые подтвердили бы, гдѣ именно купилъ отвѣтчикъ спорную вещь [3]; f) въ случаѣ обвиненія приставовъ противъ непустившаго ихъ къ себѣ отвѣтчика [4]; g) если предъявлялось взысканіе на долгъ отца, не упомянутый въ записи, старшему брату, живущему вмѣстѣ съ младшимъ, то, по принятіи присяги отъ истца, старшій братъ долженъ былъ заплатить долгъ изъ общаго имущества и остатокъ раздѣлить пополамъ [5]; h) если младшій братъ или племянникъ, живя вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, пользовался его деньгами и въ томъ запирался, то онъ долженъ былъ дать присягу, что не виноватъ, и подѣлиться своимъ имуществомъ [6]; i) если мастеръ велъ искъ противъ ученика, то присяга была также необходима, т. е. она не замѣнялась никакимъ другимъ способомъ доказательства правости дѣла, но принесеніе ея предоставлялось на выборъ или истцу, или отвѣтчику [7]; k) въ случаѣ спора о землѣ или бортныхъ ухожьяхъ противъ многихъ совладѣльцевъ [8]; l) въ случаѣ иска о животныхъ, выращенныхъ на дому у отвѣтчика [9].

Вольная присяга происходила въ слѣдующихъ случаяхъ: a) въ случаѣ спора о землѣ и представленія въ судъ записи на ея выкупъ: если у отвѣтчика находились старинныя грамоты, то онъ могъ, по выбору, или идти съ истцомъ на судебный поединокъ, или вести его къ присягѣ [10]; b) въ случаѣ иска закупна или скотника [11]; c) въ случаѣ иска о дракѣ или грабежѣ [12]; d) въ случаѣ иска о деньгахъ, отданныхъ въ заемъ съ закладомъ [13]; e) въ случаѣ воровства, истецъ велъ виновнаго къ *ротѣ*, вѣроятно, вольной [14]; f) въ случаѣ иска о вещи, купленной отвѣтчикомъ [15]; g) въ случаѣ иска вдовы противъ своего свекра или деверя объ имуществѣ умершаго мужа [16]; h) въ случаѣ иска о деньгахъ, принадлежащихъ

1. П. С. Гр., стр. 9.
2. ibid.
3. ibid., стр. 9, 10.
4. ibid., стр. 10.
5. ibid., стр. 14, 15.
6. ibid., стр. 15.
7. ibid., стр. 15.
8. ibid., стр. 16.
9. ibid., стр. 17.
10. ibid., стр. 3.
11. ibid., стр. 4.
12. ibid.
13. ibid., стр. 5; также 5, 6.
14. ibid., стр 7.
15. ibid., стр. 9.
16. ibid., стр. 14.

соучастнику истца; при этомъ исключены купеческія и торговыя дѣла [1]; i) въ случаѣ иска о торговлѣ предоставлялось тяжущимся или дать присягу, или идти на судебный поединокъ [2]; k) въ случаѣ иска чужеземца о дракѣ и грабежѣ, произведенныхъ на чужой землѣ [3]; l) въ случаѣ иска объ отданныхъ въ закладъ деньгахъ [4].

Присяга вовсе не признавалась необходимою a) въ дѣлѣ о землѣ опольей или о водѣ: если свидѣтели доказывали, что истецъ безспорно владѣлъ землею или водою въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ, то съ истца не требовалась присяга [5]; b) въ дѣлѣ о законности наслѣдства, подтвержденной четырьмя или пятью свидѣтелями [6]; c) въ случаѣ подтвержденія свидѣтелями, что отвѣтчикъ купилъ предъ ними спорную вещь на рынкѣ [7]; это постановленіе вошло въ Судебникъ Іоанна III [8]; d) въ томъ случаѣ, если самъ истецъ отпускалъ своего отвѣтчика «даромъ безъ цѣлованія [9]»; e) въ случаѣ отдачи имущества родственникамъ умершаго супруга оставшимся въ живыхъ, присягавшимъ въ томъ, что онъ отдалъ все безъ остатка [10]; f) въ случаѣ выкупа ближнимъ племенемъ заклада у тяжущагося, имѣвшаго запись на умершаго, присяга не требовалась съ истца [11]; g) въ случаѣ продажи или мѣны вещи, совершенныхъ обѣими сторонами въ пьяномъ состояніи [12].

Изъ всего этого видно, что присяга весьма часто употреблялась въ Псковскомъ законодательствѣ и служила важнымъ доказательствомъ какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. Вообще въ древнемъ Русскомъ судопроизводствѣ присяга имѣла значеніе одного изъ самыхъ главныхъ способовъ для открытія истины. Ея чисто юридическое примѣненіе было двоякаго рода: 1, она употреблялась за неимѣніемъ другихъ доказательствъ, и 2, въ случаѣ ихъ неосновательности и трудности рѣшить по нимъ дѣло. Въ этомъ состояло общее, судебное значеніе присяги; оно было такимъ образомъ ограничено этими двумя случаями и имѣло въ послѣдствіи, въ періодъ Судебниковъ, такую же силу, какъ и судебный поединокъ. Но въ присягѣ выражалась еще другая сторона,

1. П. С. Гр., стр. 14.
2. ibid., стр. 15.
3. ibid., стр. 16.
4. ibid.
5. ibid., стр. 2.
6. ibid., стр. 9.
7. ibid., стр 9—10.
8. А. И. I, стр. 154, ст. «о торговцѣхъ».
9. П. С. Гр., стр. 4.
10. ibid., стр. 14.
11. ibid., стр. 16.
12. ibid., стр. 17.

проистекавшая изъ твердой увѣренности народа въ непреложность суда Божіяго; обычное значеніе присяги придавало ей такую дѣйствительность, что она употреблялась даже и тогда, когда въ судъ были представлены матеріяльные документы, служившіе явнымъ доказательствомъ невинности одного изъ подсудимыхъ и виновности другаго; напр. если на сторонѣ истца были всѣ акты, служившіе удостовѣреніемъ его правъ, а отвѣтчикъ давалъ присягу въ томъ, что его дѣло справедливо, то несмотря на очевидность доказательствъ противной стороны, онъ признавался невиннымъ. Это начало принято и въ Псковскомъ законодательствѣ, въ которомъ по бо̀льшей части, присяга служила главнымъ и окончательнымъ судебнымъ удостовѣреніемъ. Письменные акты имѣли менѣе значенія и силы доказательности, нежели присяга [1]. Такое неограниченное примѣненіе присяги могло бы вести къ большимъ злоупотребленіямъ, но пр. Эверсъ справедливо полагаетъ, что опасеніе подобнаго злоупотребленія не могло имѣть мѣста у народовъ древнихъ. Причиною этого была опасность, которой подвергался ложно присягнувшій отъ всего округа, потому что древніе народы легче могли знать и ближе брали къ сердцу такія злоупотребленія; съ другой стороны онъ долженъ былъ опасаться мести несправедливо обвиненнаго [2]. Разсматривая значеніе присяги въ исторіи Русскаго судопроизводства вообще, мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ различныя судебныя доказательства и отношенія между ними стали опредѣляться законами, присяга постепенно теряетъ свой характеръ главнаго и преимущественнаго способа открытія истины и нисходитъ на степень прочихъ судебныхъ доказательствъ. Но въ Псковскомъ законодательствѣ существовало примѣненіе присяги въ полной силѣ даже и въ XV ст. Это явленіе произошло вслѣдствіе бо̀льшаго развитія обычнаго права въ Псковской области, нежели въ другихъ частяхъ Россіи. Фактическое значеніе письменныхъ актовъ было поэтому ничтожно, если въ бо̀льшей части случаевъ, при ихъ существованіи, окончательнымъ удостовѣреніемъ служила присяга. Требованіе закономъ матеріяльныхъ доказательствъ было только слѣдствіемъ стремленія законодательства къ юридической формѣ, къ формализму; но это стремленіе существо̀вало исключительно у *судей*, у людей служебныхъ, и не вошло въ сознаніе народа, не привилось къ его нравственнымъ убѣжденіямъ; вслѣдствіе этого обстоятельства присяга вполнѣ сохраняла свою обычную силу.

1. См. выше ст. о письменныхъ актахъ, ч. I.
2. О Суд. Іоан. IV, Калачова, Ю. З. I, 143.

VII.

О СУДЕБНОМЪ ПОЕДИНКѢ.

Къ числу общеупотребительныхъ доказательствъ справедливости дѣла принадлежали судебные поединки. Начало ихъ учрежденія относится къ временамъ глубокой древности. Въ Русской Правдѣ хотя о нихъ прямо не говорится, но издатели ея полагаютъ, что поединки подразумѣвались ея узаконеніями и уже были въ обычаѣ при ея изданіи [1]. Въ первый разъ точное указаніе на существованіе поединковъ мы находимъ въ Договорной Грамотѣ Мстислава 1229 г. [2] Послѣдующіе законы постепенно опредѣляли случаи, въ которыхъ поединки были дозволены, оружіе, которымъ сражались спорившія стороны, и самое производство поединка [3].

Псковская Судная Грамота постановляетъ, что могли выходить на поединокъ не только мужчины, но и женщины [4]. По общему правилу, каждый изъ тяжущихся долженъ былъ самъ лично драться на поединкѣ, но чтобы бой былъ равенъ, дозволялось выходить бойцу съ бойцемъ, а не бойцу съ небойцемъ; поэтому малолѣтные, престарѣлые, больные, увѣчные и женщины (если женщина оспаривала дѣло противъ мужчины) имѣли право нанимать и ставить вмѣсто себя для боя наемниковъ (наймитовъ) [5]. Если искъ вела женщина противъ женщины, то обѣимъ запрещалось имѣть наймитовъ [6]. Поединокъ допускался также между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ, при этомъ наймиты употреблялись только въ особенныхъ случаяхъ [7]. Обвиняемый обязанъ былъ драться на поединкѣ съ однимъ свидѣтелемъ, а не со многими, какъ по тому, что въ противномъ случаѣ бой былъ бы неравенъ, такъ и по тому, что показаніе многихъ свидѣтелей вмѣстѣ, составляя полное доказательство, дѣлало поединокъ ненужнымъ [8]. Относительно случаевъ, въ которыхъ дозволялись поединки, должно замѣтить, что выходъ на поле предоставлялся на выборъ тяжущихся сторонъ и большею частью имѣлъ туже силу доказательности, какъ присяга и положеніе у креста спорной вещи. Впрочемъ иногда Псковская Судная Грамота упоминаетъ исключительно о судебномъ поединкѣ;

1. См. Рус. Правду, изд. 1792 г., прим. на ст. III и IV; также Ibn-Fozlan, von Frähn, 3.
2. Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 1.
3. См. соч. г. Михайлова, стр. 110.
4. П. С. Гр., стр. 18.
5. ibid., стр. 7; ср. соч. Куницына стр. 114—115.
6. П. С. Гр., стр. 18.
7. ibid., стр. 5, 7, 17.
8. Соч. Куницына, стр. 115.

такъ напр. онъ присуждался въ случаѣ иска о землѣ между владѣльцами, имѣвшими на нее грамоты и предварительно взявшими для изслѣдованія межевщиковъ [1]; въ случаѣ грабежа,—тогда отвѣтчикъ ходилъ на поле съ послухомъ, свидѣтельствовавшимъ противъ него [2]; тоже самое присуждалось въ случаѣ вырыванія бороды [3]. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ употребленіе поединка совершенно запрещалось: именно въ дѣлѣ о закладныхъ доскахъ [4].

Наконецъ поле упоминается преимущественно наравнѣ съ другими доказательствами; это происходило: 1, въ случаѣ иска о землѣ лицомъ, имѣвшимъ запись на выкупъ спорной земли и ведущимъ искъ противъ отвѣтчика, владѣвшаго старыми грамотами [5]; 2, въ случаѣ иска закупна или скотника [6]; 3, въ случаѣ иска о дракѣ или грабежѣ; тогда отвѣтчикъ могъ выходить на поле съ послухомъ [7]; 4, въ случаѣ иска о сябреномъ серебрѣ [8]; 5, въ случаѣ иска о торговлѣ или поручительствѣ [9]: 6, въ случаѣ иска о деньгахъ, отданныхъ въ закладъ [10].

Изъ Псковской Судной Грамоты видно, что поединки происходили въ присутствіи приставовъ [11]; можно догадываться, что при рѣшеніи дѣла полемъ находились Посадникъ и Намѣстникъ, какъ это прямо упоминается въ Новгородской Судной Грамотѣ [12]. Псковское законодательство постановляетъ, что сражавшіеся должны были выходить на бой въ доспѣхахъ, которые снимали по его окончаніи [13]. Въ Новгородѣ оружіе сражавшихся составляли дубины (ослопы) и палки; обѣ стороны выходили на бой въ шишакахъ и желѣзныхъ латахъ [14].

Результатъ поединка состоялъ въ томъ, что побѣжденный отвѣтчикъ подвергался взысканію того, чего искалъ истецъ, и уплатѣ полевыхъ пошлинъ, княжей продажи и приставной обоимъ приставамъ по 6 денегъ. Если тяжущіеся мирились, то во всякомъ случаѣ должны были платить пошлину приставамъ [15]. Побѣжденному истцу отказывали въ его искѣ [16].

1. П. С. Гр., стр. 2.
2. ibid., стр. 5.
3. ibid., стр. 17.
4. ibid., стр. 5.
5. ibid., стр. 3.
6. ibid., стр. 4.
7. ibid.
8. ibid., стр. 14.
9. ibid., стр. 13.
10. ibid., стр. 16.
11. П. С Гр., стр 7.
12. А. А. Э. I, № 92; ср. соч. Куницына, стр. 115.
13. П. С. Гр., стр. 7.
14. Соч. Куницына, стр. 115
15. П. С. Гр., стр. 7.
16. См. соч. Михайлова, стр. 112.

Постановленія Псковской Судной Грамоты о судебномъ поединкѣ не заключаютъ въ себѣ никакихъ особенно замѣчательныхъ законовъ. Большую часть изъ нихъ мы встрѣчаемъ въ Новгородской Судной Грамотѣ и Судебникахъ. Связь между ними очевидна по тому самому, что судебные поединки въ тѣхъ областяхъ, гдѣ были въ обыкновеніи, имѣли одно общее значеніе, общее производство и дѣйствіе и различались между собою только въ примѣненіи къ извѣстнымъ случаямъ и дѣламъ, опредѣленнымъ мѣстными законами и обычаями[1].

VIII.

О ШТРАФАХЪ И СУДЕБНЫХЪ ПОШЛИНАХЪ.

Во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія понятія денежнаго штрафа и судебныхъ пошлинъ не были отдѣлены другъ отъ друга. Законодательство еще не имѣло яснаго сознанія о различіи того и другаго рода денежныхъ взысканій и потому часто ихъ смѣшивало между собою. Рѣшеніе спорнаго дѣла состояло обыкновенно въ томъ, что не только возстановлялось нарушенное право, но виновный присуждался къ вознагражденію своего противника и къ уплатѣ различныхъ суммъ въ пользу судей и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ судебномъ разбирательствѣ. Отсюда само собою объясняется различіе денежныхъ наказаній, падавшихъ на виновнаго: съ одной стороны онъ долженъ былъ заплатить *штрафъ*, съ другой — *судебную пошлину*. Въ Псковской Судной Грамотѣ штрафы не носятъ никакихъ особенныхъ названій; впрочемъ въ ней упоминаются *проторы*[2] и *пеня*[3]; они, безъ сомнѣнія, опредѣлялись различно и отличались разнообразіемъ и многочисленностью, смотря по роду преступленія и мѣрѣ вины.

Судебная пошлина, взыскиваемая съ виновнаго, по окончаніи дѣла, означена въ Псковской Судной Грамотѣ общимъ наименованіемъ *продажи*[4]. Она взималась только тогда, когда спорившія стороны прибѣгали къ судебному разбирательству; если же «они брали промежъ себе про-

1. Связь нѣкоторыхъ постановленій П. С. Гр. о судебномъ поединкѣ съ законами предыдущаго и послѣдующаго времени разсмотрѣна нами въ ст. о наймѣ, о правахъ на дѣйствія, имѣющихъ свое основаніе въ обл..ахъ, о свидѣтеляхъ, о присягѣ и др.
2. П. С. Гр., стр. 14. Можно думать, что здѣсь *проторы* означаютъ издержки или убытокъ, понесенный одною изъ тяжущихся сторонъ, а не судебную пошлину; ср. въ прилож. прим. 155.
3. П. С. Гр., стр. 12.
4. ibid., стр. 1, 7, 9, 13, 15, 17, 18; ср. статью «о правахъ на дѣйствія, имѣющихъ свое основаніе въ обидахъ».

щенье,» т. е. мирились, то съ нихъ не требовалось ничего въ казну княжескую [1]. Продажу платили какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. Русская Правда, подъ именемъ продажи, подразумѣваетъ не только судебныя пошлины, но и вообще всякій штрафъ, взимаемый съ виновнаго въ пользу обиженнаго, чего вовсе не видно изъ постановленій Псковской Судной Грамоты. Величина продажи опредѣляется въ Русской Правдѣ 1) званіемъ лица, бывшаго предметомъ преступленія; 2) большею или меньшею важностью нарушеннаго права; 3) величиною вреда, причиненнаго въ собственности, и наконецъ 4) бóльшею или меньшею удобностью учинить преступленіе [2].

Кромѣ продажи, въ Псковской Судной Грамотѣ упоминаются: *подсудничье*, взимаемое княземъ, посадникомъ и сотскими [3], и *заповѣдь*, означавшая пеню за нарушеніе наложеннаго запрещенія [4].

Къ особенному виду судебныхъ пошлинъ, въ частности встрѣчаемыхъ въ Псковской Судной Грамотѣ, принадлежатъ слѣдующія:

Приставное платилось приставамъ за присутствіе ихъ на судебномъ поединкѣ [5], за производство слѣдствія въ дѣлѣ о воровствѣ или грабежѣ [6], за нахожденіе скрывшагося преступника [7]. Приставная пошлина, смотря по тому, къ какимъ лицамъ и къ какому роду дѣлъ прилагалась, имѣла различныя частныя названія; такъ напр. княжескіе люди и подвойскіе получали за свои труды *ѣздъ*, который взимался съ подсудимыхъ [8]. Обыкновенно онъ полагался по деньгѣ за десять верстъ [9]. Приставъ, ѣхавшій для слѣдствія въ дѣлѣ о воровствѣ, получалъ ѣздъ вдвое; если виновнаго нельзя было отыскать, то пошлина взималась съ истца, взявшаго пристава [10]. По Новгородской Судной Грамотѣ, назначалось *хоженой пошлины* на сто верстъ четыре деньги [11]. Вообще въ ней пошлины опредѣлены гораздо подробнѣе, нежели въ Псковской Судной Грамотѣ.

Если виновный содержался въ оковахъ, то приставы получали съ него *желѣзное* [12]. По Русской Правдѣ, желѣзная пошлина взималась за испытаніе желѣзомъ.

1. П. С. Гр., стр. 13.
2. Постановленія Русской Правды о штрафахъ и судебныхъ пошлинахъ разсмотрѣны въ соч. г. Куницына, стр. 128—130.
3. П. С. Гр., стр. 3.
4. ibid., стр. 14.
5. ibid., стр. .
6. ibid., стр. 11.
7. ibid., стр. 14; ср. въ прилож. прим. 88.
8. П. С. Гр., стр. 8, 9, 11.
9. ibid., стр. 8—9.
10. ibid., стр. 11.
11. А. А. Э № 92: «А кто пошлется на послуха» и т. д.
12. П. С. Гр., стр. 14; ср. въ прилож. прим. 157.

Пошлина, платимая въ пользу подверниковъ, именовалась *дверскимъ*. Если истецъ не доказывалъ вины отвѣтчика, то онъ долженъ былъ самъ уплатить эту пошлину [1].

Печатная пошлина взималась за приложеніе печати къ судебнымъ актамъ: грамотамъ приставнымъ, безсуднымъ, позовницамъ, судницамъ [2] и т. п. Количество ея не превосходило обыкновенно одной деньги; печать была княжеская или Св. Троицы. За написаніе этихъ же грамотъ, княжескій писецъ получалъ также по деньгѣ [3]. Пошлина, выдававшаяся писцу, въ другихъ древнихъ актахъ называется *писчею*.

Относительно прочихъ послѣдствій судебнаго рѣшенія, т. е. исполненія самаго опредѣленія, даннаго судомъ, въ Псковской Судной Грамотѣ не находится никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Она только упоминаетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ выдавалась присутственнымъ мѣстомъ *судница* [4], т. е. грамота, въ которой излагалось рѣшеніе суда и которая была написана писцомъ и скрѣплена печатью. Получившій подобную грамоту имѣлъ право, на ея основаніи, требовать исполненія судебнаго приговора и пользоваться безспорно своимъ правомъ.

1. П. С. Гр., стр. 11.
2. ibid., стр. 9 и 13.
3. ibid., стр. 13.
4. ibid., стр. 3 и 13.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПЕРЕВОДЪ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ 1467 ГОДА [*].

—

Сія грамота выписана изъ грамотъ Великаго Князя Александра и Князя Константина и изъ всѣхъ приписковъ Псковской старины [1], по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти соборовъ и священниковъ, и діаконовъ [a], и всего Божьяго священства, Псковомъ на вѣчѣ, въ 1467 [b] году.

—

Вотъ судъ княжескій. Если обкрадутъ кладовую [2] подъ замкомъ, или украдутъ сани подъ полстью, или возъ изъ сарая [3], или ладью подъ палубою [4], или хлѣбъ съ гумна [5], или скота, или сѣно въ скирдахъ, то на все имѣть судъ княжескій и взыскивать 9 денегъ. За разбой, нападеніе [6], грабежъ платить 70 гривенъ; въ княжескую казну пошлины [7] 19 денегъ и 4 деньги князю и посаднику. Владыкѣ же намѣстнику [8] также производить судъ [9] и суда его не пересужать; суда же княжескаго не разбирать ни судьямъ, ни намѣстнику. Стр. 1.

Посадникъ, возведенный въ посадничество, долженъ присягать, что бу-

* Числа, поставленныя подлѣ извѣстнаго слова, соотвѣтствуютъ примѣчаніямъ, находящимся въ приложеніи подъ № II.

a. Слово «священноиноковъ» было писцомъ повторено, но въ текстѣ же помѣчено излишнимъ. Всѣ выноски, отмѣченныя латинскими буквами, мы, для большей ясности, заимствуемъ изъ объясненій издателя Грамоты.

b. Мы не можемъ вполнѣ ручаться за достовѣрность этого года, принятаго г. Мурзакевичемъ въ его печатномъ спискѣ, тѣмъ болѣе, что не имѣли возможности видѣть рукописнаго подлинника.

детъ судить справедливо, по присягѣ, не будетъ пользоваться городскими доходами [10], не будетъ метить никому своимъ судомъ, не потворствовать своимъ роднымъ, не губить праваго, не награждать виновнаго; безъ разбирательства [11] не осуждать никого ни въ судѣ, ни на вѣчѣ.

Князю и посаднику на вѣчѣ суда не производить, судить же имъ на
Стр 2. крыльцѣ княжескомъ, по справедливости и присягѣ. Если же будутъ они судить несправедливо, то да будетъ имъ судія Богъ, на второмъ пришествіи Христа. Тайныхъ взятокъ [12] не имѣть ни князю, ни посаднику [a].

Если какому нибудь лицу, подвѣдомственному князю [13], назначено служить въ пригородѣ [14] намѣстникомъ, то присягать ему въ томъ, что онъ желаетъ Пскову добра, и судить ему по справедливости и присягѣ.

Если ему ѣхать на какое [b] . . . .

. . . .

. . . .

Если посадникъ оставитъ свою должность, то окончить [15] ему самому свои дѣла [16] и судъ, и преемнику [17] суда его не пересужать.

Компатнаго [c] вора [18], конокрада [19], тайнаго передатчика вѣстей [20], зажигателя лишать жизни. Если кто въ посадѣ [21] будетъ воровать, то дважды помиловать, а въ третій разъ уличить и наказать по винѣ, лишивъ жизни, какъ компатнаго вора [d].

Если съ кѣмъ либо будетъ споръ о пахатной землѣ [22], или о водѣ, а на той землѣ находится дворъ (строеніе), или запаханныя нивы, и отвѣт-
Стр. 3. чикъ воздѣлываетъ ту землю [23] и владѣетъ ею или водою года 4 или 5, то онъ долженъ сослаться на сосѣдей, числомъ 4 или 5. Когда сосѣди, на которыхъ онъ сослался, скажутъ на ставкѣ [24], что онъ справедливъ, какъ право передъ Богомъ [25], что отвѣтчикъ воздѣлываетъ ту землю и владѣетъ ею или водою 4 или 5 лѣтъ и что противникъ его въ продолженіе этихъ лѣтъ не судился съ нимъ и не предъявлялъ своихъ правъ ни на землю, ни на воду; то какъ земля, такъ и вода освобождаются отъ всякаго спора и клятвенныхъ удостовѣреній [26] и не переходятъ во власть того, кто не судился и не объявлялъ притязаній на нихъ во все это время [27].

a. Продолженіе сего §, переписчикомъ грамоты, отнесено гораздо ниже. Эта ошибка произошла вѣроятно отъ того, что въ подлинникѣ грамоты листы были перемѣшаны, или неправильно сшиты, чего переписчикъ не замѣтилъ (Пр. Изд.). Для удобства сличенія перевода съ оригиналомъ, мы помѣтили страницы такъ, какъ онѣ означены въ печатномъ изданіи.

b. Здѣсь, въ подлинникѣ оставленъ пробѣлъ въ двѣ съ половиной строки.

c. Въ подлинникѣ на полѣ другою рукою приписано «храмскому».

d. Должно читать: «какъ храмъскому татю».

Судъ о землѣ подъ лѣсомъ [28] происходитъ въ томъ случаѣ, когда двое лицъ представятъ въ судебное мѣсто письменныя доказательства на одну и туже землю и будутъ по нимъ спорить; тяжущіеся [29] должны взять межевщиковъ и сличить свои грамоты [30], а на ставкѣ предъ вѣчевою властью [31] предоставить межевщикамъ письменно обозначить границы спорной земли [32]; тогда они присуждаются къ судебному поединку [33].

Кто истца своего перемож. [a] . . . .

Если истецъ [b] . . . .
тамъ, тогда того человѣка признать виновнымъ [34] и по грамотамъ его производить судебное разбирательство [35], правому же дать на ту землю судебное опредѣленіе; судной пошлины брать при этомъ князю, посадникамъ и сотскимъ [36] всѣмъ вмѣстѣ 10 денегъ.

Если кто, имѣя запись на выкупъ проданной или заложенной земли [37], станетъ отнимать эту землю у лица, имѣющаго на нее старинныя грамоты, то это лицо можетъ, по желанію, или идти съ нимъ на судебный Стр. 4.
поединокъ, или вести своего истца къ присягѣ [38] о неподложности записи, во время предъявленія его притязаній.

Запрещается вести искъ о ссудѣ [39], данной безъ заклада [40] и записи, равно какъ вести искъ противъ душеприкащиковъ [41], по письменнымъ актамъ, представленнымъ въ судъ на умершаго [42], о поклажѣ [43], отданномъ на сбереженье серебрѣ, платьѣ, украшеніяхъ [44] или домашнемъ скотѣ, тогда какъ умершій имѣлъ письменный договоръ [45] и написалъ завѣщаніе [46], хранящееся въ церковномъ архивѣ [47]. Если же у кого существуетъ закладъ или запись, то дозволяется ему, по желанію, вести по нимъ искъ, а также и тому, кто владѣетъ по нимъ какимъ либо имуществомъ [48].

Если у умершаго ни на комъ не останется ни заклада, ни записи, то душеприкащики его не могутъ вести иска о ссудѣ, торговлѣ, поклажѣ или о чемъ либо другомъ.

Если у умершаго останутся отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра или кто нибудь изъ родственниковъ, только не посторонніе люди, и владѣютъ они имуществомъ, то они могутъ вести искъ безъ заклада и безъ записи на умершаго, и противъ нихъ можно также вести искъ.

Если кому нибудь о поклажѣ [c] . . . . Стр. 5.
во время пожара или семейнаго междоусобія отдастъ что нибудь на сбе-

a. Пробѣлъ въ одну строку.
b. Пробѣлъ въ полстроки.
c. Пробѣлъ въ одну строку.

реженіе, и начнетъ потомъ требовать возвращенія отданнаго, а тотъ, кто принялъ на сбереженіе, запрется въ этомъ, то истцу предъявить [a] . . . чужой земли пріѣхалъ, или спустя недѣлю послѣ пожара [49], или послѣ грабежа, а тотъ начнетъ запираться, въ такомъ случаѣ начать судъ по его желанію [b] [50]. . . . . хочетъ, самъ присягаетъ, или идетъ [51] на судебный поединокъ, или положитъ спорную вещь у креста [52].

Если обязанный наемникъ [53] или заимодавецъ [54] начнетъ въ волостяхъ [55] вести искъ о поклажѣ, или о хлѣбѣ, слѣдующемъ ему по праву [56], то вѣчевая власть, учинивъ правильное слѣдствіе, должна изъявить свое рѣшеніе тому, противъ кого ведется искъ [57]; отвѣтчикъ, по желанію, можетъ дать присягу, идти съ истцемъ на судебный поединокъ или положить у креста спорныя вещи.

Кто начнетъ вести искъ о поклажѣ по актамъ, написаннымъ на доскахъ, безъ именнаго означенія вещей и по старинѣ, тотъ теряетъ свое право на искъ.

Если кто нибудь начнетъ вести искъ противъ кого либо, призывая его въ судъ чрезъ судейскаго служителя [58] и обвиняя въ дракѣ или грабежѣ, то князю, посадникамъ и сотскимъ, учинивъ слѣдствіе, допросить свидѣтеля [59], видѣвшаго, гдѣ истецъ обѣдалъ или почевалъ, и поставить его
Стр. 6. на очную ставку съ тѣмъ, кто далъ ему ночлегъ или накормилъ его [60], также спросить битаго, гдѣ его били и грабили, и если при этомъ были посторонніе люди, то истецъ долженъ на нихъ сослаться. Когда тотъ, на кого истецъ сослался, на ставкѣ скажетъ, какъ право предъ Богомъ, что онъ видѣлъ признаки драки на истцѣ и знаетъ, что его ограбили, при чемъ свидѣтель, явившись въ судъ, засвидѣтельствуетъ справедливость его словъ, то производить судъ противъ того, на комъ ведутъ искъ. Отвѣтчикъ можетъ, по желанію, идти съ свидѣтелемъ на судебный поединокъ; а свидѣтелю дозволяется положить у креста спорныя вещи.

Если противъ свидѣтеля [c]. . . . . старый, малолѣтній, увѣчный, священникъ или монахъ, то они могутъ, по желанію, нанять наемника [61]; свидѣтель же не можетъ имѣть его.

Если свидѣтель, на котораго сослался истецъ, не явится въ судъ, или, явившись, не доскажетъ всего, или прибавитъ что нибудь отъ себя, то его свидѣтельство не принимается, а истецъ теряетъ свое право на искъ.

a. Пробѣлъ въ одно слово.
b. Пробѣлъ въ полстроки.
c. Пробѣлъ въ одно слово.

Если истецъ сошлется [a]. . . . . на свидѣтеля.

Если противъ кого либо станутъ вести искъ [b]. . . . . и говоря [62]: «онъ меня самъ билъ съ своимъ свидѣтелемъ, а нынѣ на него же ссылается»; то принимается тотъ свидѣтель, который будетъ избранъ самимъ судебнымъ мѣстомъ. Если отвѣтчикъ, обвиняемый въ разбоѣ, не будетъ ссылаться на свидѣтеля, то хотя бы одинъ изъ тяжущихся и не призывалъ его, но вѣчевая власть должна послать, для из- Стр. 7.
слѣдованія дѣла, людей, служащихъ въ судебномъ мѣстѣ. Если одинъ изъ тяжущихся не ссылался на свидѣтеля, то за это его не признавать виновнымъ, ибо Псковской вѣчевой власти не должно принимать этого во вниманіе [63].

Если судейскій служитель пойдетъ звать отвѣтчика въ судебное мѣсто, а позванный не явится на церковный погостъ [64] слушать [65] чтеніе зазывной грамоты [66], или укроется отъ судейскихъ служителей, то прочесть зазывную грамоту на погостѣ предъ священникомъ; также если позванный просрочитъ установленный срокъ [67] и не явится на судъ предъ вѣчевою властью, то дать на виновнаго чрезъ позовника грамоту вѣчевой власти въ пятый день.

Истецъ [68], взявъ грамоту отъ судебнаго мѣста на своего отвѣтчика, найдя его и показавъ ему эту грамоту, не имѣетъ права его мучить или бить; а долженъ представить его вѣчевой власти. Отвѣтчикъ не долженъ драться съ своимъ истцомъ или бить его; если же начнетъ рубиться или колоться съ нимъ, или учинитъ убійство [69], то предать его самого смерти.

Гдѣ учинится драка, на рынкѣ [70], на улицѣ, во Псковѣ, въ пригородѣ, въ селѣ, въ волости или на пиру, и не будетъ грабежа, то, по засвидѣтельствованію 4 или 5 человѣкъ, видѣвшихъ драку на рынкѣ, на улицѣ или на пиру и сказавшихъ, кто дрался, выдать зачинщика лицомъ [c] [71] . . . . . . битому человѣку. Если же начнутъ его обвинять Стр. 8.
въ грабежѣ предъ мѣстнымъ начальствомъ [72], то оправдываться ему противъ истца съ удостовѣреніемъ одного свидѣтеля, за что присуждать имъ судебный поединокъ.

Если кто на комъ начнетъ вести искъ, по актамъ, написаннымъ на доскахъ, о деньгахъ, отданныхъ въ займы, и сверхъ того, представитъ закладъ, то, по желанію, онъ можетъ самъ присягнуть и взять свое се-

a. Пробѣлъ въ одно слово
b. Пробѣлъ въ одну строку.
c. Пробѣлъ въ одно слово.

ребро, или воленъ положить свой закладъ у креста, чтобы отвѣтчикъ, присягнувъ, взялъ его. Поединка изъ за этого заклада не присуждать, и по закладнымъ актамъ, писаннымъ на доскахъ, не производить судебнаго разбирательства.

Если кто дастъ кому нибудь закладъ, грамоты или что иное, въ обез-
печеніе взятыхъ денегъ, и неожиданно [73] нанесетъ ущербъ [73] заимодав-
цу или оклевещетъ [75] его предъ вѣчевою властью, то хотя бы у заимо-
давца и не было закладныхъ актовъ, писанныхъ на доскахъ, въ томъ его
не винить и имѣть къ нему довѣріе [76]. При этомъ судъ производится по
Стр. 9. желанію представившаго закладъ: онъ воленъ самъ присягнуть о своихъ
деньгахъ, или положить у креста закладъ, чтобы отвѣтчикъ его взялъ
въ случаѣ совершенія присяги.

Желающій давать деньги въ заемъ можетъ ссужать ими до рубля безъ заклада и записи, но не болѣе.

Если кто начнетъ вести искъ по актамъ, написаннымъ на доскахъ, не представивъ заклада о деньгахъ, отданныхъ въ заемъ болѣе рубля, то актовъ не признавать справедливыми и дѣло рѣшить въ пользу того, противъ кого ведется искъ.

Если кто начнетъ вести искъ по актамъ, писаннымъ на доскахъ, о деньгахъ, отданныхъ въ заемъ, и, сверхъ того, представитъ на должника закладъ платной [77], или строеніе [78], или коня, или домашній скотъ [79], или что иное, а отвѣтчикъ не признаетъ [80] заклада, даннаго на деньги, о которыхъ ведется искъ, и отопрется отъ него, говоря: «я тебѣ этого не закладывалъ и отъ тебя ничего не бралъ», въ такомъ случаѣ владѣть закладомъ тому, кто ведетъ искъ, а отвѣтчикъ остается правымъ.

Если кто поручится за другаго въ деньгахъ, взятыхъ имъ у третьяго лица, и если послѣдній начнетъ требовать своихъ денегъ съ поручителя [81], а отвѣтчикъ, по которомъ рука [82] дана, представитъ противъ своего истца грамоту, говоря: «я, братъ, тебѣ заплатилъ тѣ деньги, на которыя дано поручительство, и есть у меня письменный договоръ въ томъ, что истцу не требовать тѣхъ денегъ ни на отвѣтчикѣ, ни на поручителѣ»; въ такомъ случаѣ эту грамоту не признать справедливою, если списокъ ея не положенъ въ церковномъ архивѣ. Истецъ долженъ знать того, кто поручился въ уплатѣ слѣдуемаго ему долга, кто по немъ руку далъ. Поручительству же быть до рубля, но не свыше.

Если у какого Псковитянина учинится воровство во Псковѣ, или въ
Стр. 10. пригородѣ, или въ селѣ на волости, то заявить объ этомъ старостамъ [83]
или окрестнымъ сосѣдямъ, или другимъ постороннимъ людямъ; если же

воровство учинится на пиру, то заявить пировому старостѣ [84], или участвовавшимъ въ пиршествѣ. А хозяину [85] пира [a] . . . . нѣтъ, а Псковитянину [b] . . . . волости во Псковѣ не брать на вольную присягу [86]; вести ему къ присягѣ того, съ кѣмъ онъ имѣетъ вражду [87]. Если воровство учинилось въ церкви, или въ городѣ, то пригорожанину, или селянину Псковичу не звать къ присягѣ въ пригородъ или на рынокъ, а вести въ то мѣсто, гдѣ учинилось воровство.

Если съ кого-либо взыскивается долгъ по актамъ, писаннымъ на доскахъ, женщиною, дитятею, старикомъ, больнымъ, увѣчнымъ, монахомъ или монахинею, то они могутъ нанять наемника для судебнаго поединка или заставить отвѣтчика присягнуть; отвѣтчикъ же воленъ, по желанію, противупоставить своего наемника или идти самому на судебный поединокъ . . . . Стр. 11.

Если истецъ, которому присужденъ судомъ поединокъ съ отвѣтчикомъ, одолѣетъ послѣдняго, въ такомъ случаѣ получить ему то, противъ чего онъ велъ искъ, но не брать за свой трудъ денегъ и снять съ себя доспѣхи или что иное, въ чемъ онъ выходилъ на поединокъ. Виновный долженъ уплатить пошлину въ княжескую казну и приставную плату [88], двумъ приставамъ [89], по 6 денегъ, если оба тяжущіеся выйдутъ на поединокъ; если же они помирятся [90], прекративъ искъ, то приставамъ платить по 3 деньги, а въ княжескую казну пошлины не платить въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ не въ состояніи этого сдѣлать.

Если кто начнетъ взыскивать съ кого-нибудь торговыхъ денегъ по актамъ, писаннымъ на доскахъ, а отвѣтчикъ противупоставитъ письменный договоръ, въ которомъ означены условія, заключенныя прежде тяжущимися о предметѣ иска, и если въ архивѣ святой церкви не будетъ другой грамоты о томъ же; въ такомъ случаѣ этого договора не признать справедливымъ.

Если какой нибудь мастеръ, плотникъ или наемникъ [c], доживетъ до урочнаго времени [91] и сдѣлаетъ свое дѣло [d] . . . . на хозяинахъ, и взыскиваетъ своей наемной платы [92] чрезъ изустное объявленіе [93].

Если нанявшійся для работъ во дворѣ отойдетъ отъ своего хозяина, не доживетъ до условленнаго времени, то взять ему наемной платы по расчету; если хозяинъ не далъ ему условленной платы, то наемникъ мо-

a. Пробѣлъ въ два слова.
b. Пробѣлъ въ одно слово.
c. Пробѣлъ въ полстроки.
d. Пробѣлъ въ полстроки.

жетъ ее съ него взыскивать за годъ, хотя бы онъ служилъ 5 или 10 лѣтъ, и притомъ только въ такомъ случаѣ, когда со дня окончанія его службы до начала иска прошло не болѣе года; если же протекло времени болѣе этого срока, то онъ не можетъ вести иска противъ своего хозяина.

Если наемникъ-плотникъ начнетъ вести искъ противъ своего хозяина и, не окончивъ дѣла, пойдетъ отъ него прочь, говоря: «я у тебя окончилъ свое дѣло», и если хозяинъ будетъ утверждать противное, то истцу положить у креста то, противъ чего ведется искъ, чтобы хозяинъ, присягнувъ, взялъ спорную вещь, въ томъ случаѣ, если у тяжущихся не Стр. 12. будетъ записи.

Если хозяинъ захочетъ отказать отъ продолженія договора [94] своему сельскому наемнику [95], огороднику или четнику [96], то сроку отказа быть въ Филиппово заговѣнье. Тоже самое относится и къ сельскому наемнику, когда онъ захочетъ оставить село, къ огороднику и четнику; иному же сроку отказа не быть ни со стороны хозяина, ни со стороны наемника, четника или огородника. Если они отрекутся отъ того, что получили отъ хозяина отказъ въ это время, то вести ихъ къ присягѣ, а хозяинъ теряетъ право на слѣдуемую четверть земли, или огородную или рыбную часть съ исада [97].

Если четникъ или половникъ [98] сбѣжитъ съ села, не дождавшись окончанія срока своего найма [99], то онъ долженъ заплатить за остальное время своему хозяину, работая въ другой чети на томъ же исадѣ [100]. Хозяинъ же имѣетъ право подать изустное объявленіе и взыскивать съ сельскаго наемника, огородника или четника отданныхъ впередъ денегъ [101], хлѣбныхъ зеренъ, пшеницы яровой или озимой, поименно и считая по срокъ отказа [102]; онъ также можетъ не воспользоваться своимъ правомъ на искъ [103]. Если онъ начнетъ вести искъ о торговлѣ, поручительствѣ, поклажѣ, ссудѣ или наслѣдствѣ безъименно, то онъ теряетъ свое право.

Если кто найдетъ потерянную имъ вещь [104] у другаго, который купилъ ее на рынкѣ, но не знаетъ, у кого купилъ, то послѣдній долженъ Стр. 13. присягнуть въ томъ, что дѣйствительно купилъ эту вещь, а не подѣлился съ воромъ; если истецъ не представитъ вора, а отвѣтчикъ самъ не укралъ эту вещь и не дѣйствовалъ за одно съ воромъ [105], то истецъ теряетъ свое право на искъ [106].

Если кто нашелъ или купилъ что нибудь въ чужой землѣ или въ городѣ, а потерявшій начнетъ объявлять свои притязанія [107], то поступать съ отвѣтчикомъ такъ, какъ бы онъ купилъ на рынкѣ.

Если кто начнетъ вести искъ противъ волостелей о взяткахъ и будетъ спорить [108] о платьѣ [109], или поставитъ на сводъ коня, говоря, что они незаконно владѣютъ этими предметами, то поступать съ виновнымъ, какъ съ уличеннымъ въ грабежѣ.

Княжескимъ людямъ или подвойскимъ [110] ѣздить по дворамъ и брать ѣзду [111] по одной деньгѣ за 10 верстъ [112]. Хотя бы ихъ ѣхало двое или трое, то брать имъ ѣзду какъ для одного. Если княжескій человѣкъ или подвойскій не поѣдетъ изъ за такой платы, то Псковитянинъ можетъ послать кого хочетъ, давая туже самую плату.

Княжескій писецъ [113] имѣетъ право требовать платы за написаніе позовницы, безсудной [114] или приставной грамоты [115], смотря по достатку истца; если же онъ потребуетъ излишняго, то послѣдній можетъ отдать свои документы для написанія въ другое мѣсто. Князь долженъ приложить свою печать на письменномъ актѣ; если же онъ не приложитъ ея, то дозволяется представить къ запечатанію въ церкви Святой Троицы; въ этомъ нѣтъ разницы.

Если изорникъ начнетъ упорствовать въ возвращеніи хозяину данной ему впередъ платы, говоря, что жилъ у него въ селѣ [116] и потому въ правѣ ее удержать у себя, то хозяинъ долженъ представить (въ судъ) постороннихъ людей, человѣкъ 4 или 5, которые обязаны сказать, какъ Стр. 14. прямо (право) передъ Богомъ, надлежащимъ ли образомъ изорникъ жилъ въ селѣ; при этомъ хозяинъ, по своей волѣ, можетъ самъ дать присягу и взять то, чего домогался, или повѣрить присягѣ изорника. Если же хозяинъ не представитъ людей, которые засвидѣтельствовали бы, какъ жилъ изорникъ у него въ селѣ; то онъ теряетъ право на искъ о данной имъ впередъ платѣ. Чего истецъ не возметъ съ вора и разбойника, того не брать, въ видѣ пошлины, и въ казну княжескую.

Кто не прокормитъ отца или мать до ихъ смерти и оставитъ домъ свой, тотъ лишается части, приходящейся ему по наслѣдству.

Если [a] купившій вещь представитъ продавшаго ся въ судебное мѣсто или у креста, то продавецъ долженъ идти на судъ съ тѣмъ человѣкомъ, который началъ вести искъ и вступилъ въ споръ [117], а тотъ, кто поставилъ на сводъ, обязанъ поручиться [118] въ явкѣ отвѣтчика.

Если противъ кого-нибудь начнутъ вести искъ объ имуществѣ отца его, или о доставшемся по завѣщанію [119], при чемъ дѣло будетъ извѣстно

а. Этотъ § здѣсь поставленъ по ошибкѣ переписчика Грамоты. Настоящее мѣсто сего опредѣленія должно быть отнесено къ стр. 13-й оригинала.

сосѣдямъ, или постороннимъ людямъ, изъ которыхъ человѣка 4 или 5, ставъ у суда, скажутъ какъ право передъ Богомъ, что имущество отца отвѣтчика или доставшееся ему по наслѣдству пріобрѣтено справедливо, въ такомъ случаѣ отвѣтчикъ освобождается и отъ присяги, а истецъ теряетъ свое право на искъ. Если же человѣка 4 или 5 скажутъ, какъ право предъ Богомъ [120], то отвѣтчикъ долженъ присягнуть, законно ли доставшееся ему имущество.

Стр. 15. Также если кто купилъ на рынкѣ, но у кого купилъ не знаетъ, а добрые люди [121], человѣка 4 или 5 съ его стороны, это видѣли и скажутъ, какъ право передъ Богомъ, что онъ купилъ на рынкѣ передъ ними; то отвѣтчика считать правымъ и не приводить его къ присягѣ. Если же у кого не будетъ свидѣтелей, то отвѣтчикъ долженъ дать присягу; въ противномъ случаѣ теряетъ свое право.

IX Если кто возметъ пристава у князя или у посадника для изслѣдованія воровства, то князю и посаднику отпустить приставовъ, людей добрыхъ и неизмѣнныхъ, которые должны учинить обыскъ тамъ, гдѣ произошло воровство. Можетъ случиться, что приставы эти скажутъ слѣдующее: «пріѣхали мы на дворъ учинить слѣдствіе о воровствѣ, а отвѣтчикъ не позволилъ намъ его обыскивать, не пустилъ насъ къ себѣ въ комнаты [122] и выгналъ со двора». При этомъ скажетъ тотъ человѣкъ, котораго велѣно было обыскивать: «у меня, господа, эти приставы вовсе не были»; или возразитъ: «у меня эти приставы были и я имъ комнаты отворялъ; они же, меня не обыскавъ, сами со двора сбѣжали, а теперь сгоненіемъ на меня клевещутъ». Тогда князю и посаднику спросить приставовъ такъ: «есть ли у васъ доказательства на это или свидѣтели, передъ которыми отвѣтчикъ васъ со двора согналъ»? Приставы обязаны, для доказательства справедливости своихъ словъ, поставить въ судебное мѣсто человѣка 2 или 3, которые сказали бы, какъ право передъ Богомъ: «передъ нами этотъ человѣкъ приставовъ со двора согналъ и обыскивать имъ не позволилъ». Въ такомъ случаѣ приставовъ
Стр. 16. привести къ присягѣ, а отвѣтчика наказать за воровство. Если же свидѣтели скажутъ противное, то приставы лишаются своей должности, а истецъ, взявшій ихъ для слѣдствія, теряетъ свое право на искъ.

X Въ судебномъ мѣстѣ находиться безъ всякаго посторонняго содѣйствія [123]; въ присутственное мѣсто являться обоимъ тяжущимся [124]. Повѣренные [125] не могутъ быть ни съ той, ни съ другой стороны, исключая тѣхъ случаевъ, когда дѣло ведется женщиною, за малолѣтняго, монаха или монахиню, старикомъ или глухимъ. Если же кто не смотря на за-

прещеніе, будетъ вмѣшиваться въ искъ, или силою войдетъ въ присутственное мѣсто, или ударитъ привратника, то за это заклепать его въ колодку [126], а князю взять съ него пошлины рубль и привратникамъ 10 денегъ. Князь долженъ поставить отъ себя одного привратника и Псковъ также; оба они обязаны дать клятву въ томъ, что не погубятъ праваго и не оправдаютъ виновнаго; и со всякаго дѣла брать имъ обоимъ съ виновнаго пошлины одну деньгу.

Къ вору довѣренности не имѣть; кого онъ обвинитъ, того домъ обыскать, и если найдутъ у обвиненнаго покраденныя вещи [127], то судить его также, какъ вора; если же ихъ не найдутъ у него на дому, то онъ свободенъ.

Князю и посаднику справедливыхъ грамотъ не предавать судебному разбирательству [128], а лживыя грамоты изслѣдовать судомъ, разсмотрѣвъ акты, писанные на доскахъ [129].

Если кто будетъ вести искъ по актамъ, писаннымъ на доскахъ, или по закладамъ, и съ согласія [130] своего отвѣтчика, возметъ изъ предмета Стр. 17.
иска, положеннаго у креста, по судебному опредѣленію, только часть, то за это съ него не взыскивается пеня; точно также еслибъ онъ и даромъ отпустилъ отвѣтчика безъ присяги.

Если сельскій наемникъ откажется отъ продолженія работъ въ селѣ у хозяина, или хозяинъ откажетъ ему, то каждому изъ нихъ взять половину означенныхъ въ договорѣ произведеній [131].

Если приставы, княжескій человѣкъ, подвойскій или Псковитянинъ поѣдутъ звать тяжущагося къ суду, или расковать, или заковать кого либо, то брать имъ ѣзду на 10 верстъ одну деньгу.

Если приставъ поѣдетъ для изслѣдованія дѣла о воровствѣ, то имѣть ему ѣзду вдвое; платить же виновному вору. Если приставъ не сыщетъ [132] вора, то приставную и дверскую [133] пошлину платить тому, кто взялъ пристава.

Если приставъ или дворянинъ [134] возметъ у отвѣтчика коня [135] или что иное; то отдать ему на присмотръ постороннему человѣку. Если же тотъ не возметъ, то вести ему съ собою, а ѣзду требовать на томъ, кто не оправдался [136].

Если истецъ, пріѣхавъ съ приставомъ, возметъ свой долгъ насильно и не докажетъ вины отвѣтчика, то судить его, какъ уличеннаго въ грабежѣ. За грабежъ штрафовать рублемъ и приставную пошлину платить виновному.

Одному посаднику за другаго не тягаться, исключая тѣхъ дѣлъ, ко-

торыя къ нему относятся, и тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ исправляетъ должность церковнаго старосты [137]. И каждому волостелю за другаго не тягаться, Стр. 18. кромѣ своихъ собственныхъ дѣлъ.

Если будетъ споръ о церковной землѣ, то сосѣдямъ за это въ судъ съ помощью чужихъ не ходить, а являться въ судъ церковнымъ старостамъ.

Одному повѣренному въ одинъ день за два дѣла не тягаться.

Если кто, владѣя по завѣщанію имѣніемъ, доставшимся отъ умершаго супруга [138] и имѣя на свою землю или исадъ грамоты, продастъ эту землю, или исадъ [139], или что иное, то по уличеніи въ винѣ [140], онъ присуждается къ выкупу того, что продалъ, и къ лишенію права на пользованіе оставшимся имуществомъ.

Если кто, имѣя на комъ нибудь запись, въ которой обозначены проценты за отданныя въ заемъ деньги [141], по пришествіи срока [142], представитъ ее къ суду и будетъ взыскивать проценты съ должника, то взять ему ихъ съ отвѣтчика по означенный срокъ. Въ случаѣ, если въ означенный срокъ истецъ не представитъ въ судебное мѣсто своей записи, то онъ лишается права на полученіе процентовъ.

Ведущій искъ о процентахъ до истеченія условленнаго срока теряетъ свои проценты. Если кто отдастъ своему заимодавцу деньги, взятыя въ заемъ, то онъ платитъ проценты по расчету.

Если сельскій наемникъ представитъ въ судебное мѣсто на хозяина акты, написанные на доскахъ, то произвести по нимъ слѣдствіе; при этомъ необходима очная ставка [143].

Если сельскій наемникъ уйдетъ съ села куда либо на чужую землю Стр. 19. и оставитъ въ селѣ свое имущество, то хозяинъ имѣетъ право взыскивать съ него данную ему впередъ плату. Въ такомъ случаѣ истецъ долженъ взять у князя и посадника приставовъ и, позвавъ губныхъ старостъ [144] и постороннихъ людей, продать въ ихъ присутствіи имущество отвѣтчика и взыскать данную ему впередъ плату.

Если чего не достанетъ изъ вырученныхъ денегъ, и въ то время явится ушедшій наемникъ, то хозяинъ можетъ, по желанію, взыскивать съ него остатокъ. За это хозяинъ не платитъ пошлины, а наемникъ не имѣетъ права требовать у него возвращенія оставленнаго имущества.

Производить судъ Псковскимъ [145] судьямъ [a], городскимъ посадникамъ, пригородскимъ старостамъ и давать имъ присягу, что будутъ судить

a. Этотъ §, по ошибкѣ переписчика Грамоты, помѣщенъ сюда, тогда какъ онъ составляетъ продолженіе § 3-го, что на 1-й страницѣ.

справедливо, по присягѣ; если же не будутъ судить они справедливо, то да посудитъ ихъ Богъ въ страшный день втораго пришествія Христа.

Княжескому служителю, ѣдущему съ сотскими на межеванье [146], также давать присягу. Если кто начнетъ вести тяжбу о землѣ или водѣ и будутъ представлены въ судъ двѣ грамоты; то одну грамоту читать дьяку [147] княжескому, а другую дьяку городскому. Грамоту, представленную съ пригорода, также читать дьяку городскому.

Если учинятъ драку во Псковѣ, въ пригородѣ, въ волости, на пиру или гдѣ бы то ни было и не позовутъ другъ друга приставами въ судъ, а помирятся, то они не обязаны платить пошлины въ казну княжескую. Стр. 20.

На взиманіе приставной пошлины и на ссылку виновныхъ ѣздить княжескимъ людямъ и Псковскимъ подвойскимъ пополамъ.

Княжескому писцу, за написаніе судебнаго опредѣленія о землѣ, взимать платы 5 денегъ, за позовницу деньгу, за безсудную и за приставную грамоту имѣть ему [a]. . . . . по деньгѣ. Если же княжескій писецъ потребуетъ сверхъ установленной платы, то дозволяется написать въ другомъ мѣстѣ, а приложить печать долженъ князь. Если онъ не приложитъ ея, то запечатать у Святой Троицы; въ этомъ нѣтъ разницы.

Если Псковитянинъ возметъ у князя и по [b] . . . . грамоту на дѣло о границахъ своей земли, то взыскать за нее княжескому писцу деньги и печатной пошлины также деньгу [148].

Если сельскій наемникъ умретъ въ селѣ у хозяина и не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни другихъ родственниковъ, то хозяину съ приставами и посторонними людьми имущество его продать и взять изъ вырученныхъ денегъ ту сумму, которая ему слѣдуетъ за отданную впередъ плату умершему наемнику. Поэтому ни брату, ни другимъ родственникамъ послѣдняго не дозволяется вести иска о его имуществѣ противъ хозяина.

Если у хозяина умретъ сельскій наемникъ, взявшій впередъ плату по записи, и у него останутся жена и дѣти, хотя въ записи и неупомя- Стр. 21.
нутыя, но неизъятыя отъ уплаты данныхъ наемнику денегъ [149], то они должны возвратить хозяину по записи отданную впередъ умершему плату; если же о наемникѣ въ записи ничего не говорится, то о наслѣдствѣ умершаго производить судъ по Псковскому обычаю [150].

a. Пробѣлъ для одного слова.
b. Пробѣлъ для одного слова, и кажется—«посадника».

Если у сельскаго наемника есть братъ или остались другіе наслѣдники, и начнутъ они вести искъ объ имуществѣ умершаго, то хозяинъ имѣетъ право требовать съ нихъ денегъ за плату, отданную впередъ своему наемнику. Они не должны утаить отъ хозяина ни лукошки, ни кадки; если же останется послѣ умершаго конь или корова, то они могутъ вести искъ о нихъ противъ хозяина.

Если сельскій наемникъ начнетъ вести искъ противъ хозяина о своемъ имуществѣ, и послѣдній станетъ на сводъ съ тѣмъ, за что наемникъ ведетъ искъ, при чемъ постороннимъ людямъ и окрестнымъ сосѣдямъ будетъ извѣстно, что предметъ иска принадлежитъ хозяину, то наемникъ долженъ отказаться отъ иска, а хозяинъ остается правымъ.

У кого умретъ жена безъ завѣщанія и оставитъ отчину [151], то владѣть отчиною ея мужу пожизненно до тѣхъ поръ, пока снова не женится; если же вступитъ въ новый бракъ, то лишается владѣнія отчиною жены.

Жена умершаго безъ завѣщанія и оставившаго отчину или имущество имѣетъ право владѣть ими пожизненно до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ за мужъ; въ противномъ случаѣ она теряетъ свое право.

Если у кого умретъ жена, а мужъ снова женится, и мать, или сестра, или другіе родственники умершей начнутъ вести искъ о ея платьѣ, то мужъ долженъ отдать, по совѣсти, требуемое; при этомъ съ мужа не
Стр. 22 требуется присяга о томъ, что онъ отдалъ все женино платье безъ остатка [152]. Также если умретъ мужъ, и отецъ его, или братья начнутъ взыскивать съ жены платье умершаго или что иное, то она должна отдать, по совѣсти, то, что отъ него осталось; при этомъ съ жены не требуется присяга о томъ, что она отдала все мужнино платье безъ остатка.

Если у кого умретъ сынъ, и оставшаяся невѣстка начнетъ требовать съ свекра или деверя своего украшенія или платья; то свекру или деверю отдать требуемое. Если же невѣстка начнетъ съ нихъ взыскивать изустно, то они могутъ, по желанію, или дать присягу, или требовать, чтобъ невѣстка положила у креста ту вещь, за присвоеніе которой она ихъ обвиняетъ.

Если кто нибудь начнетъ взыскивать денегъ, принадлежащихъ своему соучастнику [153], или что другое, исключая купеческихъ и торговыхъ дѣлъ [154], и представитъ въ судебное мѣсто акты, писанные на доскахъ, то предоставить на выборъ отвѣтчика: или дать ему самому присягу, или заставить истца положить у креста спорную вещь, или идти съ нимъ на судебный поединокъ.

Если должникъ или сельскій наемникъ, упомянутый въ записи, скроется и не явится въ срокъ къ заимодавцу, то виновные должны платить происшедшіе отъ того убытки [155]: приставную пошлину, пеню за нарушеніе условія [156] или желѣзную пошлину [157]. Если старшему брату [158], живущему вмѣстѣ съ младшимъ, предъявятъ взысканіе па долгъ отца, не упомянутый въ записи, то старшему брату, по принятіи присяги отъ истца, заплатить изъ общаго имущества и раздѣлить остатокъ пополамъ. Стр. 23.

Если меньшій братъ или племянникъ [159], живя вмѣстѣ съ старшимъ, воспользуется его деньгами и начнетъ въ томъ запираться, то онъ долженъ дать ему присягу, что онъ не виноватъ, и подѣлиться своимъ имуществомъ.

Если гдѣ случится убійство и сыщутъ убійцу, то взять съ него пошлины рубль въ казну княжескую.

Если убьетъ сынъ отца или братъ брата, то также платить убійцамъ пошлину въ казну княжескую.

Если кто пріѣдетъ съ приставомъ во дворъ брать вора, или учинить слѣдствіе о воровствѣ, или взять должника, а въ это время жена отвѣтчика выкинетъ дитя и начнетъ обвинять [160] пристава или истца въ убійствѣ, то они не считаются въ томъ виновными. Отвѣтчикъ, неявившійся къ присягѣ, требуемой судомъ, долженъ заплатить безъ крестоцѣлованія то, о чемъ былъ веденъ искъ.

Если кто, при жизни или передъ смертью, отдастъ, по собственной волѣ, своему племяннику платье, или домашній скотъ, или отчину, и дастъ ему грамоты на владѣнье предъ священникомъ или предъ посторонними людьми, то одаренному владѣть тѣмъ, что ему отдано, хотя бы объ этомъ и не упоминалось въ завѣщаніи. Стр. 24.

О торговлѣ и поручительствѣ. Если кто нибудь начнетъ вести искъ о торговлѣ или поручительствѣ поименно, то отвѣтчикъ долженъ, по выбору, или идти съ истцомъ на судебный поединокъ, или положить у креста спорную вещь. Если мастеръ начнетъ взыскивать съ своего ученика плату за обученіе, а ученикъ скажетъ, что отдалъ ему ее, то хозяинъ, по желанію, можетъ самъ дать присягу о неполученіи платы, или можетъ требовать присяги ученика въ томъ, что онъ ее отдалъ хозяину.

Нахлѣбникъ [161] можетъ вести искъ противъ хозяина о ссудѣ или о чемъ либо иномъ; если же между ними дѣло [162] упомянуто въ записи, или обезпечено закладомъ, то въ случаѣ иска о ссудѣ или поклажѣ давшаго закладъ или записаннаго въ запись и представившаго въ судебное мѣсто

торговыя грамоты или акты, писанные на доскахъ, судить ихъ по Псковскому обычаю.

Если тяжущіеся представятъ на умершаго закладъ и изъ нихъ двое, трое, или пятеро грамоты на одну землю, или на воду, или на одинъ дворъ, или на строеніе, и одни изъ тяжущихся, сверхъ заклада и грамотъ, имѣютъ запись, а другіе не имѣютъ ея, то, по принятіи отъ послѣднихъ при-
Стр.25. сяги, присудить всѣмъ дѣлежъ спорныхъ вещей и всѣхъ денегъ въ томъ количествѣ, какое каждому приходится. Если ближайшіе родственники умершаго захотятъ выкупить закладъ у тяжущагося, имѣющаго, сверхъ заклада, и запись на умершаго, то съ него не требуется присяги о справедливости его дѣла.

Если прибывшій съ чужой земли начнетъ обвинять кого-либо въ дракѣ и грабежѣ, то предоставляется выбору отвѣтчика или дать присягу въ томъ, что онъ истца не билъ и не грабилъ, или положить у креста спорную вещь.

Если кто [163] съ кѣмъ начнетъ вести искъ о землѣ или бортныхъ ухожьяхъ [164], и представятъ обѣ стороны въ судъ свои старыя и вновь купленныя грамоты [165], и если послѣднія простираются на части земель и на бортныя ухожья многихъ владѣльцевъ [166], при чемъ они сами явятся въ судебное мѣсто, защищая кто свои участки, кто бортныя ухожья, и предъявятъ свои грамоты вѣчевой власти, то отвѣтчикъ, взявъ межевщиковъ, долженъ отвести себѣ у старыхъ владѣльцевъ часть, слѣдуемую ему по его купленной грамотѣ; присяга о справедливости владѣнія участкомъ требуется съ одного новаго владѣльца. По принесеніи присяги въ присутствіи всѣхъ соучастниковъ, выдается ему въ тотъ же часъ судебное опредѣленіе.

Если кто дастъ на взятыя деньги [167] какой-либо закладъ и, отдавая въ свое время свой долгъ, станетъ требовать возвращенія заклада, а заимодавецъ станетъ запираться въ пріемѣ его, говоря: «я тебѣ денегъ не далъ и заклада отъ тебя не принималъ», то отвѣтчику, какъ въ судѣ,
Стр.26. предоставляются три рѣшенія на выборъ: или дать самому присягу, что онъ не принималъ заклада, или цѣну заклада положить у креста, или идти съ истцомъ на судебный поединокъ. Если нельзя будетъ рѣшить какого-нибудь дѣла [168] по старымъ грамотамъ [169], то доложить объ этомъ чрезъ посадниковъ на вѣчѣ господину Пскову, чтобъ то дѣло написать. Если какое-нибудь мѣсто въ грамотѣ не понравится господину Пскову, то дозволяется это мѣсто изъ грамоты выписать.

Священниковъ, дьяконовъ, просвирницу [170], монаха, монахиню [a] [171] судить владыкѣ-намѣстнику. Если судится священникъ или дьяконъ съ монахомъ или монахинею и оба тяжущіеся не простые церковные люди [172], то ихъ дѣла не судить ни князю, ни посаднику, ни судьямъ, но представить рѣшенію владыкѣ-намѣстнику.

Если одинъ изъ тяжущихся простой мірянинъ, а не церковный человѣкъ судится съ церковнымъ, то судить ихъ князю, посаднику и судьямъ вмѣстѣ [173] съ владыкою-намѣстникомъ.

Если кто съ кѣмъ будетъ вести искъ за коня, корову или иное животное, хотя бы и за собаку, и отвѣтчикъ его скажетъ: «это мое доморощенное»; то онъ долженъ присягнуть, законно ли владѣетъ своимъ имуществомъ.

Если одинъ изъ тяжущихся ударитъ другаго въ судебномъ мѣстѣ предъ вѣчевою властью, то штрафовать его рублемъ въ пользу обиженнаго и взыскать съ него пошлину въ казну княжескую.

За барана платить хозяину [174] 6 денегъ, за овцу 10, а судьѣ 3 деньги, по древнему закону; за гуся самца и самку хозяину по 2 деньги, а судьѣ 3; за утку и селезня, за курицу и пѣтуха [175] также платить по 2 деньги. Стр. 27.

Братчинѣ [176] судить, какъ судьямъ.

Если кто съ кѣмъ, будучи пьянъ, помѣняется чѣмъ либо или что либо купитъ, и потомъ одинъ изъ тяжущихся, проспавшись, раскается, то оба должны возвратить другъ другу то, чѣмъ обмѣнялись; за это съ нихъ не требуется присяги.

Княжескимъ людямъ не держать корчмы ни по дворамъ, ни во Псковѣ, ни въ пригородѣ, и меду не продавать ни ведромъ, ни корцемъ [177], ни бочкою.

Если кто будетъ обвинять кого нибудь въ зажигательствѣ, и на это не будетъ никакого доказательства, то истецъ можетъ позвать отвѣтчика на вольную присягу.

Если кто у кого вырветъ бороду и свидѣтель покажетъ на виновнаго, то послѣдній долженъ дать присягу и драться на судебномъ поединкѣ; если свидѣтель одолѣетъ, то присудить 2 рубля за вырываніе бороды и за бой; свидѣтелю же быть одному [178].

Корову покупать по взаимному соглашенію, и по окончаніи торга те-

а. Отъ сего слова у Карамзина начинается Псковская Грамота. См. И. Г. Р. т. V, прим. 404 (пр. изд.). Съ этого же мѣста переводитъ П. С. Гр. и митрополитъ Евгеній съ отрывка, найденнаго Карамзинымъ (См. Ист. Княж. Псковскаго, I, стр 45—47).

лятъ не требовать. Если корова окажется больною, то отдать ее назадъ, хотя бы деньги уже были заплачены.

Женщинамъ присуждать судебный поединокъ; при этомъ не позволяется быть отъ нихъ наемнику ни съ одной стороны.

Если человѣкъ пять, десять или сколько бы ни было начнутъ вести искъ о дракѣ противъ одного или пяти отвѣтчиковъ и представятъ въ су-
Стр. 28. дебное мѣсто доказательства, то со всѣхъ виновныхъ взыскивать одинъ рубль и одну пошлину въ казну княжескую.

II.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПЕРЕВОДУ

ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ.

1. «*Пошлина*» принимается здѣсь не въ смыслѣ подати или пени, а въ своемъ первоначальнымъ значеніи *обычая*. Въ древнія времена этимъ именемъ означалось все то, что *шло по старинѣ*, по обычаю; отсюда названіе пошлина (Ср. Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. III, 416). Въ Уставной Двинской Грамотѣ говорится: «Ино то обыскано, что то было учинилося ново, *не по пошлинѣ*, а нынѣча не надобѣ» (А. А, Э. I, стр. 5). Тоже самое видимъ и въ Новгородской первой лѣтописи: «Пріѣхавше послы великы отъ Свѣйскаго короля, и докончаша миръ вѣчный съ князем и съ Новымъ городомъ, *по старой пошлинѣ*» (стр. 73). Ср. еще въ «Москвитянинѣ» 1849 г. № 7, Русскія Юрид. Пословицы, И. Снегирева, стр. 11; Повѣствованіе о Россіи, Арцыб. II, 81, пр. 606.

2. Въ оргиналѣ «*клѣть*». По мнѣнію Карамзина, клѣтьми назывались горницы, которыя съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись помостомъ или сѣньми (И. Г. Р. I, 154). «Для того, чтобы спустить внизъ тѣло Владиміра, разобрали помостъ между двумя клѣтьми, т. е. полъ въ сѣняхъ» (Нест. 93; см. И. Г. Р. I, пр. 535). Клѣтью называлась прежде всякая горница, а не одна кладовая (ibid. II, пр. 78). Въ Русской Правдѣ говорится: «Съ вора клѣтнаго» т. е. домашняго или горничнаго, «взыскивается въ казну 3 гривны» (ibid. II, 29; см. Рус. Достоп. II, стр. 71). Въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» слово клѣть переведено мѣстомъ для поклажи пожитокъ (II, стр. 76). Клѣти иногда строились съ теремами и чердаками, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго зданія, какъ думаетъ Г. Успенскій (Опытъ Повѣств. о Древн. Рус., 1818, I, 35). Пр. Погодинъ говоритъ, что онъ не вполнѣ понимаетъ приведеннаго нами выше мѣста изъ лѣтописи, гдѣ сказано о проложеніи помоста между клѣтьми для сохраненія въ тайнѣ смерти Владиміра, и спрашиваетъ: «О какихъ клѣтяхъ здѣсь идетъ рѣчь? Что значитъ помостъ? Зачѣмъ онъ былъ проломанъ? Бояре хотѣли утаить смерть Владимірову, и увезли тѣло его видно не по большой улицѣ: оно было спущено на веревкахъ (уже свѣсиша на землю). Изъ оконъ? Сзади? Клѣти этажами принимать нельзя, слѣд. и помоста здѣсь нельзя разумѣть потолочнаго: на веревкахъ спускать все было равно, что сверху, что снизу (Изслѣд. Зам. и Лекціи о Русск. Ист.,

III, 433). Г. Соловьевъ названіе клѣтей придаетъ холоднымъ лѣтнимъ покоямъ (Ист. Россіи, I, 244). Въ лѣтописяхъ клѣти встрѣчаются нѣсколько разъ, такъ напр. въ первой Новг. лѣт: «Въ Пльсковѣ почали бяху грабити недобріе людіе села и дворы въ городѣ и клѣти на городѣ» (стр. 71). Издатель Грамоты переводитъ слово клѣть *амбаромъ*, гдѣ хранятся хозяйственныя снадобья; но амбаръ имѣлъ въ старину свое особенное названіе: «*ключьница хлѣбная*» (ср. Новг. лѣт. I, 112). Въ настоящемъ случаѣ мы придерживаемся мнѣнія Карамзина.

3. Въ ориг. «*возъ подъ титягою*». *Тяга* на древнемъ языкѣ значитъ *скоба дверная* (Акты Ист., I, 284). По смыслу и кажущейся аналогіи слова «титяги» съ «тягою», можно объяснить первое *сараемъ;* впрочемъ на это предположеніе мы нигдѣ не встрѣтили прямыхъ доказательствъ.

4. «*Палуба*» — помостъ, настилка, кровля (Сл. Ц. С. и Рус. яз., III, 157).

5. Въ ориг. сказано: «*въ яме*». У Карамзина говорится въ статьѣ о Русской Правдѣ: «съ вора житнаго, который унесетъ хлѣбъ *изъ ямы или съ гумна*, 3 гривны и 30 кунъ» (И. Г. Р. II, 29).

6. «*Находъ*» (Ср. Сл. Ц. С и Рус. яз., II, 419). «Находницы» — пришельцы: «И отъ тѣхъ Варягъ находницъ прозвашася Русь» (Пск. лѣт., I, 174).

7. Въ ориг. «*продажа*»—пеня за вину или преступленіе. «Оже убьетъ кормилицу виры 12 гривенъ, да князю продажа 12 гривенъ» (И. Г. Р. II, 26). «Имати пискупамъ десятину отъ дани, отъ виръ и отъ продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего» (Рус. Дост. I 82). Карамзинъ говоритъ «что «продажа» значила дань, пеню, налогъ или судную пошлину» (И. Г. Р. II, 26, пр. 164). Въ этомъ смыслѣ «продажа» вездѣ употребляется въ Русской Правдѣ. (См. еще Арцыбышева Пов. о Россіи, I, XI, II, 24, 498, 578, 580 и пр. и Исторію Россіи, С. Соловьева, I, стр. 233). Въ «Рус. Дост.» сказано, что «продажа» есть «пошлина въ казну съ дѣлъ судныхъ, не криминальныхъ, за обиду, какъ бы воздаяніе Князю за нарушеніе гражданскаго порядка» (II, 66).

8. «*Владыченъ намѣстникъ*» былъ поставленъ епархіальнымъ Новгородскимъ Архіепископомъ судить во Псковѣ и его области дѣла, подлежащія, по Номоканону, епископскому суду (объясн. изд.) «Владычень волостель», «владычьнь намѣстникъ» см. Новгор. лѣт. I, 75, 86, 90, 94, 105 и т. д.

9. Въ ориг. «*судъ не судить*». Это выраженіе съ перваго взгляда можетъ показаться плеоназмомъ; но судъ, по внѣшней сторонѣ, есть ни что иное, какъ юридическій *споръ* двухъ тяжущихся въ присутствіи судей; судьи, въ самомъ дѣлѣ, *судили судъ*, т. е. этотъ юридическій споръ тяжущихся. По этому нѣтъ суда, когда нѣтъ юридическаго спора предъ судьями; судъ начинается, когда начинается споръ; судъ прекращается, когда прекращается этотъ споръ. Теперь подъ именемъ суда мы разумѣемъ обыкновенно присутственное мѣсто, гдѣ разбираются и рѣшаются спорныя дѣла. Но въ древнихъ источникахъ слово судъ никогда и нигдѣ не употребляется въ этомъ смыслѣ: «а будетъ кто ни буди пришедъ въ который приказъ къ суду» (Улож., гл. X, ст. 106). Отсюда выраженія: «судомъ судить», «передъ судьею искать» или «отвѣчать», «обвинить» или «оправдать не по суду», «вершити дѣло по суду» и проч. (Ср. соч. К. Кавелина, Осн. начала Рус. судоустр., стр. 54 и 55). См. также на стр. 3 П. С. Гр. «ино тотъ судить на того волю»... на стр. 6: «да судомъ судить на того волю»; на стр. 13: «ино ихъ судити судомъ Псковской пошлинѣ».

10. «*А городскими кунами не корыстоватися*». До сихъ поръ значеніе кунъ не опредѣлено точнымъ образомъ; несмотря на старанія Каченовскаго, Погодина и другихъ изслѣдователей старины, вопросъ о кунахъ остается не вполнѣ разрѣшеннымъ. Не входя въ подробности и разборъ различныхъ мнѣній, относящихся къ этому предмету, замѣтимъ, что обыкновенно подъ словомъ *куна* разумѣютъ лоскутокъ шкурки куньей, представлявшей извѣстную монету. «Того же мѣста въ Новгородѣ начаша Новгородцы торговати бѣльими лобки и гроши Литовскими и артуги Нѣмецкими, а куны отложиша, еже есть мордки куньи» (Древн. Лѣт. II, 406; см. Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. II, 235). Уже Древляне, побѣжденные Олегомъ, обязались платить ему дань черными кунами (И. Г. Р. I, 76). Карамзинъ говоритъ, что слово куны означало деньги; вскорѣ шкурки куницъ, по причинѣ ихъ неудобства, были замѣнены мордками и другими лоскутками, куньими и бѣльими. Надобно думать, что правительство клеймило ихъ; впрочемъ уже въ договорахъ Олега съ Греками упоминается о серебрѣ, золотникахъ, номисмахъ или солидахъ (см. соч. Круга: Münzkunde Rußlands, кн. I, стр. 134). Неизвѣстно, употреблялись ли до XIV ст. мѣдныя деньги. Именемъ гривны означалось опредѣленное число кунъ (См. Ист. Г. Р. I, 76, 150, пр. 477, 524, 527; II, 30, пр. 79; III, 88, 127, 129, 157, пр. 8, 128, 244 и др.; Арц., Повѣств. о Россіи, II, 18, 151, 1079, 1202 и мн. др.; ср. еще первую Новг. лѣт., стр. 13, 15, 22, 25, 43, 45, 46, 104). Пр. Погодинъ говоритъ, что куны Владиміровы и Ярославы были *деньги металлическія* (Изслѣд., Зам. и Лекціи, I, 345), на томъ основаніи, что въ Лѣтописи упоминается о сборѣ кунъ для найма заморскихъ Варягъ, которыхъ нельзя было бы удовлетворить монетою, имѣвшею только мѣстную цѣну (ibd., III; стр. 283, 284). Въ П. С. Гр. слово куны употреблено, безъ сомнѣнія, въ общемъ смыслѣ доходовъ (Ср. еще Ист. Княж. Псковскаго, митр. Евгенія, I, 66 — 72; Успенскаго, Опытъ о Древн. Русскихъ; Русскія Дост., II. 20, 25, 29; О цѣнностяхъ въ древней Руси, А. Заблоцкаго, 1854).

11. «*Исправа*» не значитъ исключительно слѣдствіе или доказательство, какъ думаетъ издатель П. С. Грамоты, но расправа, разборъ, разбирательство (Ср. Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. II, 140). Въ этомъ смыслѣ «исправа» часто встрѣчается въ лѣтописяхъ; напр. «А еще не идешь ни къ своему царю, ни къ Ногаю на исправу» (П. Г. Р. IV, 95). Въ 1287 году Новгородъ возсталъ на посадника своего безъ исправы и разграбилъ домъ его (Новг. лѣт. I, 65).

12. Въ ориг. «*посуловъ неимати*» — ср. Улож. Ц. А. М. «отъ того посуловъ неимати» (XXI, 83). «Онъ ся въ то не да и положи посула 6 сотъ рублевъ» (Новг. лѣт. I, 82). «*Посульникъ*» значилъ взяточникъ: «Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи мнозѣ, а голодники, и ябедники, и посульники радовахуся» (Новг. лѣт. IV 126). Ср. разные виды посуловъ у Татищева, въ прим. 6 къ Суд., стр. 37.

13. Въ ориг. «*княжъ человѣкъ*» лицо, подчиненное или служащее князю.

14. Въ ориг. «*пригодъ*», безъ сомнѣнія, «*пригородъ*». Слово «пригородъ» издатель Грамоты объясняетъ: «городъ, село, деревня, подчиненные вѣчу». Въ самой П. С. Грамотѣ пригородъ ясно отличенъ отъ села: «А гдѣ учинится бой, у торгу или на улицы, во Псковѣ или на пригородѣ, или въ селѣ» и т. д. (стр. 5) «А у котораго Псковитина у какова учинится татба въ Псковѣ, или на пригороди или въ сели на волости, ино явити старостамъ»... (стр. 6). Карамзинъ, въ своей Исторіи, говоритъ, что пригородъ

былъ уѣздный городъ (И. Г. Р. III, 23, пр. 34), что между городомъ и пригородомъ существовало извѣстное отношеніе лѣтъ; такъ Ростовцы, славясь древностью, именовали Владиміръ пригородомъ, его жителей своими каменьщиками, слугами, недостойными имѣть Князя, и хотѣли дать имъ Посадника (ibid., стр. 25)... «и вси бояре хотяще свою правду поставити... рекоша, такоже сотворимъ; Володимеръ есть пригородъ нашъ» (Нест. лѣт. по Кенигсб. сп., 261). Слѣд. здѣсь пригородомъ назывался новый городъ, находившійся въ зависимости отъ старѣйшаго. Въ И. Г. Р. сказано, что пригороды были города, подвѣдомственные областному и неимѣвшіе своего управленія въ высшихъ Государственныхъ дѣлахъ (Т. III, 121, пр. 219). Въ Псковской лѣт. говорится: «Пригородовъ было въ Псковской земли 10 и 2 Городища: Кобылье и Вышегородище, а всѣ были жилы, а стали пусты отъ намѣстниковъ» и т. д. (ibid., VII, пр. 77). Здѣсь замѣтно различіе пригорода отъ городища. Въ лѣтописяхъ мы также видимъ различіе городка отъ города и не разъ читаемъ о построеніи городка на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде уже былъ городъ. (Нест. лѣт. по Кенигсб. сп., стр. 16, 177). Городъ собственно значитъ огороженное, защищенное мѣсто, укрѣпленіе. Уже при первомъ пришествіи своемъ въ Россію, Славяне, поселившіеся на берегахъ Ильменя, построили городъ и назвали его Новымгородомъ (Кенигсб. сп., стр. 6; см. Уставы и управленіе Новгорода въ средніе вѣки, В. П., стр. 2). Очень можетъ быть, что городищемъ въ лѣтописяхъ (позднѣе В. К. Ольги), въ свою очередь, называются древніе погосты или мѣста языческаго богослуженія, которыя естественно не могутъ быть смѣшаны съ пригородами (См. соч. К. А. Неволина: О Пятинахъ и Погостахъ Новгородскихъ въ XVI ст., стр. 86). Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе мнѣніе г. Соловьева, который, объясняя отношенія городовъ и пригородовъ правомъ старшинства, говоритъ, что «семейныя Славянскія понятія, отразившіяся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, въ слѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, т. е. должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна; эта совершенная зависимость выражается въ лѣтописи такъ: «на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ» (Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ, М. 1845 г. стр. 26 и 27). Хотя авторъ и имѣетъ основаніе предполагать отношенія старшинства между городомъ и пригородами, но онъ упоминаетъ здѣсь о назначеніи въ пригороды посадниковъ и тіуновъ; можно подумать слѣдовательно, что пригороды находились въ зависимости исключительно отъ такихъ городовъ, которые имѣли вѣче, т. е. городовъ сѣверныхъ; вѣроятно тоже самое предполагалъ и издатель П. С. Грамоты, объясняя слово «пригородъ» городомъ или селомъ, подчиненнымъ вѣчу. Дѣйствительно мы встрѣчаемъ очень часто въ Новгородскихъ лѣтописяхъ названіе «пригородъ»; напр. въ первой: «поискати пригородовъ и волостей» (стр. 98 и 99); дати (стр. 93 и 103); подавати пригороды кому (стр. 109); свести намѣстникы съ (стр. 105); отъяти у кого (стр. 93 и 98) и т. п. Но несмотря на это, извѣстно также, что пригороды находились въ постоянной зависимости и отъ тѣхъ городовъ, которые обыкновенно управлялись не вѣчевою властью, а единственно княжескою. Такъ напр. Ростовъ и Суздаль названы въ лѣтописяхъ старыми, начальными городами, а приго-

родами ихъ были Владиміръ, Переяславль-Залѣскій и др. (см. Никон. лѣт. II, 310, 311, Кенигсб. 261; ср. еще Опытъ Рейца, 131). Сверхъ того, такъ какъ и Москва имѣла свои пригороды, то они ни въ какомъ случаѣ не могли управляться посадниками, но управлялись воеводами. Изъ всего нами сказаннаго видно, что пригородами назывались, безъ сомнѣнія, города, приписанные къ одному областному городу и подвѣдомственные областному управленію. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ въ послѣдствіи и Котошихинъ, въ своемъ «Описаніи Россіи въ Царств. А. М.», говоря.... «въ первые городы посылаются воеводы..... и вѣдаютъ тѣ Государства съ пригороды и уѣзды» (Гл. VIII, ст. 1). Въ заключеніе приводимъ мнѣніе г. Кавелина, опредѣляющее весьма ясно и точно значеніе пригородовъ: «Въ числѣ приписныхъ городовъ (пригородовъ) находились иногда и большіе, и средніе города; многіе города не имѣли вовсе приписныхъ городовъ; число послѣднихъ было также весьма неуравнительно; область города опредѣлялась повидимому произвольно: близость и отдаленность не служили основаніемъ при обозначеніи округа.— Всѣ эти факты объясняются исторически: Княжества, Удѣлы и независимыя Державы, присоединяемые постепенно къ Москвѣ, были неодинаковой величины; объемъ ихъ опредѣлялся не разстояніемъ отъ главнаго города, но исторіею ихъ образованія. Вошедши въ составъ Россіи, они большею частью не были измѣнены въ своемъ составѣ и сохранились въ томъ видѣ, въ которомъ были присоединены къ Московскому Государству. Мѣсто прежняго Удѣльнаго Князя заступилъ только намѣстникъ, впослѣдствіи Воевода, на котораго первоначально перенесены были всѣ права княжескія, слѣд. и назначеніе Воеводъ въ города, принадлежавшіе Княжеству» (Осн. начала Рус. судоустр. и пр., стр. 15).

15. Въ ориг. «*управливати*» вѣроятно, въ смыслѣ окончить. «Управить дѣла» значитъ окончить ихъ. Эта статья Грамоты не можетъ имѣть другаго смысла, ибо если посадникъ уже оставилъ свое мѣсто, то онъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ права судить новыя дѣла, а могъ только окончить тѣ, которыя начались въ то время, когда онъ еще занималъ свою должность.

16. «*Орудіе*» значитъ тоже, что дѣла. Въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ: «И рече: княже! есть ли къ тебѣ орудіе велико, и извѣсти мися, яко ти его не явити никомуже» (П. С. Р. Л. II, 89). «А орудье судить посаднику...... мѣсяцы, а далѣ того имъ орудья неволочить» (А. А. Э. I, 70). Иногда впрочемъ слово «орудія» употреблялось въ смыслѣ оружія, вооруженія: «Суть ми орудія въ Руси» (Новг. лѣт. I, 32). «Тогдаже поиди Володимиръ въ Новгородъ своими орудіи и воеваша Литва въ Шелонѣ» (ibid., 35). Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ слово «орудіе» должно принимать въ значеніи дѣлъ (Ср. Рус. Достоп. II, 87).

17. Въ ориг. «*а иному насѣдъ*» т. е. тому, кто вступилъ въ управленіе послѣ кого-нибудь, преемнику. «*Сѣсть*», «*насѣсть*» значило овладѣть, вступить во владѣніе, въ управленіе: «сѣли суть Словени по Дунаеви» (Лаврент. лѣт., стр. 3). «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ» (ibid., стр. 10). «А десятнику, на десятину насѣдъ, имати за въѣздное» (А. А. Э. I, стр. 5, г. 1389 или 1404; см. также Ист. Рос. Гр. Зак., К. Неволина, II, 107, пр. 2). Иногда глаг. «сѣсть», «сидѣть» употреблялся въ смыслѣ жить, находиться, такъ напр. на стр. 9-й П. С. Гр.

18. Въ этомъ мѣстѣ г. Соловьевъ (Ист. Рос., IV, пр. 614) дѣлаетъ слѣдующій варіантъ: «*А кримскому* (читай: *Кромскому*) *татю*» и т. д., и

потомъ говоритъ: «Что здѣсь татьба на посадѣ противополагается татьбѣ на Крому, въ Кромномъ городѣ, это ясно (?); но почему такое различіе? Не употреблено ли здѣсь слово: *Кромскій* въ значеніи *торговаго*, если торгъ находился на Крому, въ Кромномъ городѣ.» Это предположеніе здѣсь совершенно безполезно: гораздо проще и вѣрнѣе производить слово «*храмскій*» отъ «*хоромъ*» (см. пр. 122) и придавать «*храмскому татю*» значеніе комнатнаго вора, покравшаго что-либо внутри строенія.

19. Въ ориг. «*коневой*» — конскій: «бяше бо сильно велика и свѣтла рать коневая и пѣшей рати вельми много» (Новгор. лѣт. IV, 94). «Коневая рать не пошла къ пѣшей рати» (ibid., 128). Въ сѣверныхъ лѣтописяхъ упоминаются еще названія: «*коневникъ*» (Новг. I, 62 и Пск. I, 184), «*коньникъ*» (Новгор. I, 49), «*конюхъ*» (ibid. 40). Въ «Рус. Дост.» «коневой тать» переведенъ: отъявленный воръ лошадиный (II, 71).

20. «*Перевѣтникъ*» — измѣнникъ, передатчикъ вѣстей (Ср. Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 174). «Князь Александръ Вожанъ и Чудцо перевѣтники извѣша» (Новг. Лѣт. 365). «Иныхъ изимаша, а перевѣтниковъ казниша» (Новг. III, 226). «Онъ же разврати рѣчь инако, не яко святитель, но яко перевѣтникъ и ложь» (Лѣт. Пер. 100; ср. Новг. I, 53, 70, 84, 102). «*Перевѣтъ*» — измѣна: «Юрьи князь взя плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть» (Новг. I. 60; ср. ibid., 14, 21, 53, 55). Названіе перевѣтниковъ присвоивалось иногда цѣлому народу; напр. «Чюдця, Корѣла перевѣтници» (Новг. Лѣт. I, 53, 70). Ср. еще Арцыб. Пов. о Рос. II, 1500, 1855; III, 164, 1109.

21. Относительно значенія слова «*посадъ*» существуетъ нѣсколько различныхъ мнѣній. Въ Сл. С. Ц. и Рус. яз. это слово объяснено: 1, селеніе, жило внѣ города или крѣпости; предмѣстіе; 2, селеніе торговыхъ людей, управляемое ратушею (III, 378). Карамзинъ говоритъ, что въ XIV ст. Москва раздѣлялась на Кремль, Посадъ, Загородье и Зарѣчье (И. Г. Р. V. 5). Въ приведенномъ имъ отрывкѣ изъ лѣтописи читаемъ: «Тужа убиша Гаврила Гориславича Воеводу, а Ильсковичь гоняче много побиша, и пригонивше подъ городъ, и зажгоша посадъ весь» (ibid., IV, пр. 28). О посадахъ Московскихъ у Карамзина встрѣчается нѣсколько разъ (И. Г. Р. IV, пр. 106, 629; V, пр. 371, 402; VII, пр. 366, 383 и т. д.). Тоже самое встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ. Въ Степенной Книгѣ упоминается: «Въ 1390 году іюня 22, въ полдень былъ въ Москвѣ пожаръ: загорѣлся посадъ за городомъ отъ Авраама Арменина и сгорѣло нѣсколько тысячь дворовъ до ночи» (I, 512). При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было постановлено, чтобъ города и посады не были ни въ чьемъ владѣніи (А. А. Э. IV, № 36, стр. 53). Съ посадовъ платилась поземельная подать: «Съ посадовъ и съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель съ чети пашни» (ibid., III, № 216, 268; IV, № 82, 133). Въ Псковской лѣтописи читаемъ: «была старая стѣна здѣлана съ дубомъ, мало увышь (выше) мужа, около всего посада» (И. Г. Р. V, пр. 137). Рейцъ говоритъ, что посады, вѣроятно, по большей части были пристройки къ городамъ внѣ укрѣпленія. «Неизвѣстно», прибавляетъ онъ, «различались ли въ правахъ посадскіе съ гражданами; вѣроятно, часто и послѣдніе принадлежали къ нимъ» (Опытъ и пр., стр. 132). По мнѣнію Арцыбышева, посадъ значилъ ни что иное, какъ предмѣстіе (Пов. о Россіи, II, пр. 712). Въ соч. г. Соловьева: «Объ отнош. Новгорода къ В. К.» (стр. 47, 48) сказано, что слово *посадникъ* происходитъ не прямо отъ глагола *посадить*, но отъ существительнаго *посадъ* или *посада*». Послѣднее же слово означало и озна-

чаетъ въ Славянскихъ языкахъ *пришлый элементъ* народонаселенія (Польское posada знач. колонія). Относительно города, означаетъ ту часть народонаселенія, которая живетъ за городскими стѣнами и отличается отъ собственно городскихъ жителей. Изъ этого легко заключить, что должно было называться посадою въ старыхъ городахъ Славянскихъ въ первый періодъ отечественной исторіи? не иначе, какъ элементъ пришлый, чуждый первому народонаселенію, а мы знаемъ, что этотъ пришлый, чуждый элементъ, *насельницы*, по выраженію лѣтописца, были Варяжскія дружины князей, слѣд. посадою называлась та часть дружины, которую князья оставляли въ городахъ, признавшихъ надъ собою власть ихъ, а посадникомъ назывался начальникъ этого отряда». Не опровергая положительно этого мнѣнія, замѣтимъ только, что пришлый элементъ называется у Нестора иногда *«находницы»* (См. прим. 6; также К. Кавелина Осн. начала Рус. судоустр. и пр., стр. 114; и въ соч. Уставы и управленіе Новг. стр. 17), что въ Москвѣ и въ другихъ городахъ не было посадниковъ, а между тѣмъ существовали посады, и что часть города (напр. въ Москвѣ), названная посадомъ, получила свое наименованіе едва-ли отъ того, что содержала пришедшую изъ за моря дружину: въ средней полосѣ Россіи различіе между пришлою дружиною и туземными жителями не могло выражаться, или вовсе не выражалось, такъ сильно, какъ въ сѣверныхъ областяхъ. Авторъ разбираетъ слово «посадъ» вообще, не относя его къ одному Новгороду или Пскову, не объясняя различія между посадомъ Псковскимъ и Московскимъ и не указывая, когда именно въ лѣтописяхъ говорится о началѣ образованія посадовъ: быть можетъ, они образовались не ранѣе XII ст. Очевидно, что такое объясненіе a priori значенія посада вліяніемъ одного только чуждаго элемента не можетъ имѣть основательной причины. Вѣрнѣе должно полагать, что съ увеличеніемъ въ городѣ народонаселенія вообще, жители перебирались за городъ и строились по близости; отсюда названія: старый и новый городъ.

22. Въ ориг. *«судъ о земли ополней»*. Издатель Грамоты объясняетъ слова: «земля ополная» непахотною, гулевою землею. Но въ Грамотѣ прямо говорится о *воздѣлываніи* этой земли. «Ополную» землю должно напротивъ перевести выраженіемъ «пахотная» земля (Ср. И. Р. Гр. Зак., II, 182).

23. *«А стражетъ.... тою землею»*. Карамзинъ говоритъ, что *«страда»* значитъ жалованье: «А жонка съ дчерью, тѣмъ страды (жалованья) на 12 по гривнѣ (за работу?)» (И. Г. Р. II, пр. 79). Вѣроятно, «страда» и «стражать» имѣютъ одинъ корень; слово «стражать» Карамзинъ переводитъ работать: «У нихъ третники и наймиты, кто *стражетъ* на готовыхъ конехъ, а въ кунахъ» — кто *работаетъ* на готовыхъ коняхъ, но за деньги — «и тѣмъ не надобѣ ни которая дань» (И. Г. Р. IV, пр. 328). «Страдникъ» употреблялся въ смыслѣ браннаго слова (ibid., XI, пр. 209 и 232). «Страдою» называлась сельская земледѣльческая работа: «Два года.... монастырскія страды не страдити и ничего крестьянскаго не дѣлати» (Акты Юрид. 207). «Наимашеся на дневную страду, и по сребренику на день взимаше» (Сл. Ц. С. и Рус. язык. IV, 231).

24. *«Сусѣди ставъ..... скажутъ»* — здѣсь подразумѣвается очная ставка свидѣтелей въ судебномъ мѣстѣ. Эта же форма вошла въ послѣдствіи и въ Уложеніе: «А кого судьи велятъ поставити къ суду и истцу и отвѣтчику ставъ передъ судьями искати и отвѣчати вѣжливо и смирно и не шумко» (Гл. X. ст. 105). См. также стр. 2 И. С. Гр.

25. Это выраженіе было формулой при показаніяхъ свидѣтелей. Судья, обращаясь къ свидѣтелямъ, говорилъ: «Скажите, въ Божью правду, о томъ-то» (См. Суд. Іоан. IV, ст. 15 — 19; Суд. Іоан. III «о послухахъ»). Въ отвѣтъ на это, свидѣтели излагали словесно свои показанія, которыя записывались въ судныя записи (Ст. Ист. образ. и разв. системы Рус. гражд. Судопроиз. М. Михайлова, стр. 92 и 100). При этомъ съ ихъ стороны обыкновенно употреблялась формула удостовѣренія: «*какъ право передъ Богомъ*» (Ср. Современ. 1847, № 6, Рус. Лит., стр. 228). Въ оригиналѣ, вмѣсто «право» стоитъ «правъ» — не ошибкою-ли? На стр. 9-й, въ одномъ мѣстѣ, читаемъ: «сказати какъ *прямо* передъ Богомъ»; см. также стр. 4, 9 и 10 Грамоты.

26. «*И цѣлованія ему нѣтъ*». «*Цѣлованіе*» въ П. С. Гр. вездѣ употребляется въ смыслѣ клятвы, утвержденной цѣлованіемъ креста, присяги. «Возвѣщаху его Новгородское преступленіе крестнаго цѣлованія» (Никон. лѣт. VI, 74). Точно также говорилось «крестъ цѣловать» вмѣсто присягать, и «привести въ цѣлованіе» вмѣсто привести къ присягѣ (Ср. Новг. лѣт. I, 38, 109, 110). «Приде князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ.... и цѣлова крестъ на всеи воли Новгородстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ» (Соф. Времен. I, 236; см. также С. Г. Г. и Дог. I, стр. 1 и 48). «Крестное цѣлованіе» въ смыслѣ присяги употребляется и у Карамзина (И. Г. Р. VI, 220; VII, 58, 88; VIII, 46, пр. 123; IX, 266, пр. 330 и т. д). Точно также понимаетъ «крестное цѣлованіе» и г. Соловьевъ (Объ отн. Новг. къ В. К., стр. 53). Въ первой Новгородской лѣтописи мы находимъ выраженія: «цѣловати крестъ къ кому» (стр. 6, 14 33, 37, и т. д.); «водите къ кресту» (стр. 59); «заводити къ хресту» (стр. 4); «приступити крестъ», нарушить присягу (стр. 60); преступникъ кресту — нарушитель клятвы (стр. 34). Ср. еще Ник. Лѣт. VI, 73; Сл. Ц. С. и Рус. яз. II, 220.

27. Здѣсь, для полноты смысла, удобнѣе переставить знаки препинанія нѣсколько иначе отъ разстановки ихъ, принимаемой г. Мурзакевичемъ. Въ этомъ случаѣ мы слѣдуемъ примѣру К. А. Неволина (см. Ист. Рос. Гр. Зак., II, 183).

28. «*Лѣшую землю*» издатель объясняетъ излишнею землею; но прилагательное *лѣшій* происходитъ отъ существительнаго *лѣсъ*. Слова «*лѣшая земля*» должно перевести выраженіемъ «*земля подъ лѣсомъ*», которое вѣрнѣе прочихъ объясненій подходитъ къ настоящему случаю. Въ томъ-же смыслѣ «лѣшую землю» понимаетъ и пр. Неволинъ, говоря, что «землею подъ лѣсомъ нельзя было пользоваться такъ непрерывно, такъ для всѣхъ видимо, какъ землею пахотною, или водою; при томъ же можно было пользоваться лѣсомъ, не присвояя себѣ права на землю подъ нимъ» (И. Р. Г. Зак. II, 183). Въ древнихъ актахъ прилагательное *лѣшій* также употребляется въ смыслѣ *лѣсной*; напр. «Продалъ есми пожни свои и съ лѣшими ухожаи» (Акты Юрид. 125). «Объѣзжають лѣшими дорогами» (А. А. Э. III, 462). «Отдалъ сыну своему всю Корельскую землю и съ Лопью и съ лѣшею и съ дикою» (Древ. Вивл. II, 418).

29. Въ ориг. «*а исца оба*», т. е. истецъ и отвѣтчикъ. Названіе истца прилагалось безразлично къ обѣимъ тяжущимся сторонамъ; такъ было и въ законахъ Новгородскихъ (См. Суд. Новг. Гр. 1471 г.). Въ «Рус. Достоп.» мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: «истецъ ежели въ именительномъ надежѣ, то значитъ обвинитель, проситель; ежели въ винительномъ, то отвѣтчикъ» (II, 29; см. изд. Болтина). Татищевъ говоритъ, что слово «исцы разумѣетъ

обоихъ суперниковъ; а что нынѣ истецъ, то здѣсь ищея, а челобитчикъ, жалобникъ имянованы» (прим. къ Суд. *а*, стр. 40). — Случай, гдѣ обѣ стороны именуются одинаково мы видимъ и далѣе на стр. 10 П. С. Гр.: «Лѣсти въ судебницу двѣма сутяжникома». Слово отвѣтъ значило возраженіе, отсюда отвѣтчикъ. (См. К. Кавелина: Осн. нач. Рус. Судоустр., стр. 30).

30. Въ ориг. сказано: *«а исца оба возмутъ межниковъ, да оба изведутца по своимъ грамотамъ»*. Слово *«извести»* издатель переводитъ довести до конца; но едвали подобное объясненіе можетъ дать надлежащій смыслъ этой статьѣ, вообще не отличающейся ясностью и полнотою. Принимая объясненіе г. Мурзакевича, мы могли-бы перевести эту статью слѣдующимъ образомъ: «оба истца возмутъ межевщиковъ *и рѣшатъ* (окончатъ) *дѣло* по своимъ грамотамъ». Послѣдующія слова имѣли бы тогда смыслъ весьма неопредѣленный. Точно также на стр. 4-й П. С. Гр. мы читаемъ: «и послухъ изведется иначаемъ его»; на стр. 9-й «а тотъ прорука (порука), кто изводъ поставилъ». Переведя слово «извести» — довести до конца, окончить, рѣшить, мы не имѣли бы ни какой возможности узнать смыслъ этихъ постановленій. Можно навѣрно полагать, что это слово имѣетъ совершенно другое значеніе въ настоящемъ случаѣ. Происхожденіе его объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ древнія времена хозяинъ вещи, нашедшій ее у другаго лица, требовалъ, чтобъ онъ показалъ ему, гдѣ пріобрѣлъ эту вещь («пойдемъ на сводъ, гдѣ еси взялъ»), т. е. шелъ съ нимъ къ тому человѣку, отъ котораго, по показанію отвѣтчика, вещь къ нему дошла (См. Рус. Правду, ст. CXXV, стр. 129, въ соч. Калачова). И такъ *сводомъ* называлось сличеніе какихъ-либо доказательствъ, клонившихся къ узнанію настоящаго хозяина оспариваемой вещи, и вообще *сведеніе, очная ставка* двухъ или многихъ лицъ, способствовавшихъ къ разъясненію татебнаго дѣла. Тоже самое значеніе имѣли слова *«изводъ»* и *«отводъ»*; напр. «А дастъ съ себя.... поличному *сводъ* и въ томъ.... продажи нѣтъ» (А. А. Э. III, 157). «А тотъ человѣкъ того поличного не очиститъ и *отводу* ему не дастъ, и того приводнаго человѣка..... пытать» (ibid., II, 389). «А кто у кого что знаетъ татебное, и отъ съ себя сведетъ до десяти *изводовъ*, нолны до чеклого татя, и онъ того намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего» (ibid., I, 8). «И имѣетъ проситись на *изводъ*, ино его на *изводъ* пустити» (ibid. 10). Слово «изводъ» употребляется и въ Русской Правдѣ: «аще кто взыщетъ на друзѣ опроче, а онъ ся запирати зачнетъ; то итти ему на *изводъ* предъ 12 человѣкъ» (ст. CXXXVI, въ соч. Калачова, стр. 134). *«Отводъ»* постоянно упоминается въ Уложеніи (гл. XXI, ст. 50, 51). Различіе между этими тремя словами существовало только во времени ихъ употребленія, въ ихъ историческомъ происхожденіи. Отводъ встрѣчается и въ Новгородской первой лѣтописи, но кажется въ смыслѣ отвода земли; тамъ-же употребляется слово *«разъводъ»* въ смыслѣ отвода (стр. 112). Слово *«възводъ»*, по всей вѣроятности, имѣло значеніе свода: «иде Вълхово опять на възводъ» (Новг. лѣт. I, 105). До сихъ поръ всѣ эти слова, если и были объясняемы, то большею частью съ одной филологической точки зрѣнія; ихъ историческое значеніе было оставляемо въ сторонѣ, тогда какъ оно собственно и должно было бы служить ключемъ къ ихъ правильному объясненію; въ слѣдствіе такого недостатка, нерѣдко «отводъ» принимается совершенно несправедливо въ смыслѣ надѣленія, раздѣла, развода; «изводъ» — съ значеніемъ окончанія, рѣшенія; «възводъ» переводится выраженіемъ вспять, назадъ и т. п. — Очевидно, что слова «сводъ» и «изводъ»

однозначущи въ вышеприведенной статьѣ П. С. Грамоты; вмѣсто *«изведутца»* мы можемъ читать *«сведутца»* и тогда намъ будетъ вполнѣ понятенъ смыслъ этого постановленія.

31. Ср. прим. 24. Въ ориг. *«господа»* — имя собирательное, значитъ вообще всякую вѣчевую власть. «Клапяемся вамъ, господѣ своеи; обороните насъ» (Новг. лѣт. I, 81). Новгородцы и Псковичи назывались господою въ отношеніи къ своимъ подданнымъ (ibid., 99, 100 и 107). «Поидоша сынове на дѣти, братъ на брата, рабы на господу, а господа на рабы» (Новг. лѣт. IV, 22; Ср. Собр. Госуд. Гр. и Дог. I, стр. 4). На стр. 17-й П. С. Гр. снова упомянуто о господѣ: «Кто предъ господою ударитъ на судѣ своего истьца» и пр. Ср. еще Арцыб. Пов. о Россіи, III, пр. 681.

32. Въ ориг. *«межникъ»* — межевщикъ. «А какъ межникъ пріѣдетъ съ межи, ино той судъ кончати» (См. Ц. С. и Рус. яз. II, 296). Глаг. *«снять»* употребленъ здѣсь въ смыслѣ перевести на бумагу или на лубъ, срисовать. Ср. А. Ю. № 2.

33. Въ ориг. *«поле»*. См. Суд. Іоанна IV: «А досудятся до поля, да не ставъ у поля помирятся» (ст. 18). См. также: Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, № 1; А. А. Э. I, № 131 (1494 г); Суд. Новг. Гр. Акты Ист. I, № 155; соч. Герберштейна R. M. C. 39; Карамзина И. Г. Р. III, 128, пр. 248, 250; V, 226, пр. 402; VI, 220, пр. 42, и мн. др.

34. Слово *«повинить»* издатель Грамоты переводитъ «не признать», но мы слѣдуемъ объясненію Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 239. «Игумена Лаврентія и старцовъ повинихомъ».... (Акты Юридич. 4). Доказательствомъ того, что слово «повинить» должно перевести «признать виновнымъ» служитъ еще слѣдующее мѣсто П. С. Гр. (стр. 5). «А который не слался, ино его въ томъ не повинити (т. е. не признать виновнымъ) что неслался». Слѣдуя объясненію г. Мурзакевича, мы должны были бы перевести это мѣсто совершенно наоборотъ, что вполнѣ противорѣчило бы приведенному постановленію Грамоты. Тоже самое см. на стр. 6 и 7-й.

35. Въ ориг. *«посудить»* значитъ принять въ споръ, предать суду; «не посудить» — оставить безъ дальнѣйшаго слѣдствія, не считать достойнымъ суда (ср. пр. 9). Издатель П. С. Гр. переводитъ слово «посудить» не принять въ уваженіе, съ чѣмъ несогласенъ смыслъ постановленій Грамоты.

36. *Сотскій* былъ начальникъ надъ сотнею и, по должности, стоялъ между Тысячскимъ и Десятскимъ. Раздѣленіе жителей на сотни въ особенности замѣтно въ Новгородѣ (См. Уставы и Управленіе Новг. въ ср. вѣки, В. II., стр. 47; также И. Г. Р. I, 146; III, пр. 100; IV 48, 67, пр. 133; V, 226, пр. 402; VIII, 69, 161, пр. 91 и т. д.). Еще до царствованія Іоанна III, сотскіе имѣли въ своемъ вѣдѣніи судебное дѣлопроизводство; такъ въ Древн. Рос. Вивл. сказано: «тѣ суды судятъ наши намѣстники; а которыи слуги потягли къ Дворскому, а черныи люди къ Сотскому» (I, 402). Тоже находимъ и въ Псковской лѣтописи: «таковъ крестъ цѣловаша Судьи Псковскія и Соцкія» (г. 6969; см. И. Г. Р. V, 369). Рейцъ говоритъ, что Сотскій часто значитъ тоже, что Становщикъ (Опытъ и пр., стр. 151), и не приписываетъ сотскимъ судебнаго значенія (ibid., 164).

37. Въ ориг. *«отымати выкупкомъ»*. Объясненія этихъ словъ мы не могли найдти ни въ словарѣ издателя, ни въ другихъ словаряхъ, ни въ лѣтописяхъ. Наше предположеніе перевести «выкупокъ» записью на выкупъ проданной или заложенной земли оправдывается тѣмъ, что въ древнія времена

дѣйствительно существовала *выкупная запись* (См. Акты Юрид. 157; также Сл. Ц. С. и Рус. яз. I, 208). Пр. Неволинъ хотя и присоединяетъ это постановленіе къ статьѣ о выкупѣ родовыхъ имуществъ, но въ примѣчаніи прибавляетъ, что оно можетъ и не относиться къ этому отдѣлу (П. Р. Гр. З. III, 64). Вообще это мѣсто въ Грамотѣ выражено темно и неопредѣленно.

38. «*Правду*» издатель переводитъ: судъ, расправа; «вести къ правдѣ», вести на судъ. Но «правда» имѣетъ двоякое значеніе: во первыхъ, она употребляется въ смыслѣ *права производить судъ*, завѣдывать судебными дѣлами; напр. «Се язь князь великій... пожаловалъ есми Дмитрея Аминева Утшановымъ да Яхренгою, съ правдою, въ кормленье» (Дополн. къ Акт. Ист. I, 362). «Се язъ князь велики.... пожаловалъ есми безъ правды.... въ кормленье» (ibid.; см. также Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 418). Гораздо рѣже «правда» употреблялась въ смыслѣ пошлины за призывъ свидѣтеля къ допросу: «А доводчику имати хожепое и ѣздъ, и правда, по грамоты» (Акты Ист. I, 153). Во вторыхъ, «правда» весьма часто имѣетъ значеніе *присяги*, крестнаго цѣлованія, и кажется, что въ лѣтописяхъ она чаще всего встрѣчается въ этомъ смыслѣ: «И рече имъ Князь великій Святополкъ: межи нами Богъ и правда есть, како урядилися есмя съ Володимиромъ» и пр. (Кенигсб. сп., стр. 166). «Инача (Андрей Ивановичъ Старицкій) со князем съ Иваномъ ссылатися, и у Князя Ивана учалъ правды просити» (Книга Царств. стр. 71). «И тую всѣ грамоту послали къ тебѣ съ твоими послы, учиня на ней правъду передъ твоими послы» (Кн. Пос. Метрика В. К. Литовскаго, I, № 78). Пр. Соловьевъ, въ соч. «Объ отнош. Новг. къ В. К.», понимаетъ правду также въ смыслѣ присяги, говоря, что «Владимірцы, непривыкшіе къ самостоятельному быту, охотно бы повиновались вѣчевому приговору городовъ старшихъ, еслибъ съ одной стороны тому не препятствовала ихъ правда, ихъ крестное цѣлованіе, а съ другой стороны безразсудство Ростовцевъ» и т. д. (стр. 36 и прим. 66). Въ «Исторіи Россіи» тотъ же авторъ переводитъ «правду» слѣдованіемъ дѣла, исправленіемъ зла (I, 234); но естественно, здѣсь нѣтъ противорѣчія, ибо «правда», какъ мы замѣтили, имѣла двоякое значеніе. При производствѣ слѣдствія, судья, обращаясь къ тяжущимся или свидѣтелямъ съ обычною формулою: «скажите въ Божью правду, по крестному цѣлованію», вѣроятно напоминалъ имъ объ ихъ присягѣ (Ср. Акты Юрид. № 16, 1511 г., также Русскую Правду и Судебники). Въ Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. «правда» также упоминается въ смыслѣ присяги (III, 418). По самой сущности постановленій П. С. Гр., легко понять, что слово «правда» встрѣчается въ ней почти вездѣ въ значеніи присяги, крестнаго цѣлованія, а не суда или расправы. Ср. еще Арц., Пов. о Р. IV, 113, пр. 723. См. еще прим. 129.

39. Въ ориг. «ссудіа», въ другомъ мѣстѣ «*съсудіа*»; нѣтъ сомнѣнія, что эти слова значутъ тоже самое, что мы въ настоящее время подразумѣваемъ подъ именемъ «ссуды». На стр. 6 П. С. Гр. упоминаются: «*съ суда серебра*», «*ссудное серебро*». Здѣсь мы не имѣемъ причины предполагать что-либо, непосредственно относящееся къ суду или судьѣ.

40. Въ грамотѣ Князя Михаила Тверскаго къ Архіепископу Новгородскому замѣчательно выраженіе: «А кто будеть *закладень* позоровать ко мнѣ», которое Карамзинъ переводитъ: «кто чрезъ *кабалу* обратился ко мнѣ лицемъ, отдалъ мнѣ себя» (Собр. Госуд. Гр. и Дог. I, 5, и И. Г. Р. IV, пр. 187). Слово «закладень», безъ сомнѣнія, имѣетъ сродство съ закладомъ, и переводъ Карамзина «закладня» кабалой служитъ этому доказательствомъ. Въ

древнія времена заемъ былъ обезпечиваемъ, вмѣсто заклада имущества, личною свободою должника; отсюда кабальное холопство.

41. «*Искати на приказникахъ*» — взыскивать съ душеприкащиковъ, повѣренныхъ (См. Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 467). «*Приказъ*» иногда значилъ завѣщаніе: «А приказъ весь дати, и взяти, и по душѣ поправить» (Акты Юрид. 440).

42. «*Положить доску*»—представить письменный актъ, начерченный на липовой, или другой какой древесной корѣ. Домовые акты писать на доскахъ и даже на берестѣ, было въ обычаѣ у Славянъ Западныхъ и Русскихъ. См. Prawa zemi ceske, Wsehrda (Объясн. изд.). У Карамзина мы находимъ: «А что на *дъщькахъ* (доскахъ), то Князю оставиша... Даша дъщкы Дмитровы Святославу, а бяше на нихъ безъ числа». Татищевъ изъяснялъ, что «*дсками*» назывались лавки купеческія; но въ подлинникѣ сказано, что граждане взяли сокровища и все *житье* или имѣніе осужденныхъ: слѣдственно и товары. Въ Лѣтописяхъ: Воскресенской (II, 148), Ростов. и другихъ истолкованъ смыслъ: а что на доскахъ *въ писмѣ* осталося то Князю (И. Г. Р. III, пр. 128). Въ древнія времена, для написанія документовъ, кромѣ досокъ, употреблялись еще лубъ, beresто или кора берестовая (См. Ист. Рос. Гр. Зак. II, 50, пр. 219, 220, 221. Ср. также Акты Юридич. с.3, г. 1483 и Новг. лѣт. I, 30). См. стр., 5, 6, 7, 11, 14 и 15. П. С. Гр., гдѣ упоминается о доскахъ; также соч. Шафарика: Die ält. Denkm. der böhm. Spr. s. 98.

43. «*Сблюденье*», «*блюденье*», сохраненіе, храненіе. «Блюсти» значитъ хранить; «сблюсти» — сохранить. В. Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. слово «блюсти» объяснено только въ значеніи соблюдать, наблюдать (I, 63). Иногда «блюсти» употреблялось въ смыслѣ вѣдать, управлять: «отъ князя великаго пріѣхалъ на Двину Князь Ѳедоръ Ростовскій, городка блюсти и судити и пошлины имати съ Новгородскихъ волостей» (Новг. лѣт. I, 99).

44. «*Крута*» издатель переводитъ: парчевое или шелковое платье; иконный окладъ. «Крута» значитъ вообще украшеніе; «иконная крута» иконное украшеніе, окладъ; это слово едва ли употреблялось въ смыслѣ парчеваго или шелковаго платья, тѣмъ болѣе что въ П. С. Гр. крута ясно отличена отъ платья: «дѣверю отдать платье, или крута» (стр. 14). Въ лѣтописяхъ это слово также употребляется въ смыслѣ украшенія: «Товара много поимаша и иконной круты» (Новг. I, 90); «архіепископы нача проклинати грабителей мониста и круту емлющихъ» (Новг. III, 245; ср. также ibid. I, 80).

45. Въ ориг. «*съ подряднею*». «*Ряда*» — завѣщаніе, постановленіе, распредѣленіе: «безъ ряды умретъ, то всѣмъ дѣтямъ, и на самаго часть дати по душѣ» (Рус. Дост. II, 104: безъ ряда); *рядить* распоряжать, управлять: «пасти, и рядити, и пещися всѣми церквами» (Акты Ист. I, 74); *рядный*— слѣдующій по договору; *рядница* — письменный договоръ, распоряженіе; (Сл. Ц. С. и Рус. яз. IV, 84); суды рядить — править, производить (Р. Д. III, 157); *рядити* — приказывать, regere, gubernare (ibid., 197). Пр. Погодинъ говоритъ, что выраженія: *рядъ*, *ряженіе*, *рядить* совершенно соотвѣтствуютъ норманскимъ: radh, radha, radhagerd: «земля наша велика и обильна, а *наряда* въ ней нѣтъ». Онъ замѣчаетъ, что это слово часто встрѣчается въ удѣльномъ періодѣ (Изслѣд. Замѣч. и Лекціи III, 397). Г. Куницынъ также полагаетъ, что *рядить* и *уряжать* значитъ договариваться, условія полагать, соглашать и примирять. «Варяго-руссы», продолжаетъ онъ, «взяли это слово изъ Фрисландскаго языка и со многими другими словами принесли

къ Новгородцамъ.... Между тяжущимися сторонами, при учиненіи сдѣлки о спорномъ правѣ, употребляются слова «рядить», «урядить», «рядъ положить.» Въ законахъ Русскихъ говорится о посредникахъ, что они урядили, или рядъ положили» (Ист. изобр. древн. судопр., стр. 25).

46. По объясненію Сл. Ц. С. и Рус. яз. (IV, 77), *«рукописаніе»* значило заемное письмо и письменное обязательство: «И даде ему рукописаніе» (Тов. V. 3). «Истребивъ еже на насъ еже рукописаніе ученіи» (Кол. II, 14). О томъ-же, что «рукописаніе» употреблялось иногда въ смыслѣ духовнаго завѣщанія, въ Словарѣ Ц. С. и Рус. яз. вовсе не говорится. Между тѣмъ этотъ случай встрѣчается въ П. С. Гр. на стр. 14-й; именно тамъ ясно сказано, что въ случаѣ смерти жены безъ рукописанія, мужъ владѣлъ оставшеюся послѣ нея отчиною, если только не вступалъ въ новый бракъ и пр. Здѣсь очевидно, что рукописаніе не имѣетъ вовсе того значенія, какое предписано ему Словаремъ. Пр. Неволинъ относитъ это мѣсто Грамоты къ отдѣлу о наслѣдствѣ и понимаетъ рукописаніе въ смыслѣ завѣщанія (П. Р. Гр. З. III, 357). Ср. Рукописаніе Магнуса у Арц. Пов. о Р. III, 745.

47. *«И въ ларь положено»*. Слово *«ларь»* значитъ поставецъ, ящикъ (архивъ), въ которомъ во Псковской соборной церкви Св. Живоначальныя Троицы, особо для сего назначеннымъ изъ духовнаго званія хранителемъ — *«ларникомъ»*, сберегались вѣчевые уставы, грамоты и проч. (Объясн. изд., см. также слова *«ларь»* и *«Ларникъ»* въ Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. II, 245). О сохраненіи Грамотъ въ Троицкомъ архивѣ упоминается и въ первой Псковской лѣтописи: «написавъ Грамоту изъ Намакапуна и въ ларь положиша» (стр. 233). Тоже свидѣтельствуетъ и митрополитъ Евгеній (см. Ист. Княж. Псковскаго, I, 40; III, 33). У Карамзина хотя мы и встрѣчаемъ указанія на соборную церковь Св. Троицы во Псковѣ, но нигдѣ не находимъ свѣдѣній о Троицкомъ архивѣ (Ср. И. Г. Р. II, 110, пр. 266; IV, 64, 166, пр. 121, 138 и др.).

48. Въ ориг. *«животомъ владѣетъ»* — владѣетъ имуществомъ, имѣніемъ. «Крестьянскіе животы» (Улож. II, 25). *«Животъ»* часто употребляется въ этомъ смыслѣ въ лѣтописяхъ (Ср. Новг. лѣт. I, 87, 89, 99, 101). Тоже значеніе имѣли слова *«житіе»* и *«жизнь»*: «идоша на дворы ихъ грабежымъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажгоша, а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша» (Новг. лѣт. I, 30). «Се есмы села ихъ пожгли вся и жизнь ихъ всю.... а поидемъ къ Любчю, идѣже ихъ есть вся жизнь» (Пол. Соб. Рус. Лѣт. II, 37). У Карамзина мы находимъ: «Въ подлинникѣ сказано, что граждане взяли сокровища и все *житье или имѣніе* осужденныхъ» (И. Г. Р. III, пр. 128; ср. также Сл. Ц. С. и Рус. яз. I, 409, 410, 413). — Вообще всю эту статью Грамоты, по причинѣ нѣкоторой неясности выраженій, невозможно перевести буквально слово въ слово. — Ср. Обл. Сл., 56.

49. Въ ориг. *«подъ пожаръ за недѣлю»*. Здѣсь предлогъ *«за»* мы переводимъ: *чрезъ, спустя*, основываясь на изъясненіи Карамзина одного мѣста лѣтописи, гдѣ представился подобный случай; въ И. Г. Р. (III, пр. 100) сказано: «и приде Ярославъ по Крещеніи за (чрезъ) недѣлю.»

50. Въ ориг. *«судить на того волю»* — судить по волѣ того. *«Воля»* — свобода, желаніе; *«волею»* — sua sponte; тоже самое «по своеи воли» (Ср. Новг. лѣт. I, 14, 15, 63); «дѣлать что въ своеи воли» — сдѣлать по своей волѣ; Новгородцы заключали миръ «на всеи воли Новгородстѣи» (Соф. Вр. I, 236; Собр. Гос. Гр. и Дог. I, I, 48; ср. также Сл. Ц. С. и Рус. яз. I, 157). Выраженіе «по волѣ того» не разъ встрѣчается въ П. С. Гр.; см. стр. 14, 15;

на стр. 16-й сказано «на *три воли* тому человѣку на комъ сочатъ», т. е. представляются ему *три выбора* и т. д.

51. «*Лѣзть на поле*» — идти на судебный поединокъ. «*Лѣзти*» вообще значило идти; отчасти оно сохранилось и теперь (См. Обл. Сл. *лазить*).

52. Для того, чтобъ ее взялъ тотъ, кто считаетъ себя въ правѣ владѣть ею (объясн. Изд.). Въ лѣтописяхъ нерѣдко употребляются *крестныя Грамоты*, т. е. вѣроятно такія, которыя нѣкоторое время лежали у креста, въ церкви, для большаго удостовѣренія въ ненарушимости (Ср. И. Г. Р. II, 119, 133, 157, 164 и т. д.). Впрочемъ слово «*крестный*» также означаетъ утвержденный крестнымъ цѣлованіемъ, присягою: «Кончали миръ по крестнымъ грамотамъ съ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ» (Древ. Вивл. VI. 459).

53. Слово «*закупенъ*» встрѣчается только въ одномъ этомъ мѣстѣ Грамоты; оно соотвѣтствуетъ «*закупу*» Русской Правды. Названіе «*закупъ*» объясняется тѣмъ, что уже по договору Русской Правды, свободный человѣкъ запродавалъ себя другому во временное холопство; слѣдовательно наемная плата, вся или часть ея, выдавалась закупу хозяиномъ впередъ въ видѣ займа, который закупъ выплачивалъ своею работою или службою: «Продастъ ли господинъ закупа обьль, то наимету свобода во всѣхъ кунахъ» (Рус. Дост. I, 49). Изъ этого временнаго холопства образовалось *кабальное*, продолжавшееся по смерть господина (И. Р. Гр. З. III, 192). Карамзинъ говоритъ, что въ Русской Правдѣ холопомъ обѣльнымъ или полнымъ называется, между прочимъ, закупъ, т. е. наемникъ или на время закабаленный человѣкъ, который, не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что онъ ходилъ къ Князю или Судьямъ, искать управы на господина (И. Г. Р. II, 27). Между хозяиномъ и закупомъ существовали, какъ видно, отношенія весьма тѣсныя, неоснованныя на одномъ простомъ личномъ наймѣ. Пр. Рейцъ называетъ «закупа» нанятымъ работникомъ (Опытъ и пр., 194). Г. Соловьевъ вовсе не отличаетъ «*закупа*» отъ «*наймита*» (Ист. Россіи, I, 229), слѣдуя въ этомъ многимъ, которые смѣшиваютъ понятіе закупа съ понятіемъ наймита и не видятъ между ними никакой разницы (Ср. Сл. Ц. С. и Рус. яз. II, 30 и 370). Издатель Грамоты также перевелъ слово «закупенъ» — наемникъ, работникъ. Между тѣмъ только выраженіе «наймитъ» можетъ быть переведено въ настоящемъ смыслѣ наемника, потому что одинъ наймитъ, при наймѣ, сохранялъ вполнѣ свою личную свободу. На этомъ основаніи, слово «*закупенъ*» мы перевели — *обязанный наемникъ*. Ср. Прим. 61.

54. Въ ориг. «*скотникъ*». Карамзинъ говоритъ, что «*скотницею*» называлась казна. Болтинъ думалъ, что надобно читать «*скатница*», и что сіе имя есть Шведское *skatt*, т. е. деньги, казна, сокровище: но когда Латинское слово *pecunia* (деньги, имѣніе, богатство) происходитъ отъ *pecus* (скотъ), то и древнее Русское имя «скотница», въ смыслѣ казны, не можетъ ли имѣть такого же происхожденія? Домашній скотъ былъ первымъ богатствомъ людей. Несторъ говоритъ (въ печатн. стр. 99) «и начаша скот брати, отъ мужа по четыре куны, а отъ старостъ по десяти гривенъ» и пр. Слѣдственно имя скотъ также означало у насъ деньги (И. Г. Р. I, пр. 477). Мнѣнію Карамзина слѣдуютъ пр. Погодинъ и Арцыбышевъ (см. Изс., Зам. и Лекціи III, 281, 284; Пов. о Рос. I, пр. 93). Тоже самое думаетъ и Татищевъ, объясняя слово «скотъ» деньгами или серебромъ по достоинству, «ибо въ самой древности цѣну счисляли скотомъ» (Суд., стр. 14). Итакъ «скотникъ» былъ

человѣкъ, пускавшій деньги, «скотъ», въ оборотъ. Впрочемъ это объясненіе не исключаетъ и другаго значенія скотника; иногда это слово употреблялось въ своемъ прямомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ человѣка, торгующаго скотомъ продавца скота. Различіе между первымъ и вторымъ объясненіемъ не будетъ казаться слишкомъ большимъ и сближеніе денегъ и скота не представится нелогическимъ, если мы вспомнимъ, что въ древнія времена деньги, по причинѣ малаго употребленія, замѣнялись натурою; это въ особенности замѣтно въ уплатѣ податей (См. Ист. финанс. учрежденій Россіи, гр. Д. Толстаго, СПб. 1848, стр. 38, 39, 40). Мы перевели скотника словомъ заимодавецъ, не обращая вниманіе на различіе приведенныхъ нами объясненій, потому что скотникъ, пуская въ оборотъ скотъ или деньги, или отдавая ихъ въ заемъ подъ закладъ, во всякомъ случаѣ былъ заимодавцемъ.

55. Въ ориг. «*по волости ходитъ*». «*Волость*» значитъ область, нѣсколько деревень одного вѣдомства или одного владѣнія. Рейцъ говоритъ, (Опытъ и пр., стр. 151) что «волостель» и «волость» прежде принимались въ обширномъ значеніи властителя и его владѣнія: «Богъ поставилъ насъ вълостеле въ местъ злодѣемъ» (П. Г. Р. II, пр. 325). «Тоеже осени да ему отецъ волость Туровъ и Пинскъ и Дорогобужъ и Пересопницу» (ibid., пр. 331). Въ послѣдствіи волость означала область, землю, въ противоположность городу: «городъ Старица съ волости и съ путями» (Духов. грам. 1504 г.). Въ грамотахъ 1307 года упоминается о Новгородской волости (области): «а вязчего не пошло по Новгородской волости, то судіямъ твоимъ отложити». Тоже самое читаемъ въ грамотахъ 1265 и 1270 г.... «а свободъ ти, ни мытъ на Новгородской волости не ставити». Волости иногда назывались Великокняжескими. См. Гр. 1471 г. Ср. еще: Судебн. LXXVIII; П. Г. Р. III, пр. 164; Арцыб. Пов. о Рос. I, пр. 62.

56. Въ ориг. «*верша*», т. е. хлѣбъ, жито, хлѣбныя зерна: «изби морозъ вързшь всю и озимицѣ; и зая князь вързшь на Тръжьку» (Новг. лѣт. I, 5, 33; ср. также Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. I, 114). Арцыбышевъ, разбирая это мѣсто Новг. лѣт., спрашиваетъ: «что значитъ: *вързшь*? Здѣсь рѣчь не о Вышнемъ ли Волочкѣ (при верьховьяхъ рѣкъ Мсты и Тверцы), чрезъ который отправляли хлѣбъ въ Новгородъ?» (Пов. о Рос. I. пр. 1816). Невѣрность этого предположенія очевидна. Г. Мурзакевичъ объясняетъ слово «верша»— «насыпъ съ хлѣба зерноваго, отливъ съ жидкости, въ пользу заимодавца»; но на стр. 8-й П. С. Гр. видно, что «верша» употреблялась не въ одномъ только этомъ значеніи.

57. Въ ориг. «*на комъ сочатъ*». «*Сочить*» значитъ отыскивать, требовать, доправлять: «Оже Богъ казнь свою возложилъ на Антонія а вы сочите такого мужа» (Новг. лѣт. I, 45). На стр. 17-й П. С. Гр. читаемъ: «Кто зажочи на комъ учнетъ сочить».... «Корову купить за слюблено, а по торговли телятъ не «сочить» и т. д.

58. Въ ориг. «*сачитъ.... по позовничи*». Слово *позовникъ* издатель Грамоты переводитъ: *истецъ*, требующій отвѣтчика въ судъ. Между этими словами существуетъ большое различіе: истцомъ назывался тотъ, кто, какъ и теперь, велъ противъ кого-либо искъ, а позовникомъ именовалось то лицо, которое только *призывало* отвѣтчика въ судъ; слѣд. должность послѣдняго, въ смыслѣ фактическомъ, была чисто исполнительная. «А позовнику за ѣзду взяти у нихъ гривна» (Прод. Рос. Вивл. V, 50). «А позывати по волостемъ позовникомъ Князей Великихъ» (Акты Арх. Экс. I, 41). Притомъ и

самое словопроизводство показываетъ, какую должность занималъ позовникъ: сущ. *позовъ* значитъ призываніе къ суду, призывъ (См. Сл. Ц. С и Рус. яз. III, 298). Позовники входили въ составъ многихъ другихъ лицъ, имѣвшихъ такую же обязанность призывать и доставлять къ суду отвѣтчика, свидѣтелей и вообще прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Эти должностныя лица имѣли въ разныхъ частяхъ Россіи различныя названія; такъ въ этомъ значеніи упоминаются: отроки Княжескіе, приставы, доводчики, подвойскіе, позовники, бирючи, софіяне, дворяне, недѣльщики, разсыльщики, ходаки, ѣздоки (См. А. А. Э. I, № 131; соч. Куницына, стр. 88; Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 158; Рейца Опытъ и пр. § 48, пр. 4. Ср. также соч. г. Кавелина, стр. 66—67 и г. Михайлова, 74—75). Небольшое различіе позовника, въ образѣ исполненія своей должности, отъ другихъ лицъ, имѣвшихъ туже обязанность, видно изъ слѣд. мѣста Актовъ Арх. Экс. (I, стр. 44): «А позовъ по волостемъ по Новгородскимъ позывати позовникомъ Князей Великихъ, да Новгородскимъ, а въ городъ позывати Князей Великихъ Подвойскій, да Новгородскій Подвойскій». И такъ позовникъ долженъ былъ вызывать къ суду отвѣтчика въ волостяхъ, тогда какъ подвойскій вызывалъ его въ томъ случаѣ, когда отвѣтчика требовалось доставить въ городъ, гдѣ находилось судебное мѣсто, выдавшее *позовницу* (зазывную грамоту) на его вызовъ. Изъ этого можно заключить, что въ послѣдствіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, обязанность подвойскаго была назначена ѣздоку, котораго должность состояла въ вызовѣ отвѣтчика изъ другаго мѣста жительства. Нѣтъ надобности приводить дальнѣйшія доказательства справедливости представленнаго объясненія; замѣтимъ только, что позовникъ, съ позовницею, данною отъ судебнаго мѣста, отправлялся къ отвѣтчику и доставлялъ его въ судъ на счетъ тяжущихся, получая за вызовъ къ суду опредѣленную приставную плату. Съ дальнѣйшимъ расширеніемъ границъ Русскаго Царства, возможность доставлять отвѣтчика къ суду, посредствомъ судейскихъ служителей, сдѣлалась весьма затруднительною; тогда правительство учредило новый вызовъ къ суду, который возлагался на самихъ истцовъ, слѣд. былъ частный; но онъ получалъ публичный характеръ выдачею истцу на этотъ вызовъ отъ правительства грамоты, которая въ Уложеніи называется *зазывною*: «Дати по него истцу Государеву зазывную грамоту» (Гл. X, ст. 114, 117; см. также соч. Кавелина, стр. 67). Хотя это обстоятельство и говоритъ нѣсколько въ пользу объясненія г. Мурзакевича, но образованіе частныхъ вызововъ учредилось повсемѣстно *не ранье* періода времени отъ Судебника до Уложенія; сверхъ того прежній вызовъ не уничтожился, особенно въ такихъ небольшихъ областяхъ, какова была Псковская.

59. Общее наименованіе свидѣтеля въ древнія времена было *«послухъ»*. «Господь да будетъ послухъ между нами» (Суд. XI, 10; ср. Суд. Іоанна III, ст. «о послухахъ и послушествѣ»). Въ Уложеніи подъ именемъ *послушества* разумѣется свидѣтельство лицъ, поименно означенныхъ тяжущимися, на которое послѣдніе ссылались какъ на доказательство. Ср. еще Тат. Суд., стр. 54, 55; Рус. Дост. II 29; Арц. Пов. о Рос. II, пр. 281, 684; III, пр. 180.

60. Въ ориг. *«и послухъ изведется иночаемъ его»*. Мы уже объяснили въ прим. 30, какое значеніе имѣли слова: *«изводъ»* и *«извести»*. Что же касается до выраженія *«известись иночаемъ»*, то мы нигдѣ не могли найдти правильнаго истолкованія этихъ словъ и должны ограничиться однимъ предположеніемъ, что сближеніе глагола *«иночвать»* и сущ. *«иночай»* въ Гра-

мотѣ основывается на сродствѣ и взаимномъ соотвѣтствіи этихъ двухъ словъ. Здѣсь не безъ основанія ставится въ параллель «почевать» и «иночай». Допустивъ, что выраженіе «иночай» переводится однимъ изъ производныхъ словъ глагола «почевать», мы можемъ придать ему троякій смыслъ: a) почеванія вообще; b) ночлега, т. е. мѣста, гдѣ почуютъ, и c) человѣка, который даетъ пристанище, ночлегъ. Но такъ какъ сличеніе или изводъ послуха (свидѣтеля) не можетъ относиться къ мѣсту, а предполагаетъ существованіе другаго лица, то мы и предпочли послѣднее изъ этихъ объясненій.

61. Въ ориг. «*наймить*» (ъ). Это былъ свободный человѣкъ, опредѣлявшійся въ услуженіе къ другому лицу и получавшій за службу извѣстную плату; наемникъ сохранялъ при этомъ вполнѣ свою личную свободу (ср. прим. 53). «Иные жили.... у тяглыхъ людей въ сидѣльцахъ и въ наймитахъ» (Улож. гл. XIX, 13). «Наяша наймиты возити мьртвьця изъ города» (Новг. лѣт. I, 5). Наемникъ, какъ видно изъ постановленій Псковской Судной Грамоты (стр. 7), Судной Новг. Гр. и Судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV, выходилъ биться за деньги на судебный поединокъ за другаго. Въ послѣдствіи это названіе нѣсколько измѣнило свое первобытное значеніе; такъ въ Указѣ Іоанна Васильевича (1582 г. марта 12) о даймѣ повѣренныхъ, довѣритель названъ наимщикомъ, наймитомъ, а повѣренный наемнымъ доводчикомъ (Суд. Тат., ст. 162, стр. 210).

62. Въ ориг. «*аркучи*». Издатель Грамоты принимаетъ два слова: *а ркучи* за одно и переводитъ его: говоря такъ. Между тѣмъ здѣсь союзъ *а* находится съ значеніемъ *и*, ибо извѣстно, что въ нашемъ древнемъ языкѣ эти два союза часто смѣшиваются и замѣняются одинъ другимъ; слѣдовательно въ этомъ выраженіи находится отдѣльный союзъ *а* и потомъ *ркучи*, — сокращенная форма *рекучи*, отъ глагола «*реку*» (Ср. еще Отеч. Зап., 1847, Сент. Рус. Лит., стр. 22). Должно замѣтить, что выраженіе «аркучи» было обыкновенною формою, которою начиналось изложеніе исковыхъ челобитныхъ; въ нихъ мы находимъ: «такъ рекъ», «такъ ркли», «аркучи» (Ср. Акты Юрид., № 1—23); Ср. Рус. Дост. III, стр. 100, 214.

63. Въ ориг. «*безъ дива*». Издатель Граметы переводитъ: нѣтъ дѣла. По его объясненію, можно подумать, что этотъ поступокъ со стороны тяжущагося только потому не принимается въ уваженіе, что въ этомъ нѣтъ дѣла Псковской вѣчевой власти. Но мы нигдѣ не видѣли, чтобы «*диво*» объяснялось просто *дѣломъ*. «*Диво*» есть вещь или дѣло, производящее удивленіе, *чудо; дивоваться* равносильно дивиться, удивляться: «Чтобъ воинскіе люди на то не дивовались» (Ратн. Уст. I, 115). Поэтому выраженіе — «безъ дива», кажется, можетъ быть объяснено болѣе простымъ образомъ, именно оно значитъ, что вещь или дѣло, заслуживающее удивленіе, вниманіе, вовсе не существуетъ, что если одинъ изъ тяжущихся не соглашался на свидѣтеля, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и слѣд. не должно обращать на это вниманія.

64. Слово «*погостъ*» издатель Грамоты переводитъ: *селеніе съ церковью*. Въ соч. К. А. Неволина: *О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ*», напечатанномъ въ Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. (книжка VIII, С.П.Б., 1853), подробно разсмотрѣны и опредѣлены происхожденіе, названіе и значеніе погостовъ (стр. 69—112). На основаніи этихъ изслѣдованій, можно полагать, что г. Мурзакевичъ, въ своемъ объясненіи, подобно многимъ ученымъ, не вполнѣ точно опредѣлилъ значеніе погостовъ. По мнѣнію Ломоносова, по-

гостъ есть тоже, что правильно, хорошо расположенныя селенія (Древ. Рос. Ист., С.П.Б. 1766, 4, стр. 79). Его объясненіе было принято только Елагинымъ (въ Опытѣ повѣств. о Россіи, кн. I, М., 1803, стр. 262 и 263); послѣ того оно не возобновлялось. Татищевъ, въ своей Исторіи, думалъ, что погостъ означаетъ: 1) мѣсто, что къ церкви, для житья церковниковъ, погребенія мертвыхъ; 2) церковь, построенная особно на церковной землѣ, и 3) цѣлый приходъ со многими селеніями (Ист. Рос., кн. 2, М. 1773, 4, стр. 41, (текстъ) и 389—390 (примѣч.). Его мнѣніе о Черемисскомъ происхожденіи погостовъ никѣмъ не было принято. Щербатовъ, Стриттеръ, Шлецеръ, Эверсъ видѣли въ погостахъ также извѣстные округи или волости, не представивъ однако ни какихъ подробнѣйшихъ объясненій. Карамзинъ говоритъ, что «слово погостъ употребляется нынѣ въ двухъ смыслахъ, означая село съ деревнями прихода его и мѣсто вокругъ церкви, гдѣ погребаютъ мертвыхъ. Въ древнія времена погостомъ называлась округа или нѣсколько деревень, подсудныхъ одному начальству». Согласно принятому такимъ образомъ для древнихъ временъ значенію слова погостъ, Карамзинъ замѣняетъ его названіемъ волости, говоря, что Ольга учредила по Лугѣ и Мстѣ государственныя дани, раздѣлила землю на погосты или волости (И. Г. Р., изд. 2, I, 165, пр. 377). Полевой думалъ, что погосты были также округи, но весьма обширные, каковы были въ послѣдствіи времени пятины (Ист. Рус. народа, т. I, М. 1829, 8, стр. 156 и 157). Арцыбышевъ считалъ слово *потугъ* равнозначительнымъ погосту. По Сл. Ц. Сл. и Рус. яз., погостъ есть: 1) Церковь съ кладбищемъ; церковь съ домами священнослужителей и церковною землею. 2) Стар. Округа, или нѣсколько деревень, принадлежащихъ къ одной волости». По опыту Областнаго Великорусскаго Словаря, изданнаго также II Отд. Имп. Академіи Наукъ (въ 1852) погостъ значитъ: 1) Кладбище. «Мертвый съ погосту не ворочается» (Посл. Арх. Шенк.) 2) Лѣтнее или зимнее селеніе Лопарей вообще, хотя бы тутъ и не было церкви. Арханг. Но и тамъ, вмѣсто церквей, есть часовни, отъ чего и селенія называются погостами. Изъ филологичяскихъ мнѣній, касающихся этого слова, замѣчательны слѣдующія: Жозефъ Миллеръ переводилъ погосты нѣмецкимъ словомъ Flecken (мѣстечко) или *Gastdörfer* (гостиныя, торговыя деревни). (См. его Altrussische Geschichte nach Nestor, Berlin, 1812, s. 122, 123 und 217, Anm. 85). Г. Бутковъ думаетъ, что «погостъ» происходитъ отъ Славянскаго *погостина*, которое на Богемскомъ нарѣчіи значитъ съѣзжее мѣсто, и у насъ знаменовало сборный пунктъ сельскихъ жителей. Погосты назывались именами этихъ съѣзжихъ мѣстъ, и тамъ, по введеніи Христіанства, сооружены церкви и назначены кладбища (Журн. Мин. внутр. д. ч. 20, 1836, стр. 408—409, въ статьѣ: о состояніи мѣстностей С.П.Б. въ XVI вѣкѣ). Г. Тюринъ съ наибольшею точностью хотѣлъ показать связь между погостами и торговлею. Онъ думаетъ, что «мѣсто временнаго соединенія съ торговою цѣлью, вѣроятно, называлось погостомъ. Собранія поселянъ происходили большею частью на торгу у храма, или церкви, на погостѣ. Отсюда названіе погоста распространилось на всю округу, состоявшую изъ селъ и деревень, и жители ихъ различались между собою по погостамъ». (Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси, А. Тюрина, С.П.Б. 1850, стр. 70—72). Пр. Рейцъ указалъ, въ 1829 году, на другое производство и возможное значеніе слова погостъ, полагая, что «погосты были поселенія, въ коихъ В. К. Ольга останавливалась какъ гостья и собирала подати.

Это стоитъ въ связи съ путешествіями князей, называвшимися *полюдье* (Versuch u. s. w. s. 57). Г. Соловьевъ развилъ мнѣніе пр. Рейца, называя погостами опредѣленныя мѣста княжеской стоянки, гощенія. «Такимъ образомъ», говоритъ онъ, «эти погосты могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ, и передать свое имя округамъ, въ послѣдствіи здѣсь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д.» (Ист. Россіи, I, м. 1851, стр. 125). Наконецъ митрополитъ Евгеній производитъ слово погостъ отъ Παγος и *Pagus*, которыя у Грековъ и Римлянъ значили тоже, что замокъ или крѣпость на возвышеніи, съ округою подвѣдомственныхъ ей волостей или селъ. Названіе же погостовъ, по введеніи Христіанства, осталось только при церквахъ съ кладбищами, къ коимъ въ приходъ приписано нѣсколько окрестныхъ волостей, селъ и деревень» (Ист. Княж. Псковскаго, ч. I, Кіевъ, 1831, стр. 26 — 28). Замѣтимъ еще, что въ грамотахъ Великихъ Князей Іоанна Васильевича и Василія Іоанновича тоницкамъ города Руссы пишется: «Погоста имъ не платити, ни въ черный боръ имъ не тянути» (Собр. Госуд. Гр. и Дог. I, 387 и 388). Очевидно, погостъ значитъ здѣсь какую-то подать или пошлину. Разсмотрѣвъ всѣ эти мнѣнія, пр. Неволинъ, въ вышеупомянутомъ сочиненіи, приходитъ къ тому выводу, что ни одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ названію и значенію погоста. Онъ не принимаетъ ни одного изъ тѣхъ словопроизводствъ, которыя были даваемы этому слову, замѣчая, что «во всѣхъ извѣстныхъ значеніяхъ коренымъ понятіямъ погоста является понятіе мѣста Богослужебнаго. Писцовыя книги, другіе памятники, и даже нынѣшнее словоупотребленіе не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія. По симъ источникамъ погостъ прежде всего значитъ мѣсто, на которомъ стоитъ церковь съ ея принадлежностями (между прочимъ, кладбищемъ и домами священно и церковнослужителей); потомъ — самую церковь, далѣе селеніе, въ которомъ она находится; наконецъ округъ людей и земель, принадлежащій къ этой мѣстности въ церковномъ и гражданскомъ, или исключительно церковномъ отношеніи» (стр. 85 и 86). «Въ самомъ дѣлѣ», продолжаетъ авторъ, «должно тотчасъ устранить производства, заимствованныя изъ Финскаго, Греческаго или Латинскаго языковъ. Эти производства, кромѣ сходства въ нѣкоторыхъ звукахъ, ничего не имѣютъ въ свою пользу; они не подтверждены ни филологическими, ни историческими соображеніями. Затѣмъ остаются производства изъ Славянскаго (и въ тоже время Русскаго) языка. Но какъ ни естественны кажутся предположенныя прежде, по которымъ погостъ первоначально долженъ значить мѣсто временнаго гощенія (остановки) или мѣсто торга, мнѣ кажется, надобно и отъ нихъ отказаться: если бы одно изъ этихъ значеній было первоначальное, то почему именно въ этихъ значеніяхъ слово погостъ нигдѣ у насъ не сохранилось? Напротивъ, какъ я замѣтилъ, во всѣхъ извѣстныхъ значеніяхъ коренымъ понятіемъ погоста является понятіе богослужебнаго мѣста» (стр. 90).

65. Въ ориг. сказано: «*позванный не пойдетъ.... позывницы чести*». Вѣроятно, *не самъ отвѣтчикъ* читалъ на погостѣ грамоту, *а слушалъ*, какъ читали ее судейскіе служители.

66. *Зазывная грамота* называлась «*позовницею*». Нѣтъ надобности доказывать тождественность этихъ словъ: очевидно, что позовница даваемая позовнику, имѣла значеніе вызова отвѣтчика къ суду. Но здѣсь мы должны различить эти два слова по отношенію ко времени ихъ происхожденія. Уже

въ прим. 58 мы сказали, что зазывная Грамота давалась отъ судебнаго мѣста самому истцу, а такъ какъ она равнозначительна слову «позовница», то можно подумать что «позовникомъ» назывался тотъ, кто имѣлъ эту грамоту, т. е. иногда и самый истецъ. Это кажущееся противорѣчіе объясненію, высказанному нами въ 58 примѣчаніи, легко объясняется тѣмъ, что когда появилось названіе зазывной грамоты, слова «позовникъ» и «позовница» мало-по малу исчезали; въ Уложеніи мы ихъ во все не встрѣчаемъ. Частные вызовы къ суду появились на всемъ пространствѣ Государства не ранѣе Судебника, и принимали публичный характеръ отъ зазывной грамоты, которая давалась самому истцу; слѣд. хотя эта грамота, по значенію своему, совершенно аналогична съ позовницею, но различается отъ нея слѣдующими чертами: а, она явилась въ концѣ XV или въ началѣ XVI ст., когда слово «позовница» уже выходило изъ употребленія; b, она давалась самому истцу, тогда какъ позовница вручалась позовнику, т. е. судейскому служителю; с, мы увидимъ въ послѣдствіи, что слова: позовникъ, подвойскій и приставъ во многомъ равнозначущи, хотя эти должности различаются временемъ происхожденія и обширностью круга своихъ дѣйствій; приставъ имѣлъ *приставную память*, которая, въ своемъ значеніи, имѣла сходство съ позовницею, а потому и съ зазывною грамотою; послѣдняя отличалась только тѣмъ, что явилась позже приставной памяти, заключала предписаніе явиться въ судъ въ будущій, довольно отдаленный срокъ и, кромѣ того, имѣла значеніе болѣе почетнаго вызова. (См. Акты Юридич. № 11 (1504 г.), № 57 (1694 г.) и др.; ср.также соч. г. Кавелина, стр. 64 — 68, и г. Михайлова, стр. 79).

67. Въ ориг. «*не емля оброку*». Мы не могли перевести иначе этого выраженія, какъ придавъ ему смыслъ *просрочки*. Переводя въ томъ значеніи, какое придается обыкновенно оброку, т. е. платы жалованья, подати, мы совершенно затемнили бы смыслъ послѣдующихъ выраженій. Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о нарушеніи установленнаго срока по взысканіи за это съ нарушителя.

68. Въ ориг. «*огромочой*»; — такъ назывался истецъ, получившій отъ судебнаго мѣста грамоту на доставку отвѣтчика въ судъ. Его не должно смѣшивать съ позовникомъ, состоявшимъ на службѣ Грамота, даваемая «ограмочою», вѣроятно отличалась отъ позовницы только тѣмъ, что появилась гораздо позже ея и давалась самому истцу. Однакожъ нигдѣ не видно, чтобы до изданія Судебника, подобная грамота называлась зазывною. — «*Ограмочнымъ*» назывался отвѣтчикъ, требуемый ограмочоемъ къ явкѣ въ судъ.

69. Въ ориг. «*головшина*» — *убійство*. «А кому будетъ дѣло.... до человѣка въ волости о татбѣ, и о разбоѣ, и о грабежи, и о пожегѣ, и о головщинѣ» (А. А. Э. I, 72). «Головникъ» значилъ убійца (См. Рус. Дост. II, 22). Головшиною именовались различныя пошлины: 1) поголовный денежный сборъ; пошлина по числу людей или головъ (Ср. А. А. Э. IV, 34); 2) пеня за убійство (Акты Юрид. 282); таможенная внутренняя пошлина, взимавшаяся въ частности: а, съ продажи человѣка въ полницу; b), съ людей, находившихся на товарномъ суднѣ или возѣ (А. А. Э. I, № 134, 282). Въ П. С. Гр. головшина употребляется въ смыслѣ убійства.

70. Въ ориг. «*у торгу*» — на ярманкѣ, на рынкѣ (См. А. Тюрина: Общ. жизнь и земскія отн. въ др. Руси. С.П.Б. 1850). Въ первой Новг. лѣт. мы также находимъ слово «торгъ» въ значеніи рынка: «И въздорожися все по

торгу, и хлѣбъ, и мяса, и рыбы» (П. С. Р. Л. III, стр. 43). Въ Рус. Дост. выраженіе «пакы ли будеть купилъ татебно *на торгу*» переведено: въ случаѣ (опять ли) кто купитъ краденое *на площади* (II, стр. 72). Арцыбышевъ слово «торгъ» также переводитъ площадью (Пов. о Рос., кн. III, стр. 76, пр. 568). Г. Снегиревъ говоритъ, что подъ именемъ торга разумѣлись торговые съѣзды и сборы, на коихъ продавались произведенія земли и рукъ человѣческихъ (Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. III, стр. 45, также 251).

71. Въ ориг. «*душа выдати*». Здѣсь душа употребляется въ смыслѣ *лица, жизни;* такъ говорилось: положить душу, играть душою и т. п. (Ср. И. Г. Р. II, 140; IV, пр. 38).

72. Въ ориг. «*а княжая про той же битъ учнетъ клепать грабежомъ*». Очевидно, что «*княжая*» значитъ здѣсь родъ начальства или судебнаго мѣста, которому истецъ долженъ былъ заявить о грабежѣ. Иначе истецъ не могъ начать иска, ибо законы запрещали съ древнѣйшихъ временъ разные виды самоуправства. Уже въ Русской Правдѣ было постановлено, что опознавшій у другаго свою вещь, не долженъ самовольно отбирать ее; тоже самое развито и въ позднѣйшихъ постановленіяхъ (Ср. П. Р. Гр. Зак., II, 110). Въ первой Новгород. лѣт. (по Синод. списку) встрѣчается слово «княжья» въ смыслѣ собирательномъ: «и прислаша по нь митрополитъ и вся княжья Русьская, и пояша и съ любовью» (стр. 19); «позванъ Полотьскою княжьею и Полоцяны» (стр. 20).

73. Въ ориг. сказано: *да изымаетъ своего исца изъ невести*». Слово «*невѣсть*» издатель П. С. Гр. переводитъ: *безвѣстность*. Въ Сл. Ц. С. и Рус. зя. «невѣсть» значитъ: «нар., простон., неизвѣстно» (III, 429). И такъ оба эти объясненія сходны между собою; но слѣдуя имъ, мы не избѣгнули бы логической несообразности въ самомъ переводѣ этого постановленія: «если должникъ избавитъ отъ безвѣстности (найдетъ) своего заимодавца, то дѣло рѣшается въ пользу послѣдняго, несмотря на то, что онъ не имѣетъ никакихъ закладныхъ актовъ». Это исключеніе изъ общаго правила, строго предписывавшаго совершать договоры заклада по письменнымъ актамъ, вѣроятно, не могло имѣть причиною столь маловажное обстоятельство. Дѣйствительно, въ четвертой Новгородской лѣтописи мы нашли слѣдующее выраженіе: «водяше же рать внезапу изневѣсти, да не услышано будетъ на Руси устремленіе его» (стр. 84). Очевидно, что нарѣчіе «*изневѣсти*» значитъ въ этомъ мѣстѣ *вдругъ, внезапно, неожиданно*, а вовсе не безвѣстность. Это объясненіе тѣмъ болѣе подходитъ къ настоящему случаю, что г. Мурзакевичъ, кажется, напрасно раздѣлилъ одно слово «*изневести*» на два, прибавивъ къ слогу *из* букву *ъ* (напечатанную курсивомъ; слѣд. она не находится въ подлинникѣ) и сдѣлавъ такимъ образомъ изъ простаго нарѣчія предлогъ и существительное имя. Статья Грамоты подразумѣваетъ здѣсь, безъ сомнѣнія, тотъ случай, когда должникъ неожиданно нанесетъ ущербъ заимодавцу, и такимъ образомъ, эти непріязненныя дѣйствія, оказанныя другому лицу, оправдываютъ льготу въ пользу истца (т. е. заимодавца), начавшаго искъ о неотдачѣ денегъ и предъявившаго закладъ, ему данный отвѣтчикомъ, но не представившаго на него закладныхъ актовъ.

74. Въ ориг. «*да изымаетъ своего исца*» (т. е. заимодавца). «*Изнимать*» употребляется и въ настоящее время въ простонародномъ выраженіи и значитъ удручать, отягчать (Сл. Ц. С. и Рус. яз. II, 119). «*Изниманье*» равно-

сильно плѣну, неволѣ: «И отпусти Новгородцевъ съ Тфери, что въ изниманьи были» (И. Г. Р. IV, пр. 229); тоже самое встрѣчаемъ въ первой Новгородской лѣтописи: «наѣхавъ на него, самаго князя Рослава изима и приведе князю Витовту» (стр. 102); «отпусти князь великiи Василiи.... что у него были въ изымапьи, Симеона и Михаила» (ibid.).

75. Въ ориг. *«изгодитъ»*. Г. Мурзакевичъ переводитъ это слово: *просрочить* отъ *«година»*—время, срокъ. Но его объясненiе не соотвѣтствуетъ смыслу этой статьи: «или предъ господою изгодитъ своего исца». Въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. сказано: изгодить, извременить, изпоровить время (II, 110). Несмотря на сходство этихъ объясненiй, мы предполагаемъ, что слово «изгодить» имѣетъ въ настоящемъ случаѣ совершенно другое значенiе и происходитъ не отъ сущ. «годъ» или «година», а отъ глаг. *«угодить»*. Предлогъ *изъ* вообще значитъ исключенiе изъ чего нибудь; такъ изгонять (изгой), изводить, избирать, изыскать, исключать, всѣ эти глаголы имѣютъ цѣлью извлеченiе изъ чего-либо общаго. Основываясь на этомъ замѣчанiи, можно предположить, что *«изугодить»*, сокращ. *«изгодить»*, значитъ вывести когонибудь изъ угоды, изъ милости, *лишить милости*. Глаг. *«изугодить»* очень легко могъ принять сокращенную форму *«изгодить»*; примѣры подобныхъ сокращенiй часто встрѣчаются въ нашемъ древнемъ языкѣ; такъ напр. *«гошить»* значитъ приготовлять, *«угошить»* устроить, *«изугошити»* укрѣпиться; послѣдняя форма переходитъ въ *«изугошити* и *«изгошити»*, и т. п. (Ср. Новг. лѣт. I, 17, 33, 40). Изъ всего сказаннаго можно заключить, что выраженiе «предъ господою изгодитъ своего исца», вѣроятно, имѣетъ тотъ смыслъ, что должникъ, оклеветавъ своего заимодавца, желалъ лишить его милости вѣчевой власти. Клевета здѣсь видна изъ послѣдующихъ выраженiй, которыя представляютъ единственное исключенiе изъ общаго правила, не допускающаго рѣшенiя дѣла безъ предъявленiя письменныхъ документовъ: если бы истецъ дѣйствительно, а не по наговору, лишился милости вѣча, то безъ сомнѣнiя ему не была бы предоставлена подобная льгота. Впрочемъ это объясненiе слова «изгодитъ» есть не болѣе, какъ предположенiе.

76. Въ ориг. *«нять впра ему»*. Здѣсь слово *«нять»* употреблено не въ смыслѣ отрицанiя, а значитъ *взять* (имѣть); такъ у Карамзина читаемъ: «Княже! хотятъ тя няти» (И. Г. Р. II, пр. 276). Въ Ник. лѣт. говорится: «и быша вси в няти, и держаша ихъ въ истомленiи велицемъ» (IV, 19. «А холопъ или половникъ начнетъ водити на господу, тому ти вѣры не яти». (няти?) (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 2). Ср. еще Пов. о Рос., Арцыб., II, 520; Сл. Ц. С. и Рус. яз. II, 471; ср. также слова: напять, занять, отнять.

77. *«Закладъ платной»* издатель Грамоты переводитъ: *залогъ подъ платье.* Не оспаривая этого объясненiя, замѣтимъ только, не происходитъ ли прилагат. *«платной»* скорѣе отъ *платы* или *уплаты*, нежели отъ платья, и не значитъ ли закладъ платной — закладъ, данный въ обезпеченiе платежа взятыхъ въ заемъ денегъ?

78. Слово *«доспѣхъ»* употреблено здѣсь въ смыслѣ *строенiя;* съ этимъ значенiемъ оно встрѣчается и въ Новг. второй лѣтописи: «того же лѣта на горѣ Корѣлской городъ напрасно, и много пакости сътворися доспѣху и животу» (стр. 132). *«Доспити»* значило *построить:* «Новгородци же скопиша всю волость, а около города острогъ доспѣша» (Новг. лѣт. I, 43; ср. ib. 80; Новг. лѣт. II, 149; Лѣт. пер. 81, 112). «И доспѣ церковь каменну

св. Богородица пречупи вельми» (И. Г. Р. III, пр. 27). Вообще слова «доспѣхъ» и «доспѣти» имѣли весьма разностороннее значеніе (Ср. Рус. Дост. III, 170, 171). Въ смыслѣ одежды «доспѣхъ» употребленъ также на стр. 7 И. С. Гр.

79. Въ ориг. «*пазрячее* и *животное*». Эти оба выраженія вѣроятно однозначущи; безъ сомнѣнія сущ. «*зрячее*» (издатель не раздѣлилъ предлогъ *на* и сущ. имя) происходитъ отъ глагола «*зрѣть*» (зрѣніе, зрячій) и означаетъ все то, что имѣетъ *зрѣніе*, глаза. «*Животное*» употреблено въ смыслѣ домашняго скота, по объясненію издателя Грамоты.

80. Въ ориг. «*а тотъ* (т. е. должникъ) *закладъ того серебра не судитъ, чего ищетъ, отопрется своего закладу*». Слово «*не судить*» г. Мурзакевичъ переводитъ: *настоять чего-либо*. Ясно, что это выраженіе не подходитъ къ настоящему случаю; «*не судить*» здѣсь значитъ тоже, что *не посудить*, т. е. не принять въ уваженіе, во вниманіе, не производить разбирательства, какъ мы уже объяснили въ прим. 9.

81. «*Поручникъ*» въ прежнія времена значилъ тоже, что нынѣ поручитель. «Азъ о томъ, чада, поручникъ есмь, яко вѣнци нетлѣньнаа отъ Христа Бога пріимете» (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 176). «И недѣльщикъ Гаврило Воронцовъ и поручникъ Якушовъ сказали» и т. д. (Акты Юрид. 35; ср. Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 376). «А холопы, и должъники и поручникы выдавати по исправѣ» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 5).

82. Это выраженіе употреблено здѣсь въ прямомъ смыслѣ: «*дать руку*» значило *поручиться* (Ср. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 25).

83. Здѣсь упоминается о *старостахъ городскихъ*. Староста занималъ должность ниже Намѣстника и выше Сотскаго. Новгородъ и Псковъ раздѣлялись на концы и улицы; каждою улицею управлялъ староста, который въ послѣдствіи, т. е. въ XV и XVI ст., производилъ судъ въ округѣ, ему подчиненномъ. Объ управленіи старостъ улицами говорится и въ лѣтописяхъ; такъ въ Никоновой лѣт. сказано, что когда В. К. Іоаннъ Васильевичъ прибылъ въ Новгородъ, то двѣ улицы, съ своими старостами, стали бить челомъ на бояръ Новгородскихъ. В. К. учинилъ судъ и правду ссылкою многихъ, въ томъ числѣ и Посадника (т. VI, стр. 63). Въ Новгородѣ старосты появились не ранѣе первой половины XI ст. Нѣтъ сомнѣнія, что они замѣнили мѣсто прежнихъ старцевъ и городскихъ старѣйшинъ, хотя кругъ ихъ дѣйствій сталъ ограниченнѣе, чѣмъ въ древнѣйшія времена; вѣроятно, сначала они были народными главами и сами принадлежали къ классу простыхъ людей. Бояре не могли быть подчинены имъ (ср. Уставы и управленіе Новгорода въ средніе вѣки, В. П., стр. 36, 42 и 46). Карамзинъ называлъ старостъ городскими чиновниками (И. Г. Р. II, 7); онъ замѣчаетъ, что въ Правдѣ лѣтописи Новгородской (стр. 338) старостою названъ сельскій Тіунъ (И. Г. Р. II. пр. 67). В. К. Василій Іоанновичъ, въ 1510 г., выбралъ изъ Псковитянъ 12 Старостъ и повелѣлъ, чтобы они, вмѣстѣ съ Московскими Намѣстниками и тіунами, судили въ ихъ бывшихъ двѣнадцати пригородахъ, по изданной имъ тогда Уставной Грамотѣ (ibid., VII, 22, 29; пр. 77). Ср. Арцыб. Пов. о Рос. II, пр. 61, IV, пр. 1478; Опытъ Рейца, стр. 137, 138, 151, 163.

84. По объясненію издателя Грамоты, *пировымъ старостою* назывался старшина, завѣдывавшій складчиною поселянъ, на братчину (варенье браги и пива), въ церковные праздники. О пирахъ нерѣдко упоминается въ лѣтописяхъ и вообще въ древнихъ актахъ: «и начаста пирити въ шатрѣ съ сво-

ими бояры» (Новг. лѣт. IV, 22). «И иной кто ни буди на пиры и братчины незваны къ нимъ пити не ѣздятъ» (А. А. Э. I, № 329; ср. еще № 114, 123, 139, 143 и т. д.). Можно думать, что пировой староста присутствовалъ на пиру и на складчинѣ не въ одни церковные праздники; безъ сомнѣнія, на всякомъ значительномъ пиршествѣ избирался глава, управлявшій всѣмъ собраніемъ.

85. *«А государю пировому»*—хозяину пира. *«Государь»* значилъ иногда тоже, что хозяинъ; такъ напр. въ Судебникѣ говорится: «Холопъ съ женою и съ дѣтьми, которые одного государя въ одной съ ними крѣпости» и т. д.... «и учнутъ жити у инаго государя» (стр. 75). Татищевъ говоритъ что *«Государь»* тогда значилъ, что нынѣ *господинъ*, а въ древности господинъ только великимъ княземъ и мѣстнымъ давалось, но нынѣ превращено» (Прим. а къ Суд., стр. 121). Въ П. С. Гр. слово «государь» вездѣ употребляется въ смыслѣ хозяина, домовладѣльца.

86. Въ ориг. *«на волную роту не взяти»*. Издатель Грамоты переводитъ *роту* клятвою, присягою *по требованію судьи*. *«Рота»* имѣла *общее* значеніе клятвы, присяги; *«дать роту»* значило дать присягу, присягнуть: «Половци-же, потоптавше (преступивъ) роту его дѣля, свѣдома на конѣ и изъѣхаша городъ Чюрнаевъ» (П. Г. Р. III, пр. 74). Въ Рус. Дост. выраженіе «ити къ ротѣ» переведено: идти къ присягѣ (II, стр. 79; ср. стр. 72, 135, 136). Арцыбышевъ говоритъ, что *«рота»* значитъ клятва; *вротиться* проклинать себя, или раскаяваться. Слова Евангелія отъ Матѳеа, гл. 26, стихъ 14: «ротитися и клятися», перевелъ Лютеръ: «ſich zu verfluchen und zu ſchweren» (Нов. о Рос. II, пр. 533; ср. I, пр. LI; II, 339; также Суд. Тат. стр. 13). «Ротникомъ» назывался тотъ, кто далъ клятву: «И посла Изяславъ къ Ростиславу.... и рече ему.... а къ ротникамъ ся шли въ Рязань» (П. Г. Р. II, пр. 307). «Вротливый» значитъ тоже, что вѣроломный: «Такъ бо бяше къ всей братьи своей вротливъ» (ibid., III пр 3). Глаг. «уротить» употребляется въ смыслѣ заставить присягнуть: «По и тѣхъ уротивъ не пустиша» (Новг. лѣт. I, 46).

87. Въ ориг. *«нелюбовь»* значитъ тоже, что *«нелюбье»* раздоръ, вражда, гнѣвъ, опала (Ср. Сл. Ц. С. и Рус. яз. II, 438 и 439). Въ первой Новг. лѣт. *«нелюбъвь»* употребляется въ смыслѣ, одинакомъ съ «нелюбіе»; говорилось: «нелюбовь взвергнути» и «нелюбіе взвергнути» (стр. 62, 113). «Митрополитъ на Новгородцевъ великое нелюбье држа» (Новг. лѣт. I, 96). «А ты нелюбье отложи отъ насъ» (Нов. лѣт. IV, 66). «И князь Василій възверже нелюбье на нь, и отъима у него всю отчину» (П. С. Р. Л. III, 109). Встрѣчаются также выраженія: «нелюбіе о комъ» (Новг. лѣт. I, стр. 105); «отдати нелюбья кому» (стр. 97 и 99); «отложите нелюбье отъ кого» (стр. 97, 98. Ср. Рус. Дост. III, стр. 234).

88. *Приставная плата* выдавалась судейскому служителю за доставку отвѣтчика къ суду, а также за наблюденіе за порядкомъ при поединкѣ на полѣ (См. Суд. Новг. Гр.). Эта пошлина, вообще называвшаяся приставною платою, имѣла различныя частныя названія: ѣздъ, хоженое недѣльное и т. д. (См. слѣд. прим.).

89. Судейскіе служители, имѣвшіе главною должностью вызовъ отвѣтчика къ суду, носили общее названіе приставовъ. О нихъ весьма часто упоминается въ нашихъ древнихъ историческихъ и юридическихъ памятникахъ (См. Суд. Іоан. III: о приставахъ и недѣльщикахъ; Суд. Іоан. IV, ст. 44 —

51; Акты Юрид. № 57; А. А. Э, I № 131; Суд. Новг. Гр.; Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 158 и мн. др.). Приставы употреблялись, хотя и очень рѣдко, на исполненіе другихъ обязанностей, которыя впрочемъ большою частью совпадали съ ихъ главною; такъ въ первой Новг. лѣт. говорится: «и повелѣ жити ему въ монастыри и приставомъ стрещи его» (стр. 113). Они въ свою очередь, имѣли частныя наименованія недѣльщиковъ, заговорщиковъ, позовниковъ, бирючей, подвойскихъ, ѣздовыхъ, ходаковъ и т. д., изъ которыхъ два первыя встрѣчаются въ Уложеніи (см. прим. 58 и 66). Изъ главы X, ст. 142 Уложенія видно, что приставъ и недѣльщикъ были одно и тоже лицо (см. также ст. 147, 148 и др.); тоже самое говоритъ и Карамзинъ (И. Г. Р. VI, 220, пр. 609). Различіе всѣхъ этихъ именъ состояло не столько въ отправленіи должностей, сколько во времени происхожденія этихъ названій. Позовники, софіяне, бирючи появились ранѣе; въ послѣдствіи произошли названія пристава, недѣльщика, заговорщика, означавшія тѣже самыя должности; между тѣмъ прежнія названія не вдругъ исчезли,—нѣкоторыя изъ нихъ остались въ разныхъ частяхъ Россіи, тогда какъ въ другихъ они были замѣщены новыми именами, происшедшими въ слѣдствіе небольшаго различія въ образѣ исполненія общей приставной должности. Такъ напр. приставъ, вызывавшій отвѣтчика въ городѣ, назывался *ходакомъ* и получалъ *хоженое* плату за свой трудъ; а требовавшій отвѣтчика изъ болѣе отдаленнаго мѣста жительства носилъ имя *ѣздока* и получалъ *ѣздъ; недѣльщиками* назывались тѣ приставы, которые отправляли свою должность *понедѣльно*; они получали *недѣльную плату* съ тяжущихся (см. соч. г. Кавелина, стр. 118 и 119). Другіе судейскіе служители именовались *заговорщиками*, потому что служили въ приставахъ *по уговору* съ недѣльщиками, которые ручались за нихъ предъ начальствомъ и были ихъ товарищами (ibid., стр. 66 и 67). Очевидно, что всѣ эти мелкія отличія исчезали въ общемъ отправленіи ихъ должности, имѣвшей цѣлью представить отвѣтчика къ судебному мѣсту. Только послѣ Іоанна IV приставы получили болѣе обширный кругъ дѣйствій. (Ср. Опытъ Рейца, стр. 178, 179, 280, 281; Арц. Пов. о Рос. IV, пр. 154, 155). Здѣсь мы указали *общее* значеніе приставовъ: напротивъ во Псковѣ ихъ должность имѣла особенный характеръ, который мы и изложили въ статьѣ «о слѣдствіи и обыскѣ».

90. Въ ориг. *«а только прощеніе возмутъ»* значитъ «если оба помирятся». *«Взять прощеніе»* употреблено здѣсь въ томъ смыслѣ, что искъ прекращается, когда оба тяжущіеся возьмутъ другъ у друга прощеніе, простятъ другъ друга, т. е. примирятся. Слово *«прощеніе»* встрѣчается нерѣдко въ грамотахъ: «княземъ Ярославскимъ прощеніе же доспѣлося со всѣми вотчинами» (Новг. лѣт. IV, стр. 148). Прощеніе иногда употреблялось съ значеніемъ чудеснаго исцѣленія: «бысть прощенье въ церкви у гроба Петрова; дѣвица нѣкая приде имуща руцѣ прикорченѣ, и исцѣленье получи» (И. Г. Р. IV, пр. 373). Въ 1351 году «бысть чудо въ Москвѣ у гроба Св. Петра Митрополита: жена нѣкая два года лежала безъ ногъ, и бысть прощена здрава» (ibid.). Поэтому человѣкъ, получившій отпущеніе грѣховъ или выздоровѣвшій въ святомъ мѣстѣ чудеснымъ образомъ, назывался *«прощенникъ»* (См. Ник. лѣт. I, 102; И. Г. Р. I, пр. 506). Въ П. С. Гр. слово «прощеніе» употреблено въ первомъ его значеніи, т. е. въ смыслѣ примиренія.

91. Въ ориг. *«отстоитъ свой урокъ»*. Слово *«урокъ»* употреблялось въ

древности въ различныхъ смыслахъ: оно значило оброкъ, подать (Посл. къ Римл. XII, 7); окладъ, опредѣленный доходъ (Рус. Правда и Акты Ист. I. 25); срочное, договорное для чего-либо время (Акты Ист. I, 136; А. А. Э. I, 47); точно также и въ настоящемъ случаѣ оно, безъ сомнѣнія, имѣетъ послѣднее значеніе, противорѣчащее объясненію издателя П. С. Грамоты (Ср. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 197).

92. Договорная цѣна, платимая за наемъ, называлась въ древности *«наймомъ»*; такъ у Карамзина мы читаемъ: «А наимъ дѣля (для займа), рекше лихвы, тако веляше учити» (И. Г. Р. II, пр. 380).

93. Въ ориг. *«закличъ»* происходитъ отъ глаг. *закликать;* это слово значило тоже, что *выкликаніе*, т. е. словесное объявленіе, посредствомъ котораго производились различныя взысканія. «Закличъ» обыкновенно имѣлъ мѣсто «на торгу» (Ср. Ист. Рос., г. Соловьева, ч. I, стр. 235).

94. Въ ориг. сказано: *«А которой государь захочетъ отрокъ дати своему изорнику»*. Слово «отрокъ» Издатель Грамоты объясняетъ: работничій помощникъ, подмастерье, мальчикъ. Но въ текстѣ Грамоты стоитъ не о́трокъ, а «отро́къ»—отрѣченіе, отказъ, ссылка, что ясно видно изъ смысла самаго постановленія.

95. Въ ориг. *«изорникъ»*—пахарь, земледѣлецъ, по объясненію издателя Грамоты. Нѣтъ сомнѣнія, что изорникъ происходитъ отъ глаг. *изорати* — вспахать раломъ поле. Изъ всѣхъ постановленій Грамоты, гдѣ встрѣчается это слово, видно, что существовало особенное обязательное отношеніе наемника къ хозяину. Можно предполагать, что изорникъ былъ родъ закупа, и отличался отъ послѣдняго тѣмъ, что принадлежалъ исключительно къ сословію земледѣльцевъ или крестьянъ, тогда какъ закупомъ могъ вообще быть всякій вольный человѣкъ.

96. Выписываемъ для ясности все постановленіе П. С. Грамоты: *«А который государь захочетъ отрокъ дати своему изорнику, или огороднекъ, или кочетнику, ино отрокъ быти о Ѳилипове заговеине, такожъ захочетъ изорникъ отречися съ села, или огороднику, или четникъ, ино томужъ отроку быти; а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника. А запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ, отрока государева, ино ему правда дать; а государь не доискался четверти, или огородной части, или съ ысады рыбной части»*. Одно изъ трудныхъ для пониманія выраженій Грамоты есть слово «кочетникъ». По объясненію издателя, оно значитъ: «лапотникъ; тотъ, кто кочетыгомъ плететъ обувь». Но довольно неудобно представить себѣ, какое отношеніе имѣлъ лапотникъ къ хозяину и для чего послѣдній бралъ къ себѣ въ наемъ перваго? Въ такомъ случаѣ можно производить слово «кочетникъ» и отъ сущ. *«кочь»*, которое въ древности означало мантію или хламиду у Русскихъ. У Карамзина говорится, что древніе полководцы носили сверхъ латъ мантію, которая называлась *корзномъ, кочемъ* или *коцемъ* (И. Г. Р. II, пр. 27). Въ Воскр. лѣт. (II, 223) сказано: «съимя съ себѣ кочь (въ другихъ коць) свой и връже къ нимъ» (И. Г. Р. IV, пр. 43). *«Котыга»* значила тоже, что *кочь* или *коць*: «своею котыгою юже ношаше и положиша его на велицѣй досцѣ на телегу» (ibid. IV, пр. 237). Щербатовъ думалъ, что *коць* означалъ коверъ, съ чѣмъ былъ несогласенъ Карамзинъ (ibid. IV, пр. 325; ср. XI, пр. 101). Кочетникъ поэтому также легко могъ шить платье, какъ и плести лапти. Но въ Отечеств. Запискахъ 1847 г.

(LIV, Сент., Рус. Лѣт., стр. 22) опровергнуто объясненіе г. Мурзакевича въ слѣд. словахъ: «кто знаетъ значеніе слова *кочетъ*, тотъ не усомнится, что кочетникъ можетъ значить только *птичникъ*». Въ Современникѣ того же года (№ 6, Рус. Лит., стр. 227) и это объясненіе признано неудовлетворительнымъ; тамъ сказано: «Подъ кочетникомъ, думаю, нельзя разумѣть лапотника, равно какъ и птичника (отъ кочетъ). Здѣсь (т. е. въ этомъ постановленіи грамоты) съ изорникомъ ставится въ параллель «четверть», съ огородникомъ — «огородная часть», а съ кочетникомъ «съ ысады рыбная часть». Туже параллель видимъ и въ послѣдующей статьѣ, гдѣ должно читать: «на томъ же исадѣ», а не «на томъ же садѣ». Такое употребленіе слова «садъ», вмѣсто «исадъ», встрѣчается и на стр. 12. Мы указываемъ здѣсь только на сближеніе не безъосновательное, но не беремся покончить этого дѣла рѣшительно». Изъ всѣхъ приведенныхъ нами объясненій видно, что ни одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ смыслу П. С. Грамоты; едва ли можно допустить, чтобы кочетникъ имѣлъ значеніе лапотника, портнаго или птичника. Въ самомъ дѣлѣ, дальнѣйшія выраженія Грамоты опровергаютъ всѣ эти переводы. Сообразивъ постороннія обстоятельства, мы пришли наконецъ къ слѣдующему мнѣнію, заключающему въ себѣ объясненіе слова кочетникъ. Въ замѣчаніи, высказанномъ въ жур. «Современникъ», было обращено вниманіе на *параллель*, по видимому существовавшую между «*кочетникомъ*» и «*съ ысады рыбною частью*». Параллель эта дѣйствительно существуетъ, — но только не тамъ, гдѣ полагаетъ авторъ. «*Исадами*» назывались мѣста для рыбной ловли и пристани (см. прим. 97). Поэтому съ большею достовѣрностью можно искать соотвѣтствія между *исадами* и *изорникомъ*, который, исполняя должность наемника, вѣроятно служилъ иногда на рыбныхъ затонахъ. Онъ служилъ, какъ видно, въ селѣ, близь котораго обыкновенно находятся рыбныя ловли. Такимъ образомъ эти двѣ должности легко могутъ соотвѣтствовать одна другой, и слѣд. скорѣе относиться къ изорнику, нежели къ кочетнику. Допустивъ это предположеніе, мы увидимъ, что огородная часть идетъ рядомъ съ огородникомъ; остается *четверть*, поставленная въ параллель *кочетнику*. По объясненію Карамзина, *четверть* была обыкновенно въ длину 40 сажень, поперегъ 30 (И. Г. Р. IX, пр. 816). Но въ рукописи о сошномъ письмѣ, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ десятинѣ положено 80 сажень въ длину и 30 въ ширину (Ср. Ист. Финанс. Учрежденій Россіи, гр. Д. Толстаго, стр. 8). 800 четвертей доброй земли составляли *соху*; 12 четвертей равнялись одной *выти*; величина послѣдней не была впрочемъ постоянна. Въ четверти было 1200 квадратныхъ сажень, а въ десятинѣ 2400, — слѣд. двѣ четверти составляли десятину (И. Г. Р. X, 148). Но четверть имѣло другое, болѣе употребительное названіе — *четь*. Доказательства тождественности этихъ словъ мы находимъ весьма часто въ древнихъ актахъ: «Съ чети пашни имѣется съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель.... по четверику ржи» (Акты Ист. III, 206; см. также Сл. Ц. С. и Рус. яз. IV, 437 и 438). Въ вышеупомянутомъ сочиненіи, гр. Толстой свидѣтельствуетъ, что въ десятинѣ было двѣ чети, поэтому четь равнялась четверти. Митр. Евгеній говоритъ, что *исады* раздѣлялись на *четы*, а *четы* на *четверти*; двѣ четы числились въ одномъ *неводѣ*. (Ист. княж. Псковскаго, кн. I, стр. 28). Свое мнѣніе онъ не подкрѣпляетъ ни какими доказательствами; его должно принимать весьма осмотрительно; притомъ если и существовало подобное раздѣленіе, то оно

могло быть только мѣстнымъ. Въ послѣдствіи приказы, напр. Новгородскій, Владимірскій, Галичскій, Устюжскій, именовались безразлично четвертью и четью. Теперь понятно, что *кочетникъ* происходитъ отъ *чети*, которою мы можемъ замѣнить слово четверть. Дальнѣйшія выраженія П. С. Грамоты вполнѣ подтверждаютъ это мнѣніе: на той же страницѣ мы встрѣчаемъ слова «*четникъ*» и «*чата*» (четь); очевидно, они однозначущи съ кочетникомъ и четвертью. Замѣтимъ при этомъ, что такъ какъ въ словѣ кочетникъ корень находится въ слогѣ *чет*, а не *коч*, то удареніе должно падать не на буквы *о* или *и*, а на *е*. Въ заключеніе намъ предстоитъ объяснить, какую должность и какое значеніе имѣлъ кочетникъ. Подобно тому, какъ въ каждой *десятинѣ* былъ свой *десятникъ* или *десятскій*, управлявшій селеніями, къ ней приписанными, такъ, безъ сомнѣнія, и въ *чети* находился *четникъ*, выбираемый общиною для ея управленія и принадлежавшій къ классу крестьянъ. Четники, вѣроятно, имѣли тоже значеніе, какое нынѣ имѣютъ господскіе старосты въ деревняхъ. Эта должность, какъ можно полагать, нисколько не мѣшала имъ отправлять свои частныя работы или идти въ наемъ къ сосѣду-хозяину, для работъ земледѣльческихъ. Быть можетъ также, что «четники» были просто люди, приписанные къ чети, и не имѣли никакой опредѣленной должности. Основываясь на томъ, что слово «десятникъ» до сихъ поръ осталось въ употребленіи, мы не перевели кочетника на нынѣшній современный языкъ, сохранивъ его прежнее характеристическое названіе, и отбросили только слогъ *ко*, очевидно лишній. Въ нашемъ древнемъ языкѣ многія частицы нерѣдко прибавлялись къ началу существительнаго имени, хотя и не играли никакой роли. Такъ напримѣръ въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ слово «*личе*» вмѣсто «*поличное*»: «А что будетъ *личе*, то тому третьему платити за личе кунами, а съ *личемъ* ити до конча» (Рус. Дост. II, 36). Частица *по* въ словѣ «*поличное*» не имѣетъ слѣдовательно никакой важности, если существовало «*личе*», имѣвшее совершенно подобное значеніе. Поэтому легко можно допустить, что и въ словѣ *кочетникъ* слогъ *ко*, вѣроятно въ слѣдствіе мѣстнаго видоизмѣненія грамматическихъ формъ языка, является въ видѣ совершенно лишняго и ничего не означающаго прибавленія.

97. «*Исадомъ*» называлось вообще мѣсто высадки на берегъ или пристань: «Собравшеся изыдоша исадомъ на брегъ.... Князь же Святославъ Всеволодовичъ мину исады и ста на усть Камы» (Ник. лѣт. II, 343; см. также Сл. Ц. С. и Рус. из. II, 134). Тоже самое полагаетъ и Карамзинъ, указывая на одно мѣсто Кіевской лѣтописи, гдѣ говорится: «Поставиша (въ 1349) Нѣмцы городокъ надъ Наровою, противъ исада Псковскаго (пристани) и Псковичи, подъемше всю свою область, поѣхаша въ лодьяхъ о Иванѣ Посадникѣ» и т. д. (И. Г. Р. IV, пр. 355; см. также III, пр. 178). «Воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и Олопъсь» (ibid. II, пр. 317). «Ови отъ богатства села даваху монастыремъ, другіе же во озере ловища и исады (пристани, а не сады) (ibid., IV, пр. 357; см. также Новг. лѣт. IV 61). Митр. Евгеній говоритъ, что «рыбныя ловли, или, лучше сказать, рыболовныя пристани по озерамъ и по знатнѣйшимъ рѣкамъ, раздѣлялись, на *Исады*, т. е. можетъ быть, какъ бы изсады или высадки» (Ист. княж. Псковскаго, кн. I, стр. 28). Исадами именовался также островъ на Волгѣ; у Карамзина есть извѣстіе, что недалеко отъ Рязани лежитъ селеніе Исады (И. Г. Р. III, пр. 63, 178). Наконецъ, по самому смыслу П. С. Грамоты, видно, что исады

имѣли соотношенія съ рыбными ловлями. Этимъ именемъ, вѣроятно, назывались рыбные затоны, которые составляли собственность государства или отдавались на откупъ частнымъ лицамъ (См. соч. гр. Д. Толстаго, стр. 216; см. прим. 96; также Арцыб. Пов. о Россіи, II, пр. 1952 и 1957; Погодина Изслѣд. и пр. т. IV, стр. 253).

98. *«Исполовникъ»* значитъ тоже, что *половникъ*, т. е. земледѣлецъ, жившій на чужой землѣ и платившій владѣльцу натурою, или по цѣнѣ, половину выращеннаго хлѣба, овощей и проч.; а также и землепашецъ, пользовавшійся, на условіяхъ, чужою землею: «А съ пашенныхъ крестьянъ и бобылей и съ половниковъ.... собралъ по полтинѣ съ двора» (А. А. Э. IV, 186; см. Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 316). *«Исполовье»* имѣетъ значеніе, одинакое съ *половничествомъ:* «А кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи» (А. А. Э. I, 24; см. Сл. Ц. С. и Рус. яз. II, 140). Ср. еще Договорныя Грамоты 1307 г. и 1437; Успенскаго Опытъ пов. о древн. Рус. г. II, 193 и слѣд.; Рейца Опытъ 146, 147.

99. Въ ориг. *«заложитъ весну»*. Въ древнія времена наемъ земель и угодій крестьянами имѣлъ нѣсколько видовъ; въ числѣ прочихъ существовало производство сельскихъ работъ, съ правомъ на извѣстную часть произведеній земли, но съ предварительнымъ притомъ еще займомъ денегъ и хлѣбныхъ зеренъ, который обезпечивался свободою работника (Суд. Іоан. III, ст. о христьанскомъ отказѣ; Акты Ист. I, 155; Суд. Іоан. IV, ст. 88; Акты Юрид. № 176 и слѣд.; см. П. Р. Гр. Зак., III, стр 113, пр. 427). Въ настоящей статьѣ Грамоты мы видимъ примѣръ подобнаго найма: несмотря на темноту выраженій, можно полагать, что здѣсь говорится о томъ случаѣ, когда наемникъ возьметъ у хозяина плату впередъ и закабалитъ себя на извѣстное время, но уйдетъ, не дождавшись окончанія срока найма; безъ сомнѣнія, выраженіе *«заложить весну»* есть древній идіотизмъ, означающій, что наемникъ не достоялъ извѣстнаго срока, условленнаго съ хозяиномъ. За этотъ поступокъ послѣдній имѣлъ право взыскивать плату, отданную впередъ наемнику деньгами или натурою.

100. Въ ориг. сказано *«какъ у другой чать* (чети) *доставалося на томъ же садѣ* (исадѣ)». Это выраженіе такъ темно и неопредѣленно, что его невозможно перевести буквально. Вѣроятно, здѣсь дѣло идетъ о вознагражденіи работою того же хозяина за нанесенный убытокъ.

101. Слово *«покрута»* издатель Грамоты переводитъ *обязательствомъ*. Это объясненіе противорѣчитъ самому смыслу постановленій Грамоты; такъ напр. мы встрѣчаемъ: «А коли изорникъ иметъ запираться у государя покруты... ино тотъ человѣкъ покруты своей недоискался» (стр. 9); «государю покрута имать на изорника» (стр. 12); «отклични нѣтъ о государевѣ покруту, и та имъ покрута платитъ по той записи» (стр. 13); «ино государю на нихъ и покруты искать... искать остатка своего покруты» (ibid). Очевидно, что здѣсь говорится вовсе не о обязательствѣ, а о предметѣ вещнаго иска или договора. *«Покрута»* происходитъ отъ глаг. *покручать*, снабжать, подмогать: «Того же лѣта пригонъ былъ христіанамъ къ Новгороду, городъ ставити, а покручалъ четвертой пятого» (П. С. Р. Л. III, 111; см. Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 310). Въ собственномъ смыслѣ покрута означала снабженіе, снаряженіе, подмогу: «Взялъ есми.... дань.... и за данью въ подъячаго поминокъ и въ Московской покрутѣ» (Акты Юрид. 219). Такъ какъ въ Грамотѣ вездѣ, гдѣ говорится о покрутѣ, упоминается и о изорникѣ, то легко можно

убѣдиться, что покрута значила не что иное, какъ плату или вещи, которыми хозяинъ какъ бы снабжалъ изорника впередъ, въ видѣ платы; послѣдній, въ свою очередь, ручался свободою за исполненіе наемныхъ работъ (см. прим. 99). Отсюда выходитъ еще то заключеніе, что изорникъ былъ закабаленъ хозяину, и слѣд. былъ вполнѣ крѣпостной человѣкъ, какъ мы уже объяснили въ прим. 95.

102. Такъ какъ существовалъ одинъ срокъ отказа, Филиппово заговѣнье, то хозяинъ имѣлъ право взыскивать съ неисправнаго наемника только то время, которое онъ не работалъ въ теченіе одного года, но не болѣе. Этимъ объясняется выраженіе Грамоты: *«сочить покруты.... по отроку государеву»*.

103. Въ этомъ постановленіи Грамоты, для ясности смысла, мы перемѣстили знаки препинанія нѣсколько иначе, нежели какъ принимаетъ ихъ издатель. Безъ сомнѣнія, въ настоящемъ случаѣ, выраженіе: *«или самъ отречется»* относится къ праву производить искъ, а не къ праву отказа найма.

104. Въ ориг. *«знаетъ свое што изгибшее»*. Въ древнія времена *губити, губить, изъгыбноути* значило терять, пропадать; *изгибшее* тоже, что пропавшее, потерянное (Ср. Новг. лѣт. I, 108, 113).

105. Въ ориг. *«ни пословицы не было будеть»*. Издатель Грамоты переводитъ *«пословицу»*: дурная молва, нехорошая извѣстность; но пословица вездѣ употреблялась въ смыслѣ согласія, соглашенія, предварительнаго переговора: «не быша пословици Псковичемъ съ Новогородци» (Новг. лѣт. I, стр. 88). *«Непословица»* значила тоже, что несогласіе: «и въсколебашася они пьяни и бяше въ нихъ непословичя» (Псковск. лѣт. II, 38). Въ Актахъ Юридическихъ говорится: «И ставъ передъ людми Иванцова жена и еѣ сынъ, и еѣ деверь, по пословицѣ съ снохою.... даша.... одерень въ Сярты» (стр. 271). Карамзинъ принимаетъ пословицу также съ значеніемъ согласія (И. Г. Р. V, пр. 16). См. И. Снегирева: Рус. юрид. пословицы, Москвит., 1849, № 7, стр. 1; Введеніе къ Рус. пословицамъ и притчамъ, М. 1848.

106. Продолженіе этой статьи помѣщено на стр. 9 оригинала; см. также прим. 118.

107. Въ ориг. *«а кто поимается только»*. *«Поиматься»* значило вступаться, вклепываться: «Будетъ кто у кого купитъ лошадь, а другой съ стороны поимается за тое лошадь, назоветъ своею» (О Россіи, Коших. 68; ср. Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 302).

108. См. прим. 117.

109. Въ ориг. *«портище»*. Этимъ именемъ назывался кусокъ или отрѣзокъ въ извѣстномъ количествѣ какой-либо ткани; тоже названіе имѣла одежда или платье: «Учалъ ихъ жаловати портищи, соболи и бархаты» (Никон. лѣт. VI, 199). «Андрею сыну моему.... скорлатное портище съ бармами» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, 34; ср. Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. III, 374). Карамзинъ говоритъ, что портами вообще называлась одежда и что въ настоящее время въ этомъ значеніи осталось только имя портной (И. Г. Р. I, пр. 322; см. также II, пр. 380; III, пр. 109, 143 и др.; ср. Погодина Изслѣд. и пр. III, 445, 668, 896 и др.)

110. Слово *«подвоскій»* издатель Грамоты переводитъ: развозчикъ судовыхъ бумагъ. Но въ прим. 58 и 89 мы уже объяснили, что подвойскій принадлежалъ къ числу приставовъ, вызывавшихъ отвѣтчика къ суду, и имѣлъ должность, сходную въ послѣдствіи съ должностью ѣздока, обязанность котораго состояла въ вызовѣ отвѣтчика изъ отдаленнаго мѣста жительства;

такъ напр. въ Новгород. лѣтописяхъ мы читаемъ: «а изъ Новгорода ихъ не позывати ни дворяны, ни подвойскими» (III, 227; ср. И. Г. Р. IV, пр. 345); въ нихъ же упоминаются: «Осипъ подвойскый» (I, 25); «Поромонъ подвойскый» (ibid. 60). Въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ говорится: «А кто на кого челомъ бьеть Дворянинъ, и Подвойскіи позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда» (И. Г. Р. V, пр. 244). «А подвойскимъ праваго десятка 4 денги на виноватомъ» (Акты Ист. I, 233; ср. также И. Г. Р. VI, пр. 609). Въ новѣйшемъ изданіи Судебника встрѣчается: «А подвойскимъ перваго десятка 4 деньги» (ст. 51). По толкованію Татищева, подвойскій былъ тоже, что теперь сторожъ присутственнаго мѣста (Суд. Тат., прим. б, стр. 103). Правый десятокъ слѣд. былъ пошлиною съ иска, взимаемою въ пользу сторожей. Того же толкованія придерживается г. Ивановъ, въ сочиненіи о помѣстныхъ правахъ въ Россіи (стр. 81). Неосновательность этихъ объясненій слова «подвойскій» несомнѣнно подтверждается приведенными нами выписками изъ лѣтописей. Арцыбышевъ думаетъ, что подвойскій значитъ тоже, что *адъютантъ* (Пов. о Рос. II, 718).

111. *«Ѣздъ»*, по объясненію издателя Грамоты, значитъ тоже, что дорожныя издержки. Ѣздомъ собственно называлась установленная закономъ плата въ пользу судей и судебныхъ служителей за производство отъѣзжаго суда и разъѣзды по частнымъ дѣламъ: «Ему ѣзду имати на челобитчикѣ» (Улож. X, 145). «А взялъ... ѣзду полтретья рубля» (Акты Юрид. 20). «Имати по три деньги ѣзду» (ibid., 106). «А ѣзду недѣльщикамъ имати на сто верстъ больши, или меньши того, и на тѣ версты ѣзду имати противъ того же, по разчету» (Улож. X, ст. 148). Въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ сказано: «А на Орлецѣ Дворяномъ хоженого бѣлка а ѣзды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ двѣ бѣлки» (И. Г. Р. V, пр. 244). Въ первой Псковской лѣтописи слово ѣздъ употребляется въ смыслѣ поѣздки, путешествія: «А ѣзда его путнаго полсемы недѣли» (стр. 208). «А всегда ѣзда его и сѣмо и тамо полчетверта мѣсяца» (стр. 243). Ѣздъ, въ смыслѣ пошлины, опредѣлялся числомъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ, до того, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, и взимался съ виновнаго. Ср. еще Суд. Тат., стр. 40 и 90.

112. Карамзинъ, ссылаясь на старинныя Ариѳметики, писанныя въ концѣ XVI ст., намъ неизвѣстныя, полагалъ, что древняя *верста* наша была вдвое длиннѣе существующей нынѣ, и состояла изъ 1000 сажень (И. Г. Р. III, пр. 367; V, пр. 78; VII, 399). Арцыбышевъ также вѣрилъ, что верста состояла изъ 1000 и 700 теперешнихъ сажень (Пов. о Рос. кн. III, стр. 96 и кн. IV, стр. 34). Магницкій считалъ въ старой Русской верстѣ 651 сажень, повѣривъ конечно несправедливому масштабу на чертежахъ Россіи, изданныхъ иностранцами въ XVI и XVII вѣкѣ (Сѣв. Архивъ, IV, стр. 48 и 49). Тоже самое думали и многіе другіе писатели, исключая Татищева, свидѣтельствующаго, на основаніи Писцоваго наказа 1554 г., что верста наша издревле состояла изъ 500 сажень (Ист. Рос. I, XX, II, 503 и слѣд.). Наконецъ въ изслѣдованіи г. Буткова «Объясненіе русскихъ старинныхъ мѣръ, линейной и путевой» (С.П.Б. 1844, стр. 15—47), неоспоримо доказано, что верста, съ самыхъ древнихъ временъ, содержала въ себѣ 500 сажень, какъ и въ настоящее время, и что ея уклоненія отъ этого числа были весьма незначительны.

113. *Писцомъ* назывался судейскій служитель, писавшій разнаго рода акты

и грамоты и получавшій плату не отъ судебнаго мѣста, а съ тяжущихся. Въ частности названіе писца присвоивалось преимущественно лицамъ, составлявшимъ писцовыя книги и межевщикамъ: «И оброкъ имъ платили.... до тѣхъ мѣстъ, доколѣ за ними то село и деревни писцы наши (царя), или большіе мѣрщики опишутъ и измѣряютъ» (Акты Ист. I, 319). Плата, которую получали писцы, именовалась «писчее»: «Пожаловали есмы.... сиротъ, ненадобѣ имъ ни которая дань.... ни писчее, ни кормъ» (А. А. Э. I, 3; ср. также Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 220). Пр. Срезневскій, въ своемъ изслѣдованіи «Рядная запись XIII вѣка» (съ приложеніемъ замѣчаній пр. К. А. Неволина), напечатанномъ въ III томѣ Зап. Имп. Арх. Общ., говоритъ, что «слово *писець* едва ли можно переводить посредствомъ schreiber, принимая его въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется оно теперь». «Писецъ», продолжаетъ авторъ, «какъ писарь, дьякъ нашего древняго и стариннаго міра, были иногда лица важныя, не переписчики, а письмоводители, дѣлопроизводители, секретари, лица иногда почти столь же важныя, какъ и тѣ, чьими дѣлами они управляли». На этомъ основаніи, пр. Срезневскій выраженіе рядной записи «А псалъ Довмонтовъ писець» переводитъ: «А писалъ (грамоту) секретарь (письмоводитель) князя Довмонта».

114. *Безсудная грамота* давалась истцу, въ слѣдствіе неявки отвѣтчика въ назначенный срокъ къ судебному мѣсту; дѣйствіе ея состояло въ томъ, что отвѣтчикъ обвинялся *безъ суда*, т. е. безъ личнаго спора тяжущихся сторонъ. Въ этомъ состояло главное различіе безсудной грамоты отъ *правой* (Ср. А. А. Э. I, № 13 (1398); Суд. Іоан. IV, ст. 41 и 70). «А надъ кѣмъ учинятъ продажу сильно.... и мнѣ Великому Князю велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ, а не станетъ ино на того грамота безсудная» (А. А. Э. I, 8). Безсудная грамота поэтому могла выдаваться одному истцу и только послѣ того, какъ сдѣланъ былъ предварительно вызовъ отвѣтчика. Въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. этой грамотѣ не вполнѣ придано настоящее значеніе; тамъ сказано, что такъ называлась грамота на поимку обвиненныхъ судомъ отвѣтчиковъ (I, 40). Въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ читаемъ: «А кто на кого челомъ бьетъ Дворянинъ и Подвойскіи позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того Намѣстници дадутъ грамоту правую безсудную» (И. Г. Р. V, пр. 244). Карамзинъ называетъ безсудную грамоту обвинительною (И. Г. Р. V, 136); также безсуднымъ спискомъ обвиненіе того, кто не явился къ суду (ibid. VI, пр. 609); это названіе встрѣчается и въ Судебникѣ. Г. Кавелинъ (См. Осн. нач. Рус. судоустр. и проч., стр. 107) говоритъ, что «правыя грамоты были двоякаго рода: однѣ давались въ слѣдствіе приговора, основаннаго на томъ, что оказывалось по суду; другія, въ слѣдствіе приговора, постановляемаго безъ суда (напр. когда винили неявкою въ срокъ къ суду, промолвкою, роспискою и т. д.). Первыя суть, въ строгомъ смыслѣ, *правыя грамоты* (См. Улож., гл. XVIII, ст. 38; Акты Юр. № 26, стр. 71); вторыя называются въ Судебникѣ и современныхъ ему источникахъ *безсудными*» (Ср. Су. Тат. § 20, 21, 41, 42, 49). Въ Уложеніи названіе безсудной грамоты вовсе не встрѣчается; можно полагать, что оно замѣнилось общимъ наименованіемъ правыхъ грамотъ. Ср. еще Рус. Дост. II, стр. 274.

115. Подъ именемъ *приставной грамоты* подразумѣвалась такая, которая давалась приставу; такъ какъ названіе пристава было общее и относилось безразлично къ позовникамъ, подвойскимъ, недѣльщикамъ и др., поэтому и

приставная грамота одинаково употреблялась для означенія позовницы, зазывной грамоты и т. п. «А колько вытей въ приставной (грамотѣ) ни будетъ, и недѣльщику ѣздъ одинъ до того города, въ которой городъ приставная писана» (Акты Ист. I, 51). Карамзинъ объясняетъ приставную грамоту также въ этомъ смыслѣ (И. Г. Р. VI, пр. 609.).

116. Въ ориг. *«на селъ живалъ»*. Глаг. *жить* употребленъ здѣсь, безъ сомнѣнія, въ смыслѣ работать, исполнять извѣстныя обязанности. Тоже значеніе имѣло, вѣроятно, выраженіе: *«на селъ сѣдѣть»* (См. прим. 17).

117. Въ ориг. *«кто снялъ»*. Въ прежнее время *«снятіе»* означало вступленіе въ бой, въ сраженіе (Сл. Ц. С. и Рус. яз. IV, стр. 168); а слѣд. и въ споръ. Не имѣетъли сродства *«снятіе»* съ словами *«нятва»*, *«нятство»* и *«нятье»*? Въ Псковскихъ лѣтописяхъ эти слова употребляются въ смыслѣ плѣна, содержанія подъ стражею, неволи: «Князь великій Андрей Олгердовичь пріѣхалъ изъ Литвы отъ братья изъ нятвы» (I, 19). «Тогоже лѣта пріѣхаша послы по свое нятьство» (ibid., 221). «Тогоже лѣта князь пріѣхалъ изъ Литвы изъ нятья» (II, 16). Тоже самое читаемъ и въ другихъ древнихъ актахъ: «Князь великій отца моего убіетъ или уморитъ въ нятвѣ» (Акты Арх. Экс. II. 50). «Приведе его съ собою въ Москву, и держа его у себя въ нятіи, но въ бережепіи и въ чести велицѣ» (Древ. лѣт. I, 79). «Также, господине, князь великій отца моего пожалуетъ, изъ нятства выпуститъ» (А. А. Э. I, 50; ~~см.~~ также Сл. Ц. С. и Рус. яз. II, 471). Всѣ эти слова имѣютъ, безъ сомнѣнія, близкое соотношеніе.

118. Въ ориг. *«а тотъ прорука, кто изводъ поставилъ»*. Слово *«прорука»* (по ошибкѣ, вмѣсто порука) объясняется поручительствомъ, которое установлялось какъ средство для обезпеченія явки отвѣтчика на сводъ, или вообще въ судебное мѣсто, къ назначенному времени. О подобномъ поручительствѣ упоминается еще въ Русской Правдѣ: «Аще познаеть кто, не емлетъ его; то не рци ему мое, нъ рци ему тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ. Или не пойдеть, то поручника за пять дней» (ст. 13, по разд. Тат.; см. Ист. Рос. Гр. Зак. III, 25, прим. 109). Поручитель въ древности именовался *«поручникомъ»* (см. прим. 81) и *«порукою»*. Послѣднее слово часто употребляется въ договорныхъ грамотахъ; такъ напр. въ грамотѣ 1431 г. сказано: «не будетъ поруки ино его (должника) обвинити» (Собр. Госуд. Гр. и Дог., ч. I,). Пр. Рейцъ также переводитъ слово «порука» поручителемъ (Опытъ и пр., стр. 224 и 322). — Вся эта статья П. С. Грамоты составляетъ продолженіе постановленія, помѣщеннаго на стр. 8-й оригинала.

119. Въ ориг. сказано: *«А у кого поимаются за отморшину отца его, или приказной»*. Въ прим. 41 мы упомянули, что иногда слово *приказъ* употреблялось въ прежнія времена въ смыслѣ завѣщанія. Очень можетъ быть, что подъ именемъ приказнаго, въ настоящемъ случаѣ, подразумѣвается то, о чемъ былъ данъ самый приказъ, т. е. предметъ завѣщанія.

120. Здѣсь, вѣроятно по недосмотру писца, не достаетъ окончанія того, что скажутъ свидѣтели: безъ сомнѣнія, если они говорили совершенно противное первому случаю, то отвѣтчикъ подвергался присягѣ.

121. *Добрыми людьми* именовались, вѣроятно, люди, извѣстные по своей честности, правдивости и благородству; они призывались въ свидѣтели, безъ сомнѣнія, по выбору судебнаго мѣста (ср. Погодина Изслѣд. и пр. III, стр. 406, 407; Соловьева Ист. Россіи, I, стр. 238).

122. Въ ориг. *«хоромы»* — значитъ вообще всякое жилое, деревянное стро-

еніе (Сл. Ц. С. и Рус. яз. IV, 409). «А хоромъ на томъ дворѣ: горница.... горенка па мисаниѣ.... да избушка воротная» (Акты Юрид. 130). Отсюда названіе *«храмской тать»* означаетъ комнатнаго вора, покравшаго что либо *внутри* строенія (см. прим. 18.).

123. Въ ориг. *«а на судъ помочью не ходити»*. Издатель Грамоты слово *«помочь»* переводитъ: «подмога родныхъ и знакомыхъ, для поддержки иска». Это слово употреблялось, большею частью, въ общемъ смыслѣ помощи, подмоги, содѣйствія; такъ напр. въ первой Новгородской лѣтописи говорится: «Ходиша же и изъ Новгорода помочью Кыяномъ» (I, 10.).

124. Обѣ тяжущіяся стороны означены въ П. С. Грамотѣ общимъ названіемъ *сутяжниковъ* (ср. прим. 29). Въ настоящее время глаг. *сутяжить* употребляется въ смыслѣ придираться къ кому-либо, для заведенія тяжбы (ср. Сл. Ц. С. и Рус. яз. IV, 251). Въ Суд. Іоан. IV, вмѣсто наименованія сутяжниковъ, встрѣчаются выраженія: истецъ, жалобникъ, отвѣтчикъ. Ср. соч. г. Михайлова, стр. 63.

125. Въ ориг. *«А пособниковъ бы не было ни съ одной стороны»*. Слово *«пособникъ»* издатель грамоты объясняетъ: стряпчій, ходатай по дѣламъ; но оно имѣетъ болѣе опредѣленное значеніе: пособникомъ считался нерѣдко тотъ человѣкъ, который, по праву представительства, производилъ искъ вмѣсто тяжущагося; такъ напр. необходимыми представителями почитались мужъ за жену, сынъ за мать, господинъ за раба, опекунъ за малолѣтняго (Ср Суд. Новг. Гр.: «А кому будетъ дѣло»....). Второе значеніе пособника состояло дѣйствительно въ томъ, что онъ былъ родъ повѣреннаго; нѣкоторыя лица, напр монахи, въ извѣстныхъ случаяхъ, не могли сами производить иска: они должны были поручать его своимъ начальникамъ и должностнымъ лицамъ, уполномоченнымъ для производства иска, или нанимать для этого постороннихъ лицъ (Ср. Акты Юрид. № 16, 1518 г.). Частныя лица также поручали за себя ходатайство дѣлъ своимъ родственникамъ, иногда же своимъ слугамъ и крестьянамъ (См. соч. г. Михайлова, стр. 64). Права представительства во второмъ случаѣ вовсе не существовало; но лица, которымъ поручался искъ, назывались безразлично, какъ и въ первомъ случаѣ, пособниками. Наконецъ пособникъ употреблялся иногда въ смыслѣ соумышленника, соучастника: «А Онцифоръ убѣже съ своими пособникы» (Новг. лѣт.I, 82). «И быша ему пособницы Новгородьци» (ibid. 113). «Пріиде нѣкоторыи князь Нѣмецкій изъ Нѣмецкіе земли съ своими пособникы» (Новг. лѣт. III, 264). Въ Сл. Ц. Сл. и Рус. яз. (III, 377) слово пособникъ объяснено весьма неполно въ значеніи помощника, соумышленника, соучастника, которое очевидно не можетъ относится къ настоящему постановленію Грамоты.

126. Въ ориг. *«ино всадити его въ дыбу»*. *Дыба* значила въ древности тоже, что колодка, которую составляли двѣ плахи, имѣвшія по срединѣ выемку, а по концамъ петли и замки (См. Сл. Ц. С. и Рус. яз. I, 381, 382; II, 175, 190). Выраженіе «всадить въ дыбу» обыкновенно употреблялось въ смыслѣ заклепать въ колодку: «Аще Русскій гость или въ Ризѣ, или на Готьскомъ березѣ извинится, никакоже его всадити въ дыбу, оже будетъ порука по нь, не будетъ ли поруки по нь, то лзѣ всадити въ желѣза» (Рус. Дост. II, 252; ср. ibid., стр. 276; также Русскіе въ своихъ послов. И. Снегирева. кн. III, стр. 193).

127. Вещи, покраденныя, пограбленныя, или взятыя разбоемъ и найденныя у кого-либо, назывались въ древности *«поличнымъ»*: «А поличное то,

что вымутъ изъ клѣти, изъ за замка, ино то поличное» (Акты Ист. I, 184). «Ему на то поличное взяти изъ приказу пристава» (Улож. XXI, 87). «А будетъ кто у кого за что поимается, а скажетъ, что то поличное воры у него украли, или разбоемъ взяли съ иными его животы, а явокъ на то поличное, и на иные свои животы.... не скажетъ, и по такому поличному тѣхъ людей, у кого поимаются, не пытать» и т. д. (ibid. XXI, 31). Въ Русской Правдѣ, вмѣсто поличнаго, употребляется «*личе*», что и указываетъ весьма ясно на происхожденіе этого слова отъ сущ. *лице* (Ср. Рус. Дост. II, 36).

128. Въ ориг. «*грамотъ правыхъ не посужати*». Издатель переводитъ *правую грамоту* рѣшеніемъ, судебнымъ приговоромъ. Такія грамоты дѣйствительно существовали, но въ П. С. Грамотѣ это названіе, встрѣчаемое только однажды, стоитъ въ общемъ значеніи правдивыхъ, справедливыхъ грамотъ, а не судебнаго приговора. Это легко усмотрѣть изъ того, что далѣе имъ противуполагаются *лживыя грамоты*.

129. Въ ориг. сказано: *а лживыхъ грамотъ и доски обыскавши, правда судомъ посудити*». Правда не имѣетъ здѣсь значенія присяги или суда, а употреблена для общаго выраженія качества, достоинства, сущности лживыхъ грамотъ, что видно изъ самаго смысла этого постановленія.

130. Въ ориг. «*смолве*»—съ согласія. *Смолва* означала взаимное согласіе, переговоры, сговоръ (Ср. Сл. Ц. С. и Рус. яз. IV, 158). «Съ Жигимонтомъ миру и добрыя смолвы хощу» (Грамота В. К. Вас. Іоан. къ сестрѣ своей Польской Королевѣ). «Пріѣздиша послове Нѣмецкіи.... въ Новъгородъ на смолву съ Плесковичи» (Новг. лѣт. I, 88). *Смолвити* употреблялось въ смыслѣ согласить, склонить, уговорить: «Того же лѣта ходивше Новгородскіе послове въ Юрьевъ, и смолвиша Нѣмецъ съ Плесковичи въ любовь, и бысть между ими мирно» (Новг. Лѣтописецъ). *Смолвливаться* значило сговариваться, соглашаться: «И Власъ смолвился съ нимъ съ Васильемъ» (Акты Ист., I, 433.).

131. Вѣроятно, изорникъ, кромѣ покруты, даваемой ему хозяиномъ впередъ за работу, имѣлъ иногда право, въ слѣдствіе договора съ хозяиномъ, на половину произведеній, которыя онъ получалъ отъ нанимаемаго имущества.

132. Глаг. «*вымать*» издатель Грамоты переводитъ сыскать; но по объясненію Сл. Ц. С. и Руз. яз., это слово значитъ собственно брать укрывающагося, или что-либо запрещенное (I, стр. 211 и 215); такъ напр. въ Уложеніи говорится: «Питья у нихъ не вымати» (XLIII, 8.).

133. Т. е. пошлину въ пользу «*подверниковъ*», привратниковъ; ср. стр. 10 оригинала.

134. *Дворянинъ*, въ прежнемъ значеніи этого слова, принадлежа ко двору князя, исправлялъ также и приставную должность, наравнѣ съ позовниками, недѣльщиками, заговорщиками и т. п. (ср. прим. 58.). Такъ напр. въ жалованной грамотѣ В. К. Іоанна Васильевича 1494 г. говорится: «А намѣстницы мои Бѣжецкіе и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ къ нимъ ни почто» (А. А. Э. I, № 131, стр. 97). Карамзинъ, принимая дворянъ иногда въ значеніи судей, также говоритъ объ исполненіи ихъ приставной должности (И. Г. Р. IV, 152). «А судьи мои вси, Намѣстницы и Тіуни не шлютъ Дворянъ своихъ по Св. Спаса» (ibid. IV, пр. 328). Въ Ростовской лѣтописи мы читаемъ: «А изъ Новагорода не позываши ихъ ни Дворяны, ни Подвойскими, ни Софіяны» (И. Г. Р. IV, пр. 345). Въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. объ

этомъ чисто судебномъ значеніи дворянъ вовсе не упоминается (I, 312, 313).

135. Въ ориг. *«а возметь своему узду конь»*. Безъ сомнѣнія, здѣсь, вмѣсто слова *«истцу»* (т. е. отвѣтчику), по ошибкѣ или недосмотру писца, поставлено *узду*, и тѣмъ нарушенъ смыслъ этой статьи.

136. Въ ориг. *«кто его не утяжетъ»*. *Утягати* значитъ по суду доказывать, уличать; также выиграть тяжбу у кого-либо (Сл. Ц. С. и Рус. яз. IV, 376.). «А ищетъ кто полоненика въ холопи, котораго полону нибуди, и утяжетъ его многими людьми» (Судеб. 136). «Въ томъ шлюсь.... на судныи списокъ, что его (кн. Сицкаго) утягалъ» (Разряды 1696 г., въ Симб. сборн.).

137. *Церковные старосты* и десятскіе были избираемы изъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ для надзиранія надъ церковною службою, надъ исполненіемъ въ точности церковныхъ обрядовъ и надъ поведеніемъ духовенства. В. К. Іоаннъ Васильевичъ, наказомъ 1551 г. Московскому Собору, подтвердилъ это учрежденіе (См. И. Г. Р. IX, 270). *Церковнымъ старощеньемъ*, по примѣру волостнаго, называлось нѣсколько церковныхъ вѣдомствъ или мѣстъ, состоявшихъ подъ управленіемъ одного церковнаго старосты (Ср. Сл. Ц. С. и Рус яз. IV, 221). *«Держать старощенье»* значило находиться въ должности старосты.

138. Въ ориг. *«кормля написанна въ рукописаніи»*. Издатель Грамоты переводитъ *«кормлю»* пользованіемъ мужнинымъ или жениными имѣніемъ. Пр. Неволинъ, въ своемъ сочиненіи, принимаетъ «кормлю» въ томъ же значеніи (И. Р. Гр. З. III, 42. 60). Въ «Современникѣ» 1847 г. сказано: «Кормля не есть пользованіе *только* мужнинымъ или женинымъ имѣніемъ» (Рус. Лит., стр. 228), и затѣмъ приведенъ самый текстъ П. С. Грамоты. Вѣроятно, здѣсь подразумѣвается то, что кормля, кромѣ значенія имѣнія, доставшагося въ наслѣдство послѣ смерти одного изъ супруговъ другому, означала еще пищу, кормъ, а также должность или мѣсто, которые давались кому-либо, за службу, съ тѣмъ, чтобы онъ получалъ съ нихъ доходы; нахожденіе въ такой должности обыкновенно называлось *кормленіемъ*. Но въ П. С. Грамотѣ кормля въ послѣднемъ значеніи нигдѣ не употребляется. Въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. (II, 204) вовсе не упоминается о кормлѣ въ смыслѣ пользованія наслѣдствомъ. О кормлѣ въ послѣднемъ смыслѣ говорится въ П. С. Грамотѣ и далѣе на стр. 14.

139. Здѣсь, какъ и въ многихъ другихъ мѣстахъ Грамоты, вмѣсто слова *«исадъ»*, въ оригиналѣ находится *«садъ»*.

140. Въ ориг. *«а доличать того человѣка»*. *«Доличить»* значило доказать явно, обнаружить, уличить (Сл. Ц. С. и Рус. яз. I, 347). «А того утяжутъ, а дался въ грамоту, ино ему у того осподаря въ волости не жить: а иметъ жить у того осподаря въ волости, а доличятъ, ино той осподарь тѣ убытки подойметъ» (Акты Юрид. 72.).

141. Въ ориг. *«да и гостинецъ будетъ писанъ на записи»*. Слово *«гостинецъ»* издатель Грамоты переводитъ: ростъ отъ товара, прибыль; но оно значитъ вообще проценты. Послѣднее значеніе придаетъ гостинцу и пр. Неволинъ (См. И. Р. Гр. Зак. III, 128.) Въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. гостинецъ объясненъ только въ смыслѣ подарка и проѣзжей дороги (I. 184).

142. Хотя въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. слово *«зарокъ»* упомянуто только въ значеніи зареканія и нареканія, зазрѣнія (II, стр. 51, 52); но очевидно, что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о *срокѣ* (Ср. Ист. Р. Гр. Зак. III, 128).

143. Въ ориг. весьма темно сказано: *«а старому изорнику вози вести на*

государя» Не составляютъ ли два слова *«вози вести»* одинъ глаголъ *«возвести»* ? Въ такомъ случаѣ *взводъ* значитъ тоже самое, что *изводъ* (Ср. прим. 30).

144. Въ ориг. *«да и староств губскихъ позвати»*. Издатель Грамоты переводитъ выраженіе *«староста губской»* «волостной старшина, становой приставъ». *Губнымъ старостой* назывался областной чиновникъ, завѣдывавшій уголовными дѣлами. «Губныхъ старостъ.... приводити къ крестному цѣлованью, пущати въ губы, а безъ крестнаго цѣлованья у дѣлъ имъ не быть» (Акты Ист. III, 301). *Губными грамотами* назывались уголовныя грамоты. Татищевъ производилъ *губу* отъ *губленія*, на томъ основаніи, что губные старосты занимались уголовными дѣлами (Суд. Тат., стр. 71, въ прим.). Карамзинъ говоритъ, что подъ именемъ *губы* разумѣлось вѣдомство или мѣста, подсудныя одному начальству (И. Г. Р. IX, пр. 818). Успенскій полагаетъ, что мѣсто *вирника*, чиновника, производившаго на мѣстѣ слѣдствіе и судъ о убійствѣ и *виру*, т. е. уголовную пеню, заступилъ по времени *Губной староста*. Онъ думаетъ, что названіе *Губа* не есть Русское (Опытъ повѣст. о древ. Рус. 1818, II, 341—344). Митрополитъ Евгеній производитъ *«губу»* отъ скандинавскаго слова hubo, hobo — округъ земли. (Ср. еще Арцыб. Пов. о Р. IV, XLV; Суд. Тат., стр. 119. 120; Опытъ Рейца, стр. 281; Снегирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ, ч. III. стр. 110 и 111; Линовскаго Опытъ истор. розысканій о слѣдств. уголовн. судопроизв. въ Россіи, Одесса, 1849, стр. 21 и 22; о Суд. Іоан. IV, Калачова, въ Юрид. Зап., ч. II, стр. 369 и слѣд.). Вѣроятнѣе всего, что *губа* происходитъ отъ глаг. *гнуть, огибать*, и означаетъ округъ земли, огибавшійся границами.

145. Слова *«А сочить Псковскимъ»* мы присоединили къ слѣдующему §.

146. *Межою* въ древности назывались мѣстность и время. Безъ сомнѣнія, здѣсь она употреблена въ первомъ смыслѣ и означаетъ межеванье. Въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. сказано только, что межа есть тоже, что рубежъ въ двоякомъ значеніи (II, 295).

147. Карамзинъ говоритъ, что въ духовной В. К. Димитрія Донскаго въ первый разъ упоминается названіе *Дьяка* въ смыслѣ секретаря, и что у Грековъ *Diakonos*, а у Скандинавовъ *Diaekne* означало слугу, школьника (И. Г. Р. IV, пр. 325); онъ также полагаетъ, что Дьяками иногда назывались рабы Великаго Князя (ibid. IV, пр. 386). Татищевъ производитъ названіе Дьяка равнымъ образомъ отъ Греческаго слова *Diakonos* — служитель (разумѣется церковный), говоря, что Дьяки употреблялись для отправленія гражданскихъ письменныхъ дѣлъ, за незнаніемъ грамоты другихъ служебныхъ лицъ, и что потомъ они находились въ присутственныхъ мѣстахъ какъ Ассессоры (прим. на Суд. стр. 35). Болтинъ слово *управлять, распоряжать* находитъ въ Венгерскомъ языкѣ—*deak*—ученый, грамотный (отвѣтъ его кн. Щербатову, С. Пб. 1789, стр. 8). Успенскій думаетъ, что названіе Дьяка заступило мѣсто бывшаго прежде *Метальника* и вошло въ употребленіе около времени княженія Владиміра II; нѣкоторые производятъ его отъ слова *дѣя*, т. е. письменное дѣлопроизводство. «Изъ сего явствуетъ», говоритъ далѣе авторъ, «что Дьяки служили перомъ и служба ихъ столь важна, что ни за какое дѣло приняться и никого ни въ какую, какъ военную, такъ и гражданскую, хотя нѣсколько важную посылку, отправлять безъ Дьяка было не возможно» (Опытъ пов. о др. Рус., 1818, стр. 334 и 335). Пр. Рейцъ полагаетъ, что Дьяки нерѣдко употреблялись съ значеніемъ

помощниковъ къ придворнымъ чиновникамъ, назначеннымъ для особыхъ дѣлъ и порученій Государя. «Впрочемъ дьякъ», продолжаетъ онъ, «не всегда имѣлъ таковое назначеніе: онъ былъ особый княжескій чиновникъ, коего названіе произошло вѣроятно отъ обыкновенія употреблять писцовъ (Дьяковъ) для различныхъ дѣлъ княжескихъ» (Опытъ и пр., стр. 173). Г. Ивановъ думаетъ, что Дьяки значили тоже, что нынѣ секретари (Обозрѣніе помѣст. правъ и обязан., стр. 110). — Изъ всѣхъ приведенныхъ нами мнѣній видно, что должность Дьяковъ состояла преимущественно въ письменномъ дѣлопроизводствѣ. Въ П. С. Грамотѣ дьякъ княжескій отличается отъ дьяка городскаго; безъ сомнѣнія, послѣдній находился на вѣчевой службѣ и зависѣлъ исключительно отъ вѣча.

148. Въ ориг. «*а печатная деньга*». «*Печатнымъ*» называлась пошлина за приложеніе печати къ какой-нибудь грамотѣ *печатникомъ*; такъ существовали пошлины: писчее, ротное, жеребейное, приставное, хоженое, ѣздъ и т. п. «И о отъѣзжихъ, и о печатныхъ пошлинахъ, чинили.... по уставной грамотѣ» (Акты Ист. V, 252; ср. Суд. Тат. § 34, прим. *а*; Улож, гл, X, ст. 115, 117; XVIII, ст. 32, 33, 39, 58).

149. Въ ориг. «*отклични нѣтъ о государевѣ покруту*». Можно предполагать, что слово «*откличъ*» значитъ *исключеніе*, основываясь на смыслѣ этого постановленія П. С. Грамоты.

150. См. прим. 1. — Эту статью, также какъ и послѣдующую, мы не имѣли возможности перевести буквально.

151. Слово «*отчина*» встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ Русской письменности; такъ въ Лавр. лѣт., подъ 6636 годомъ, читаемъ: «И созва (Володимеръ) боляры, и повѣда имъ. Они же рекоша: уже не убій ея дѣтями дѣля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ» (стр. 131). К. А. Неволинъ говоритъ, что отчина или вотчина «по грамматическому своему происхожденію, означаетъ имущество отцовское, имущество, которымъ владѣлъ отецъ извѣстнаго лица, имущество, которое дошло къ извѣстному лицу отъ его отца» (И. Р. Гр. Зак. II, 124).

152. Въ ориг. «*а на останки мужеви о женини платьи цѣлованья нѣтъ*»; нѣсколько далѣе: «*а на останки женѣ въ мужни платьи целованіа нѣтъ*». Хотя въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. сказано, что «*останокъ*» (во 2-мъ знач.) на древнемъ церковномъ языкѣ значилъ «*потомокъ*» (III, 87); но мы принимаемъ это слово въ его болѣе общеупотребительномъ значеніи *остатка, остальнаго;* такъ напр. въ первой Новг. лѣт. говорится: «и на праздьникъ святаго Николы вылѣзше изъ города изсѣкоша вся, и бѣ туга и бѣда останку живыхъ» (стр. 22). «А Вожане помроша, а останкѣ разъидеся».... «Новгородьци же, останькѣ живыхъ, послашя Гюргя Ивановиця посадника» (стр. 33). Смыслъ этой статьи П. С. Грамоты тотъ, что мужъ между прочимъ не обязанъ присягать въ томъ, что отдалъ родственникамъ умершей жены все ея имущество *безъ остатка*, не оставивъ и не утаивъ для себя ничего: тоже самое относится и къ женѣ въ случаѣ смерти мужа. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, мы разставили нѣсколько иначе знаки препинанія, нежели какъ принимаетъ ихъ издатель грамоты.

153. См. ниже прим. 166.

154. Въ ориг. «*гостебное*» — вообще торговыя дѣла; такъ въ древности существовали гости, гостьба, гостинецъ, гостьбникъ, гостинникъ, — слова, имѣвшія своимъ главнымъ значеніемъ торговлю.

155. Въ ориг. *«проторы»*. Издатель Грамоты объясняетъ ихъ убыткомъ, ущербомъ. Въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. (III, 564) сказано, что проторомъ называются издержки, расходы: «Многъ проторъ бысть Русскимъ княземъ» (Арханг. лѣт. 69). Въ Никон. лѣт. проторы употребляются въ смыслѣ подати: «о Проторехъ на постановленіяхъ, и о церковныхъ пошлинахъ Святительскихъ, и иныя различныя указанія» (III, 206); тамъ же имъ придано значеніе ущерба, убытка: «и тако на Москвѣ про тотъ судъ Владыцѣ Василью сотворися проторъ великъ, а во Твери житейскимъ людемъ нужно бысть» (IV, 15). Арцыбышевъ переводитъ проторы поборами (Пов. о Р., кн. III, стр. 106). Въ Актахъ Археогр. Эксп. сказано: «Не надобъ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ столъ, ни въ который проторъ» (т. I, № 4). Въ Актахъ Историческихъ: «И намѣстнича и волостелина двора не дѣлаютъ, ни къ сотцкимъ, ни къ десятцкимъ съ тяглыми людми ни въ которые проторы не тянутъ» (т. I, № 168). На основаніи этихъ послѣднихъ выписокъ, гр. Толстой, въ своемъ соч. «Исторія финанс. учрежд. Россіи», полагаетъ, что проторомъ, по большей части, назывались всѣ личныя повинности и плата въ замѣнъ оныхъ (стр. 3). Въ Рус. Дост. говорится: *«проторъ — протори* (*проторь*, *исторь*) трата или издержки при производствѣ дѣла» (II, стр. 74). — Изъ всего этого видно, что проторы имѣли двоякое значеніе: a) пошлины, подати, побора, и b) убытка, ущерба, издержекъ вообще.

156. Въ ориг. *«заповѣдь»*. Издатель Грамоты переводитъ *неустойка*. Но заповѣдью называлась собственно *пеня*, налагаемая за нарушеніе *запрещенія* (Сл. Ц. С. и Рус. яз. II, 45). «А кто учнетъ торговати, и на томъ имати заповѣди» (И. Г. Р. IX, пр. 37). Въ этомъ смыслѣ упоминается заповѣдь въ Двинской Грамотѣ: «а намѣстники довѣдаются по заповѣди» (А. А. Э. I, № 13, г. 1398); также во второй Новг. лѣт. «а который священникъ учнетъ звонити рано, на томъ заповѣди два рубля» (стр. 168; ср. Пер. лѣт., 42). Гр. Толстой говоритъ, что «вѣсчая пошлина, опредѣленная таможенною грамотою, охранялась отъ нарушителей установленіемъ съ нихъ такъ называемой *заповѣди*. *Заповѣдь* взималась какъ съ купца, такъ и съ продавца. Величина заповѣди была обыкновенно въ два рубля (въ XVI-мъ ст.): одинъ рубль шелъ Государю, другой лицамъ, завѣдывавшимъ таможеннымъ сборомъ» (Ист. финанс. учрежд. Россіи, стр. 81; ср. также А. А. Э. I, №№ 334, 356, 362, 363; II, № 65, т. III, № 17; т. IV, № 55). Слѣдовательно заповѣдь отличается отъ неустойки тѣмъ, что первая взималась за нарушеніе наложеннаго запрещенія, тогда какъ вторая платилась въ слѣдствіе несоблюденія даннаго обязательства.

157. По объясненію Сл. Ц. С. и Рус. яз. (I, 402), *«желѣзнымъ»* называлась пошлина за наложеніе на кого-либо оковъ, въ пользу судебныхъ служителей и тюремныхъ сторожей; тоже самое значеніе имѣло *«пожелѣзное»*. Татищевъ говоритъ: *Пожелѣзное*, за то что въ желѣза посадить надлежитъ и хотя не всякаго сажали, но со всякаго виноватаго брали двенатцать съ половиною копѣйки» (прим. къ Суд., стр. 40). Въ Русской Правдѣ сказано: «А желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣчному» (Рус. Дост. II, 63). Должно замѣтить, что по Русской Правдѣ эта пошлина взималась не за наложеніе оковъ, а за испытаніе желѣзомъ (Ср. Рус. Дост. II, стр. 99 и И. Г. Р. II, 35). Изъ постановленій Двинской Грамоты видно, что таже пошлина взималась съ заключенныхъ въ оковы (А. А. Э. I, №

13, г. 1398). Г. Кавелинъ говоритъ, что *пожельзнымъ* именовалась пошлина, взимаемая приставомъ за то, что онъ извѣстныя лица держалъ у себя, и что лица эти, отданныя приставу, сковывались и содержались въ цѣпяхъ (Осн. Рус. гражд. судоустр. и пр. стр. 119).

158. Въ ориг. *«вятшій братъ»* — старшій братъ; такъ были въ древности: вятшіе мужи, купьцѣ вячьшіе, Новгородци и т. п. Въ первой Новгород. лѣт. встрѣчается много такихъ случаевъ, гдѣ *«вятшій»* значитъ старшій, большой, и противуполагается младшему, меньшему: «а вятшихъ Новгородьци же пришьдъше Новгороду, створиша вѣче на посадника Демитра и на братью его» (стр. 30). «Томъ же лѣтѣ преставился князь Өедоръ, сынъ Ярославль вячьши (Син. сп. болши) іюня въ 10» (стр. 49). «Поиде князь Ярославъ.... поимя съ собою Новгородци вятшихъ» (стр. 50). «И бысть въ вятшихъ совѣтъ золъ, яко побити меншіи» (стр. 55). «Вятшіи велять ся яти меншимъ по число» (стр. 57). Въ Рус. Дост. слово *«вящьшии»* принимается въ смыслѣ: *лучшая*, отъ *вящій — хорошій* (II, стр. 27). Ср. еще Рус. юрид. пословицы, И. Снегирева, въ Москвит. 1849, № 8, стр. 18.

159. Въ ориг. *«братанъ»* — братній сынъ, племянникъ; тоже значеніе имѣло слово *«братаничъ»* (См. Сл. Ц. С. и Рус. яз. I, 80). Такъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ говорится: «Князь великій Святославъ Ивановичъ Смоленьскій съвокупи около себе силу велику, а съ нимъ братаничь его князь Иванъ Васильевичь» (IV, 92). «Всеволодъ рече Гюрги и Андреи: се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему» (I, 6). «И онъ не хотя быти подъ своимъ братаничемъ» (I, 109). Въ Никон. лѣт. читаемъ: «Пріиде во Тверь посолъ силенъ зело Царевичь Щелканъ Дюденевичь изъ Орды отъ Царя Азбяка; бѣ же сей братаничь Царю Азбяку» (III, 137). Арцыбышевъ говоритъ, что Всеволодовъ сынъ былъ не братъ, а племянникъ Святославу, и что въ грамотѣ вѣроятно вмѣсто слова *брата* должно читать *братанича*, т. е. братняго сына (Пов. о Р., кн. II, стр. 83, пр. 519). Въ настоящее время *братанъ* значитъ: братъ, двоюродный братъ, другъ и товарищъ (Област. Слов., стр. 14). Ср. еще Погодина Изслѣд. и пр. IV, 363.

160. Въ ориг. *«окладать»*—вскладывать вину на кого-нибудь; отсюда *вкладныя грамоты*, имѣвшія смыслъ обвиненія (Ср. Новг. Лѣт. I, 113).

161. Слово *«подсусѣдникъ»* издатель П. С. Грамоты переводитъ: вольный земледѣлецъ, десятинщикъ. Но въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. (III, 277) сказано, что подсусѣдникомъ назывался человѣкъ, имѣвшій жительство въ чьемълибо семействѣ, или въ домѣ, находившемся на чужомъ дворовомъ мѣстѣ. «Къ наряду, на подъемъ, и по городу по стѣнѣ посадцкихъ людей.... и посусѣдниковъ 29 человѣкъ» (Акты Ист. II, 308. Ср. Воронежскіе Акты, изд. Н. Второвымъ и К. Александровымъ—Дольникомъ, кн. I, Воронежъ, 1851, стр. 85 въ Указателѣ). Поэтому слово *подсусѣдникъ* гораздо вѣрнѣе перевести названіемъ *нахлѣбникъ*.

162. Въ ориг. *«суплетка»*. Издатель П. С. Грамоты объясняетъ ее: жалобница, просьба, кажется, отъ слова *supplica*? Очевидно, что ни жалобница, ни просьба не могутъ быть упомянуты въ записи или обезпечены закладомъ. Безъ сомнѣнія, суплетка значитъ *дѣло*, *связь* и происходитъ отъ русскаго глагола *соплетаться* (Ср. Отеч. Зап. 1847 г., Сент. LIV, Рус. Лит. стр. 22).

163. Намъ кажется, что въ первой половинѣ этого постановленія знаки препинанія разставлены въ оригиналѣ совершенно неправильно и тѣмъ на-

рушена ясность смысла; по нашему мнѣнію, ихъ должно перемѣстить слѣд. образомъ: «А кто съ кимъ ростяжутся о зимли или о борти, да положатъ грамоты старые и купленую свою грамоту, и его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли и борти, и сябры вси стануть на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи, ктожъ за свою землю, или за борть, да и грамоты предъ господою покладутъ» и т. д.

164. Въ ориг. *«борти»*—такъ назывались древесныя дупла для содержанія пчелиныхъ роевъ: «И онъ (бортникъ) тѣ борти монастырскіи дѣлаетъ» (Акты Ист. I, 24). Въ П. С. Грамотѣ слово *«борти»* принято въ общемъ смыслѣ бортныхъ ухожьевъ. Карамзинъ говоритъ также, что *борть* есть выдолбленное дерево, въ которомъ водятся дикія пчелы (И. Г. Р. II, пр. 82).

165. *«Купною»* или *«купленою» грамотою* называлась такая грамота, которая давалась продавцемъ покупщику, при продажѣ вещи, на ея владѣніе.

166. Въ ориг. *«сябры»*. Издатель П. С. Грамоты переводитъ это слово: *межевые знаки*. Слѣдуя его объясненію, фразу: «и сябры вси стануть на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи» должно перевести: всѣ межевые знаки явятся въ судебное мѣсто, защищая и т. д. Очевидно, что это объясненіе неудовлетворительно. *«Сябры»*, безъ сомнѣнія, означаютъ *совладѣлецъ, соучастникъ*, тѣмъ болѣе, что на стр. 14-й оригинала мы находимъ *сябреное серебро*, переведенное нами: деньги, принадлежащія соучастнику (Ср. Отеч. Зап. 1847 г., Сент., LIV, Рус. Лит., стр. 22). Въ Судной Новгородской Грамотѣ мы встрѣчаемъ выраженіе: «а почнетъ просить сроку на управы или на *шабъры*, ино ему дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли.... а ему сказать *шабра* своего на имя» и т. д. (А. А. Э. I, № 92, стр. 70). Г. Куницынъ, въ своемъ сочиненіи, приводитъ это мѣсто грамоты и слово *«шабры»* объясняетъ *сосѣдство, сосѣдъ* (Ист. изобр. древн. судопроизв. въ Россіи, стр. 91). Очевидно, что въ этомъ случаѣ слова *«сябры»* и *«шабры»* значутъ одно и тоже. Ср. еще А. Ю. № 2.

167. Въ ориг. *«А кто коли закладъ положитъ въ пѣнезехъ, что любо»* и т. д. *Пѣнязи* означаютъ тоже, что деньги (Ср. И. Г. Р. III, 127). «Оже убьють вольнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра по 4 гривны кунами или пѣнязи» (ibid. III, пр. 248). «Того же лѣта (1424) Псковичи отложиша пѣнязми артуги торговати» (ibid. V. пр. 245). Въ Псковской лѣтописи (первой), вмѣсто *пѣнязей* упомянуты *деньги:*» Того же лѣта начаша Псковичи деньгами торговати чистымъ серебромъ» (Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 203). Карамзинъ говоритъ что слово *деньги*, въ смыслѣ *пѣнязей*, употребляется у насъ съ XV вѣка (И. Г. Р. V, пр. 421).

168. Въ ориг. *«строка»;* это слово издатель Грамоты переводитъ: «дѣло, заслуживающее вниманіе. Отсюда пословица: не всяко лыко (пустяки ставить) въ строку». Но замѣтимъ, что *«строка»* въ пословицѣ происходитъ отъ глаг. *строчать*, поэтому *«лыко»* принимается здѣсь въ своемъ настоящемъ значеніи (Ср. Современ. 1847 г., № 6, Рус. Лит., стр. 228). *Строка* въ П. С. Грамотѣ употреблена въ смыслѣ *дѣла, мѣста, статьи.*

169. Въ ориг. *«А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ»*. Здѣсь прилаг. *пошлинная* происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ сущ. *«пошлина»*, употребленнаго въ смыслѣ старины, древняго обычая (См. пр. 1).

170. Въ ориг. *«проскурница»*—просвирня (Ср. Сл. Ц. С. и Рус. яз. III, 333). «А проскурницы бы были вдовы единого мужа» (А. А. Э. I, 228). Карамзинъ говоритъ, что *проскурницею* называлась просвирница (И. Г. Р. I,

пр. 506; II, пр. 108). «*Проскура*» значила тоже, что просфора. Въ первой Псковской лѣтописи упоминается *о просвирницахъ*: «а просвирницамъ просвиръ про владыку не велѣли печи» (стр. 287).

171. Съ этого слова у Карамзина начинается Псковская Судная Грамота (См. И. Г. Р. V, прим. 404), переведенная митр. Евгеніемъ, въ его Исторіи Княжества Псковскаго (I, 45—47). Этотъ же самый отрывокъ напечатанъ въ первомъ томѣ Актовъ Археографической Экспедиціи (№ 103), подъ названіемъ: «*Новгородская запись о церковномъ судѣ*», при чемъ упомянуто, что отрывокъ писанъ прежде 1477 года. Измѣненія въ словахъ Грамоты, сдѣланныя Карамзинымъ и издателями Актовъ Арх. Эксп., въ сравненіи съ чтеніемъ, принимаемымъ г. Мурзакевичемъ, хотя и не имѣютъ особенной важности (кромѣ одного мѣста: «Братщина судитъ какъ судьи»), по тѣмъ не менѣе заслуживаютъ того, чтобъ остановиться на нихъ и отмѣтить ихъ подробно. Желая, по возможности, яснѣе сравнить между собою всѣ три отрывка Псковской Судной Грамоты, мы буквально выписали конецъ ея по изданію г. Мурзакевича, и именно съ того мѣста, гдѣ начинается эта грамота у Карамзина и въ Актахъ Арх. Эксп., и привели, для сличенія, всѣ варіанты, найденные нами какъ въ Исторіи Госуд. Россійскаго, такъ и въ Актахъ Археографической Экспедиціи.

Измѣненія, находящіеся въ отрывкахъ Псковской Судной Грамоты, напечатанныхъ въ Исторіи Госуд. Рос., т. V, прим. 404, и въ Актахъ Археогр. Эксп., т. I, № 103.

а) «Намѣстнику: аже Попъ» К. «намѣстнику: аже попъ» А. А. Э. б) «или Дьяконъ» К. «или дьяконъ» А. А. Э. в) «Черница, или чернецъ» К. «черница, или черничижь» А. А. Э. г) «оба непростыи люди» К. «оба не простыи люди» А. А. Э. д) «церковныи» К. «церковныи» А. А. Э. е) «не судити» К. «не судити» А. А. Э. ж) «ни судьямъ не судить» К. «ни судьямъ не судить» А. А. Э. з) «запеже тотъ судъ» К. «запеже тотъ судъ» А. А. Э. и) «истець міряниnъ, а не» К. «истець міряниnъ, а не» А. А. Э. і) «то судить» К. «ино судить» А. А. Э. к) вьпчи, такоже и судьямъ» К. «вьбчи, такоже и судьямъ» А. А. Э. л) «Которой человѣкъ имется за конь» К. «Которой человѣкъ имется за конь» А. А. Э. м) «мльвитъ, то у мене свое сурощеное» К. «мльвитъ: то у мене свое росченое» А. А. Э. н) «ино» К. «ино»

Окончаніе Псковской Судной Грамоты по изданію г. Мурзакевича.

А попы и діаконы и проскурница, и чернча, и черница, судить намѣстнику владычню. Аже попъ а) или діаконъ б), или противу чернца, или черницы жъ в), а будетъ обаи не простые люди г) церковные д), ино не судить е) князю, ни посаднику, ни судіамъ не судить ж), занежъ судъ з) владычня намѣстника. А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ миряпинъ, аже и) церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судити і) князю и посаднику съ владычнимъ намѣстникомъ вопчи; такожъ и судіямъ к). У котораго человѣка имутся за конь л), или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ молвитъ: то у мене свое рощеное м); іно н) ему правда дати, какъ чисто рощеное о). А кто предъ господою ударитъ на судѣ своего истца, ино его въ рубли выдать п) тому человѣку; а князю про-

А. А. Э. о) «какъ что ся рощеное» К. «какъ что ся росченое» А. А. Э. п) «выдати» К. «выдати» А. А. Э. р) «а Князю продажа боранъ присужати» К. «а Князю продажа Боранъ присужати» А. А. Э. с) «и старая правда» К. «и старая правда» А. А. Э. т) «присужати по 2 государю, а судьи 3 деньги» К. «присужати по двѣ деньги государю, на судьи 3 денги» (должно читать: «а судьи») А. А. Э. у) «за утицу и за селезеня» К. «за утицу и за селезеня» А. А. Э. ф) «и за курицу и за кочетъ» К. «и за курицу и за кочетъ» А. А. Э. х) «присужати по двѣ деньги» К. «присужати по двѣ деньги» А. А. Э. ц) У Карамзина этой статьи вовсе нѣтъ. «Братщина судитъ какъ судьи» А. А. Э. ч) «напьяни помѣнится» К. «напьяни помѣнится» А. А. Э. ш) «или что купить» К. «или что купить» А. А. Э. щ) «истьцю нелюбо» К. «истьцю нелюбо» А. А. Э. ъ) «размѣнитися» К. «размѣниться» А. А. Э. ы) «цѣлованiа» К. «цѣлованiа» А. А. Э. ь) «не присужать» К. «не присужать» А. А. Э. ѣ) корчмы по дворамъ не дръжать» К. «корчмы по дворамъ не дръжать» А. А. Э. э) «ни во Псковѣ» К. «ни во Пскови» А. А. Э. ю) не продавати» К. «непродавати» А. А. Э. я) «сочить» К. «сочить» А. А. Э. ѳ) слова: «а долики ни каковы не будетъ» у Карамзина пропущены; «а доли никаковы не будетъ» А. А. Э. ѵ) «ино на вольную роту възвать вольно» К. «ино на волную роту въ звать волно» А. А. Э. аа) «ино ему крестъ цѣловати» К. «ино ему крестъ цѣловати» А. А. Э. бб) «на полѣ» К. «на полѣ» А. А. Э. вв) «присужати два рубля и за бой, а послуху быти одному» К. «присужати два рубля и за бой, а послуху быти одному» А. А. Э. гг) «купитъ» К. «купитъ» А. А. Э. дд) «не сочить» К. «не сочить» А. А. Э. ее) «толко» К. «толко» А. А. Э. жж) кровiю помачиваться иметь» К. «кровiю помачи-

дажа. А боранъ присужать р) 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ государю, а судьи 3 деньги, старая правда с). А за гусакъ и за гусыню присужать по 2 деньги государю, на судѣ 3 деньги т). А за утицу и за селезня у), и за куръ, і за кокощь ф) присужать по двѣ деньги х). А братьщина, судить какъ судили ц). А кто съ кимъ на пьяни менится ч) чимъ, іли что купитъ ш), и потомъ проспятся, и одному истцу не любо щ) будетъ, іно имъ размѣнится ъ); а въ томъ целованiа ы) нѣтъ, ни присужати ь). А княжимъ людемъ по дворамъ корчмы не держать ѣ); ни во Псковѣ э), ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати ю). А кто зажоги на комъ учнетъ сочить я), а долики ни каковы не будетъ ѳ), іно на вольною роту возвать вольно ѵ). А кто у кого бороду вырветь, а послухъ опослушествуетъ; іно ему крестъ целовати аа), и битися на поли бб), а послухъ изможетъ, ино за бороду присудити два рубля, и за бой. А послуху быти одному вв). А корову купить гг) за слюблено, а по торговли телятъ несочить дд); а толка ее) корова кровью помачиватся иметь жж); іно тая корова назадъ воротити, чтобы і денги заплачены были. А жонки за жонкою зз) присужать поле, а наймиту отъ жонки не быти, ни съ одну сторону. А кто учнетъ ии) на комъ сочить бою пять человѣкъ, іли десять, іли сколко ни буди, на 5, іли на одномъ боевъ своихъ ii), да утяжутъ; іно имъ присужать кк) всимъ за вси боеви, одинъ лл) рубль, и княжая продажа одна.

вается имать» А. А. Э. зз) «Жонки съ жонкою» К. «женки съ жонкою» А. А. Э. ии) «учнеть» К. «учнеть» А. А. Э. іі) «сколько ни будетъ, на 5 боевъ или на одномъ» К. «сколко ни будеть, на 5 или на одномъ боевъ своихъ» А. А. Э. кк) «присужати» К. «присужати» А. А. Э. лл) «единъ» К. «единъ» А. А. Э.

Слова: ***Князь, Посадникъ, Владыченъ Намѣстникъ*** у Карамзина вездѣ начинаются прописными буквами точно также, какъ слово ***Князь*** въ Актахъ Археогр. Эксп. Предлогъ *а*, стоящій въ П. С. Грамотѣ (по изд. Мурз.) весьма часто въ началѣ каждой статьи, въ обоихъ, прежде напечатанныхъ отрывкахъ, почти вовсе не упоминается. Наконецъ во всѣхъ трехъ отрывкахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, знаки препинанія поставлены совершенно различно.

172. *Непростыми церковными людьми* назывались духовные сановники: игуменъ, игуменья, священникъ (объясн. изд.).

173. Въ ориг. *«вопчи»*—вообще, вмѣстѣ. «Въ службѣ соборныхъ старцевъ... выбирати архимандриту Никитѣ со всѣми вами вопчѣ» (А. А. Э. IV, 216). «А про вопчіи на порубежьи» (Новгород. лѣт. I, 95). «.... ино судъ вобчой» (А. А. Э. I, № 9, стр. 5. Ср. Рус. Дост. II, 281 и Рус. Юрид. Посл. въ Москвит. 1849, стр. 16).

174. Безъ сомнѣнія, за уводъ или покражу животнаго.

175. Въ ориг. *«и за куръ і за кокощь»*. Слово *«куръ»* издатель грамоты переводитъ: «пѣтухъ, пѣвень. Отсюда куропѣніе»; а *«кокощь»* «насѣдка съ птенцами». У Карамзина, вмѣсто: «и за куръ, і за кокощь», находится *«и за курицу и за кочетъ»*; тоже самое читаемъ въ отрывкѣ, помѣщенномъ въ Актахъ Арх. Эксп. Митр. Евгеній переводитъ это мѣсто П. С. Грамоты: *«за курицу и пѣтуха»* (Ист. Княж. Псковскаго, I, 46). Въ Сл. Ц. С. и Рус. яз. сказано, что *куръ* (стар.) значитъ: 1) пѣтухъ, кочетъ; 2) *куры*, (множ.) пѣтухи и курицы; 3) время, въ которое пѣтухи поютъ (II, 239). Тамъ же объяснено, что *кокошь* (а не *кокощь*) означаетъ курицу, насѣдку (II, 187); *кочетъ* переводится пѣтухъ (ibid. II, 213). Въ настоящемъ случаѣ, мы слѣдуемъ мнѣнію Карамзина и Митр. Евгенія.

176. Въ ориг. *«братьщина»* — тоже, что *братчина*, т. е. семейное или общественное пиршество. «Боярскіе люди и намѣстничьи и тіуньи люди на пиры и на братчины незваны къ нимъ не ѣздятъ» (Сл. Ц. С. и Рус. яз. I, 81). Въ Кіевской лѣтописи сказано: «и начаша Ростислава звати лестію въ братщину» (Арц. Пов. о Р., к. II, стр. 160, пр. 1000). Татищевъ, въ этомъ мѣстѣ, вмѣсто слова *«братщина»*, написалъ *«на пиръ градскій»* (Ист. Рос. Тат. III, стр. 109). Въ уставныхъ грамотахъ и частію жалованныхъ разнымъ волостямъ и селамъ встрѣчается непрерывный рядъ указаній на *пиры и братчины* (Ср. А. А. Э. I, № № 114, 123, 139, 143, 144, 151, 159, 171, 183, 201, 217, 240, 325, 329, 348, 357 и мн. др.). Въ Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, изд. Н. Калачовымъ, кн. II, полов. II, М., 1854, въ изслѣдованіи г. Попова: *«Пиры и Братчины»* обращено вниманіе на статью П. С. Грамоты о братчинахъ. Въ Актахъ Арх. Эксп. напечатано: *«братщина судитъ*

какъ судьи» (№ 103); въ изданіи г. Мурзакевича мы читаемъ: «*А братьщина судить какъ судили*». «По видимому, неважныя измѣненія», говоритъ авторъ, «заключающіяся въ трехъ буквахъ, измѣнили однакоже совершенно смыслъ статьи, которая въ слѣдствіе сего получила два чтенія и два различныхъ смысла. По первому чтенію выходитъ, что братчины имѣли право суда и судили точно также, какъ судьи; по второму оказывается, что братчину, т. е. дѣла о братчинахъ, судить предписываетъ грамота, также какъ они судились прежде или, выражаясь древнимъ словомъ, по старинѣ, по пошлинѣ, т. е. прежнимъ порядкомъ, о которомъ мы однакоже ничего не знаемъ. Очевидно, въ слѣдствіе двухъ различныхъ чтеній возникаютъ два противоположные другъ другу смысла одной и той же статьи и слѣдовательно возникаетъ самъ собою вопросъ: которое изъ чтеній должно принять за правильное и который смыслъ за настоящій?» Далѣе авторъ весьма справедливо замѣчаетъ, что по изданію г. Мурзакевича въ словѣ: «*судили*» слогъ *ли* напечатанъ курсивомъ, слѣд. онъ лишній, ибо не находится въ рукописи, а прибавленъ издателемъ; остается «*суди*» — судьи. Доказательство справедливости чтенія, принимаемаго въ Актахъ Арх. Эксп., поэтому едва-ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. На этомъ основаніи, статью П. С. Грамоты о братчинахъ мы перевели: «*Братчинѣ судить какъ судьямъ*». О братчинахъ см. еще: Снегирева, Рус. народ. пословицы и притчи, М. 1848, стр. 22; Рус. юрид. пословицы, въ Москвит. 1849 г., № 8, стр. 16 17; А. Терещенко: Бытъ русскаго народа», С.Пб. 1848, ч. V, стр. 149 и слѣд.

177. Въ ориг. «*въ корецъ.., не продовати*». Въ Сл. Ц: С. и Рус. яз. слову «*корецъ*» приданы слѣдующія значенія: 1) Ковшъ, выдолбленный изъ корневины; 2) Ящикъ на мельницѣ, въ который мука сыпится изъ жернововъ; 3) Стар. Мѣра жита, содержавшая въ себѣ не болѣе гарнца; кобелъ (II, 203). «*Корецъ*» былъ извѣстною мѣрою, клейменною общимъ государственнымъ клеймомъ, но назначенною не для мѣры хлѣба, къ чему служили печатныя четверти и осьмины, а для взиманія натуральной пошлины (См. Внутреннія Таможенныя Пошлины, соч. Е. Осокина, Казань, 1850, стр. 79). Изъ П. С. Грамоты видно, что корецъ служилъ мѣрою не для одного только *хлѣба*, какъ прежде полагали, но и для *жидкостей*, и что онъ употреблялся въ случаѣ продажи меда и другихъ *напитковъ* въ опредѣленномъ количествѣ.

178. Митр. Евгеній переводитъ эту статью слѣдующимъ образомъ: «Кто у кого бороду вырветъ *и свидѣтелемъ не доказанъ*, такому цѣловать крестъ и биться на поединкѣ; а естьли свидѣтель *докажетъ*, то взыскать за бороду и бой два рубли, а свидѣтелю быть одному» (Ист. Княж. Псковскаго, ч, I, стр. 46). Но глаг. *опослушествовать* значитъ свидѣтельствовать, равно какъ и *послуховать*; такъ въ Судной Новгородской Грамотѣ говорится: «А Пъсковитину не послуховать» (А. А. Э. I, № 92, стр. 70). «А кого опослушествуетъ послухъ, ино съ нимъ увѣдается въ двѣ недѣли» (ibid., стр. 71). Ср. Суд. Іоан. III, ст. «о послушествѣ». Слово «*изможетъ*», безъ сомнѣнія, равносильно «одолѣетъ», тѣмъ болѣе, что въ древнія времена допускался поединокъ отвѣтчика съ свидѣтелемъ (Ср. соч. Куницына, стр. 106).

III.

УКАЗАТЕЛЬ И ОБЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ

ВЪ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТѢ.

А.

62. Аркучи (*). — И говоря.

Б.

114. Безсудная грамота. — Грамота, по которой отвѣтчикъ, вслѣдствіе неявки въ судебное мѣсто, обвинялся *безъ суда.*

63. Безъ дива. — Нѣтъ ничего достойнаго вниманія, удивленія.

43. Блюденье. — Храненіе.

164. Борти. — Древесныя дупла для содержанія пчелиныхъ роевъ.

159. Братанъ. — Племянникъ.

176. Братьщина. — Семейное или общественное пиршество.

В.

112. Верста. — Мѣра разстоянія въ 500 сажень.

56. Вершь. — Хлѣбъ, жито, хлѣбныя зерна.

8. Владыченъ-намѣстникъ. — Лицо, поставленное епархіальнымъ Новгородскимъ Архіепископомъ судить во Псковѣ и его области дѣла, подлежащія, по Номоканону, епископскому суду.

86. Волная рота. — Свободная клятва, присяга.

55. Волость. — Область, нѣсколько деревень одного вѣдомства.

*) Число, поставленное предъ извѣстнымъ словомъ, соотвѣтствуетъ № примѣчанія, въ которомъ это слово объяснено или упомянуто болѣе подробнымъ образомъ.

50. **Воля.**	Свобода, желаніе, выборъ.
173. **Вопчи.**	Вообще, вмѣстѣ.
126. **Всадить въ дыбу.**	Заклепать въ колодку.
37. **Выкупокъ.**	Запись на выкупъ проданной или заложенной земли.
132. **Вымать.**	Брать укрывающагося или что либо запрещенное.
158. **Вятшій.**	Старшій.

Г.

69. **Головшина.**	Убійство.
31. **Господа.**	Вѣчевая власть.
154. **Гостебное.**	Торговыя дѣла.
141. **Гостинецъ.**	Проценты.
85. **Государь.**	Хозяинъ.
144. **Губной староста.**	Чиновникъ, завѣдывавшій въ подчиненномъ ему округѣ уголовными дѣлами.

Д.

82. **Дать руку.**	Поручиться.
133. **Дверская пошлина.**	Пошлина, платимая въ пользу придверниковъ.
134. **Дворянинъ.**	Лицо, исправлявшее приставную должность и служившее при дворѣ Князя.
121. **Добрые люди.**	Свидѣтели, выбираемые изъ людей, извѣстныхъ своею честностью и прямотою.
140. **Доличить.**	Доказать явно, обнаружить, уличить.
42. **Доска.**	Письменный актъ, начерченный на древесной корѣ.
78. **Доспѣхъ.**	Строеніе; одежда.
71. **Душа выдать.**	Выдать лицомъ.
147. **Дьякъ.**	Чиновникъ, занимавшійся письменнымъ дѣлопроизводствомъ.

Ж.

157. **Желѣзное.**	Пошлина за наложеніе на кого либо оковъ.
48. **Животъ.**	Имущество; жизнь
116. **Жить, живать.**	Работать, исполнять извѣстныя обязанности.

З.

49. **За.**	Чрезъ, спустя.
93. **Закличъ.**	Изустное объявленіе на площади.
53. **Закупенъ.**	Лицо, обязавшееся за данную ему впередъ плату служить извѣстное время своему хозяину; обязанный наемникъ.

99. Заложить весну. — Уйдти, не дождавшись окончанія срока найма.
156. Заповѣдь. — Пеня за нарушеніе запрещенія.
142. Зарокъ. — Срокъ.
79. Зрячее. — Животное, домашній скотъ.
39. Зсудіа. — Ссуда.

И.

30. Изводъ. — Сводъ, сличеніе доказательствъ предъ судомъ.
30. Изводить, извести. — Сводить, сличать.
104. Изгибшее. — Пропавшее, потерянное.
75. Изгодить. — Вывести изъ угоды, лишить милости, оклеветать.
73. Изневѣсти. — Вдругъ, внезапно, неожиданно.
178. Измочь. — Одолѣть.
95. Изорникъ. — Крестьянинъ, земледѣлецъ, получившій покруту отъ хозяина, и потому обязанный служить ему извѣстное время.
74. Изымать. — Удручать, отягчать, наносить ущербъ.
60. Иночай. — Человѣкъ, дающій пристанище, ночлегъ.
97. Исадъ. — Мѣсто высадки на берегъ, пристань; рыбныя ловли.
41. Искать. — Взыскивать.
98. Исполовникъ. — Половникъ, земледѣлецъ, пользующійся половиною доходовъ съ чужой земли.
11. Исправа. — Расправа, разборъ, разбирательство.
29. Исцы. — Истецъ и отвѣтчикъ; тяжущіеся.

К.

2. Клѣть. — Кладовая.
72. Княжее — Правительственное мѣсто; начальство.
13. Княжъ человѣкъ. — Лицо, подчиненное или служащее князю.
175. Кокощь. — Пѣтухъ.
19. Коневой. — Конскій.
177. Корецъ. — Мѣра, опредѣленная для продажи меда и другихъ напитковъ.
138. Кормля. — Пользованіе мужнинымъ или жениными имѣніемъ.
96. Кочётникъ. — Лицо приписанное къ чети (четверти) или управлявшее ею.
44. Крута. — Украшеніе.
10. Куны. — Лоскутокъ шкуры куньей, представлявшій извѣстную монету.

165. Купная грамота.	Грамота, даваемая при продажи вещи на ея владѣніе.
175. Куръ.	Курица.

Л.

47. Ларь.	Архивъ Св. Троицы во Псковѣ.
51. Лѣзть.	Идти.
28. Лѣшая земля.	Земля подъ лѣсомъ.

М.

146. Межа.	Межеванье.
32. Межникъ.	Межевщикъ.

Н.

61. Наймитъ.	Свободный человѣкъ, опредѣлявшійся въ услуженіе.
92. Наймъ.	Договорная цѣна, платимая за наемъ.
17. Насѣдъ.	Преемникъ.
6. Находъ.	Нападеніе.
87. Нелюбовь.	Раздоръ, вражда, гнѣвъ, опала.
172. Непростые люди.	Духовные сановники.
80. Несудить.	Не посудить, не принять въ уваженіе.
76. Нять.	Взять, имѣть.

О.

67. Оброкъ.	Просрочка.
68. Ограмочой.	Истецъ, получившій грамоту отъ судебнаго мѣста на доставку отвѣтчика въ судъ.
160. Окладать.	Вскладывать вину на кого либо.
22. Ополная земля.	Пахатная, воздѣланная земля.
178. Опослушествовать.	Засвидѣтельствовать, показать.
16. Орудіе.	Дѣло.
152. Остапки.	Остатки, остальное.
149. Откличъ.	Исключеніе?
94. Отрóкъ.	Отказъ, отреченіе, ссылка.
151. Отчина.	Имущество, дошедшее къ извѣстному лицу отъ его отца.

П.

4. Палуба.	Помостъ, настилка, кровля.
20. Перевѣтникъ.	Передатчикъ вѣстей, измѣнникъ.
148. Печатная пошлина.	Пошлина, взимаемая въ пользу печатника.
84. Пировой староста.	Старшина, завѣдывавшій складчиною поселянъ на пирахъ и братчинахъ.

113. Писецъ.	Судейскій служитель, писавшій различнаго рода акты и грамоты.
34. Повинить.	Признать виновнымъ.
64. Погостъ.	Богослужебное мѣсто вокругъ церкви.
110. Подвойскій.	Приставъ, вызывавшій отвѣтчика къ суду преимущественно изъ отдаленнаго мѣста жительства.
45. Подрядная.	Письменный договоръ.
161. Подсусѣдникъ.	Нахлѣбникъ.
58. Позовникъ.	Приставъ, вызывавшій къ суду отвѣтчика въ волостяхъ.
66. Позовница.	Грамота, даваемая позовнику для вызова отвѣтчика къ суду.
107. Поиматься.	Вступаться, вклепываться.
101. Покрута.	Плата, выдаваемая деньгами или вещами наемнику впередъ за работу.
33. Поле.	Судебный поединокъ.
127. Поличное.	Вещи, покраденныя и найденныя у кого либо.
123. Помочь.	Помощь, подмога, содѣйствіе.
109. Портище.	Одежда, платье.
118. Порука.	Поручитель.
89. Поручникъ.	Поручитель.
21. Посадъ.	Новый городъ, предмѣстье.
105. Пословица.	Согласіе, сговоръ, предварительное условіе.
59. Послухъ.	Свидѣтель.
125. Пособникъ.	Лицо, производящее искъ по праву представительства; повѣренный.
35. Посудить.	Принять въ споръ, предать суду.
12. Посулъ.	Взятка.
1. Пошлина.	Старина, древній обычай.
169. Пошлинная грамота.	Древняя, старинная грамота.
128. Правая грамота.	Справедливая грамота.
38. 129. Правда.	Присяга, судъ; сущность и свойство вещи или дѣла.
25. Право передъ Богомъ.	Обычная формула при показаніи свидѣтелей.
14. Пригородъ.	Уѣздный городъ, подвѣдомственный областному управленію.
41. Приказникъ.	Душеприкащикъ.
41. 119. Приказъ.	Завѣщаніе.
115. Приставная грамота.	Грамота, даваемая приставу на доставленіе отвѣтчика къ суду.
88. Приставное.	Плата, выдаваемая приставу за доставку отвѣтчика къ суду, а также за наблюденіе за порядкомъ при поединкѣ на полѣ.

89. **Приставъ.**	Судейскій служитель, имѣвшій главною должностью вызовъ отвѣтчика; выборный при производствѣ слѣдствія.
7. **Продажа.**	Пеня за вину или преступленіе.
170. **Проскурница.**	Просвирня.
155. **Проторы.**	Убытки, ущербъ, издержки.
90. **Прощеніе взять.**	Примириться.
167. **Пѣнязи.**	Деньги.

Р.

46. **Рукописаніе.**	Завѣщаніе.

С.

43. **Сблюденье.**	Сохраненіе.
54. **Скотникъ.**	Заимодавецъ.
130. **Смолва.**	Согласіе.
32, 117. **Снять.**	Вступить въ бой, въ споръ; срисовать.
36. **Сотскій.**	Начальникъ надъ сотнею, имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи и судебныя дѣла.
57. **Сочить.**	Отыскивать, требовать, доправлять.
83. **Староста.**	Лицо, управлявшее ввѣренною ему улицею въ Новгородѣ и Псковѣ и производившее судъ въ округѣ, ему подчиненномъ.
24. **Стать.**	Явиться на очную ставку.
23. **Стражать.**	Воздѣлывать.
168. **Строка.**	Дѣло, мѣсто, статья.
9. **Судъ судить.**	Судить споръ тяжущихся.
162. **Суплетка.**	Дѣло, связь.
124. **Сутяжники.**	Обѣ тяжущіяся стороны, т. е. истецъ и отвѣтчикъ.
166. **Сябры.**	Совладѣлецъ, соучастникъ, сосѣдъ.

Т.

3. **Титяга.**	Скоба дверная.
70. **Торгъ.**	Рынокъ, ярманка.

У.

15. **Управливати.**	Окончить.
91. **Урокъ.**	Урочное, опредѣленное время.
136. **Утягать.**	По суду доказывать, уличать.

Х.

122. **Хоромы.**	Комнаты, горница.
18. **Храмской.**	Комнатный.

Ц.

137.	Церковный староста.	Лицо, надзиравшее надъ церковными дѣлами.
137.	Церковное старощенье.	Исправленіе должности церковнаго старосты.
26.	Цѣлованіе.	Клятва, присяга, цѣлованіе креста.

Я.

5.	Яма.	Гумно.

Ѣ.

111.	Ѣздъ.	Плата въ пользу судейскихъ служителей за производство отъѣзжаго суда.